

2 (42) 2009

MOZIYDAN SADO

ECHO OF HISTORY
ЭХО ИСТОРИИ

TOШКЕНТ
TASHKENT
ТАШКЕНТ

2200

*Тошканд мулкин букун таърифин этай,
Нукталар шодасин назмга битай.
Бир диёрки, анда сунбулу раъно,
Халқин жаҳон айтар мардуми доно.
Андоқ бир шаҳарки жаннатмакондир,
Хижолатдин жаннат сийнаси қондир.
Бу кентни ким кўрса асло жилмагай,
Жаннат неъматларин орзу қилмагай.*

Зайниддин ВОСИФИЙ

*Послушай описание царства Ташкента,
Страны, прелесть которой повсеместно
Известна понимающим людям...
...Всякий, поселившийся в этой стране,
Больше не вспомнит о рае.
Умереть там - гораздо лучше,
Чем быть живым в другом мире.*

Зайниддин ВАСИФИ

*Listen to the description of Tashkent kingdom,
The country, which charm everywhere
Is known to knowing people...
... Anybody who is settled in this country,
Will never remember the paradise.
To die there - is much better,
Than to be alive in the other world.*

Zajnidin VASIFY

«МОЗИЙ – ИСТИҚБОЛИМИЗНИНГ ТАРОЗИСИДИР».

Маҳмудхўжа Бехбудий

MOZIYDAN SADO

ECHO OF HISTORY
ЭХО ИСТОРИИ

2.(42).2009

ТАЪСИСЧИЛАР: Ўзбекистон Республикаси

Маданият ва спорт ишлари вазирлиги,

Бадиий академияси, Матбуот ва ахборот агентлиги

УШБУ СОНДА:

Пўлат ЗОҲИДОВ АЗИМ ТОШКЕНТ	2
Абдуманноп ЗИЯЕВ ХІХ АСРДА ТОШКЕНТ ИСТЕҲКОМЛАРИ	7
Жаннат ИСМОИЛОВА ТОШКЕНТ ШАҲАРСОЗЛИГИ (ХІХ аср охири - ХХ аср боши)	10
Ҳамдам СОДИҚОВ ТОШКЕНТНИНГ БУЮК АЛЛОМАСИ	14
Шамсиддин КАМОЛИДДИН ЧОЧ (ШОШ) ТОПОНИМИНИНГ КЕЛИБ ЧИКИШИ ҲАҚИДА	18
Акбар ҲАКИМОВ ТОШКЕНТНИНГ АНЪАНАВИЙ ҲУНАРМАНДЧИЛИГИ	22
Ўктам СУЛТОНОВ АЗИЗЛАРХОН ЭШОН МАСЖИДИ	28
Рашод НОСИРОВ, Бахтиёр ЙЎЛДОШЕВ, Ҳафиза ТЎЙЧИЕВА ТОШКЕНТ ҲУКМДОРИ	30
Шодмон ВОҲИДОВ, Раҳбар ХОЛИҚОВА АБУ УБАЙДУЛЛОҲ ТОШКАНДИЙ. «ХУЛОСАТ УЛ-АҲВОЛ»	33
Дилором ЧОРИЕВА ТОИБ ТОШКАНДИЙНИНГ ИЛМИЙ МЕРОСИ	36
Анорой ТОҒАЕВА ТЕМИР ЙЎЛ ТАРИХИДАН	40
Машхура ҲАСАНОВА ТОШКЕНТНИНГ САВДО МУНОСАБАТЛАРИ (ХІХ асрнинг иккинчи ярми – ХХ аср боши)	43
Зайниддин ВОСИФИЙ ТОШКЕНТГА ҚАСИДА	46

*Илмий-амалий, маънавий-
маърифий, рангли журнал*

1999 йилдан чоп этила бошлади.

Уч ойда бир марта
ўзбек–инглиз–рус
тилларида чиқади

БОШ МУҲАРРИР
Зафар ҲАКИМОВ

ТАҲРИР ҲАЙЪАТИ
Дилором АЛИМОВА
Шодмон ВОҲИДОВ
Анатолий САГДУЛЛАЕВ
Бахтиёр САЙФУЛЛАЕВ
Темир ШИРИНОВ
Усмон ҚОРАБОЕВ
Нозим ҲАБИБУЛЛАЕВ
Акбар ҲАКИМОВ
Маҳмуджон ҲАСАНОВ
Саидбек ҲАСАНОВ

**ЖАМОАТЧИЛИК
КЕНГАШИ**
Роберт АЛМЕЕВ
Мариника БОБОНАЗАРОВА
Исмоил БОТИРОВ
Равшан МАНСУРОВ
Зокиржон МАШРАБОВ
Нўъмонжон МАҲМУДОВ
Наби ХУШВАҚТОВ
Иброҳим ЮСУПОВ

Инглиз тили муҳаррири
Гулхумор РАҲИМОВА

Бош расом
Дилмурод ИРГАШЕВ

ТАҲРИРИЯТ МАНЗИЛИ:

100129. Тошкент ш.,
Навой кўчаси, 30.
Тел.: 244-34-65, 244-74-19.
Факс: 244-74-19.

E-mail: moziydansado@mail.ru

Индекс: 1047-шахсий обуначилар,
1048-ташкilotлар учун.

O'ZB.-GERM.
MCHJ «KAMALAK-PRINT»
босмаҳонасида чоп этилди.
Буюртма № 88

Адади 1500.

ISSN 2010-5258

Қўраш қўрашлари
Милласет музейи
КК 9359
Инв: № 1256

ТАШКЕНТ ВЕЛИКИЙ

Абу Райхан Беруни разъясняет, что «Таш» – тюркское слово, искаженно Шаш/Чач. Ташкент означает каменную зимовку (кишлак).

Арабские и персидские источники Ташкент характеризуют непременно с эпитетом «великий». Тошканди азим – Ташкент Великий! По сравнению со священной Бухарой, райским Самаркандом, определение Великий Ташкент кажется всего лишь эпической метафорой. Однако для такого эпитета были реально-исторические основания.

О средневеком Ташкенте, его градостроительных особенностях интересные сведения оставили арабские источники, особенно историки-географы. Арабский географ Истахри (X в.) среди всех областей Туркестана самым значительным выделяет Чач/Шаш, где главным называет город Бинкат, который имел мощную оборонительную систему, какой не было ни в одном городе Туркестана. Среди десяти названий ворот первого рабада только Дари Фархан – «Ворота Фархан» ныне могут быть локализованы в современной топонимике Ташкента – это археологический памятник Хаджа Фархан на окраине улицы Чигатай-Фараби. Другие два названия ворот Дари Куيي Хакан – «Ворота хаканской улицы» свидетельствуют о существовании Дворца Хакана. Дари Кушки Дехкан – «Ворота Кёшка Дехкана» вели к замку. Оставленные без перевода в арабско-персидских текстах тюркские термины «Кёшк» и «Хакан» свидетельствуют, что для Ташкента они исконно традиционны. Приведены также названия семи ворот наружного рабада.

Истахри сообщает: «Дворец эмира и тюрьма находятся в кухендизе. И пятничная мечеть расположена у стены кухендиза. Во внутреннем шахристане есть небольшой базар, а большие базары помещаются в рабаде. Длина города, (считая) от третьей наружной стены через весь город до наружной стены, – один фарсанг (т.е. 6–7 км). И во внутреннем шахристане и в рабаде есть проточные воды, а в рабаде (также) бустаны и воды в изобилии».

В начале X в. дворец – резиденция Амира, ставленника арабских завоевателей, находился внутри древней крепости за пределами шахристана, а «Хаканские ворота» и «Ворота Кёшка Дехкана» находились поблизости, локализация которых ныне почти невозможна. Исследователи М.Е.Массон и О.Г.Большаков территорию Ташкента значительно сужают, приняв один фарсанг – 6 км за периметр города, хотя Истахри указывает на диаметр – от стены до стены «через весь город». Следовательно, Ташкент в начале X в. занимал территорию, огороженную крепостной стеной более 18 км, охватывая площадь более 28 кв. км.

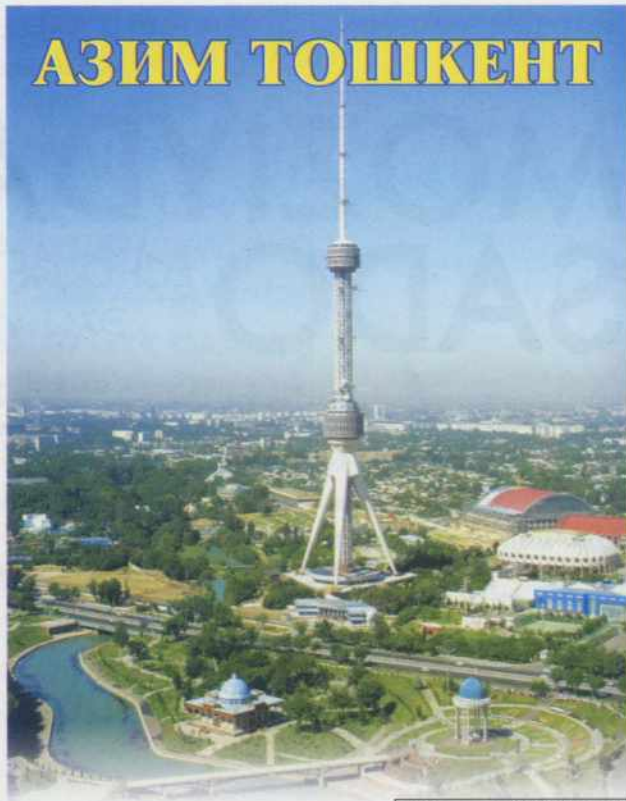
При сравнении средневековых городов Туркестана начала X в. О.Большаков отмечает, что Бинкат-Ташкент по величине следует за «гигантами» Мерв (200 га), Самарканд (65 га) и Бухара (35 га). Однако даже в случае принятия за периметр внешних стен 6 км получается площадь города около 300 га. Для сравнения – городище Канка-Харашкет даже в доарабское время, по данным М.Е.Массона, имело огороженную территорию 171,5 га. Возникает сомнение относительно правильности подсчетов археологов-историков по Бинкату. Итак, средневековый Ташкент-Бинкат, по данным Истахри и археологическим обследованиям – самый крупный город Туркестана. Вот почему летописцы называли Ташкент великим.

Установление за Ташкентом-Бинкатом исторически важного факта самого крупного города средневекового Туркестана наталкивает на следующие размышления.

Во-первых, античные историки не случайно среди древних городов Туркестана упоминали только в греческом переводе город Лифинос пургос – арабский Бурдж ал-хиджара – «Каменная крепость», которая в средневековых летописях X в. упоминается под названием Ташкент. Этот факт свидетельствует, что Ташкент еще в античный период был особо заметен как опорный пункт на середине Великого шелкового пути.

Во-вторых, Истахри области Чач и Илак, расположенные в долине Чирчика, характеризует как самые урбанизованные и

АЗИМ ТОШКЕНТ

Пулат ЗОХИДОВ

Абу Райхон Беруний «Тош» – туркий сўз, бузилгани эса Шош /Чоч деб тушунтиради. Тошкент тош кишловни билдиради (кишлоқ).

Араб ва форс манбалари, Тошкентни албатта «Азим» эпитети билан тавсифлайди. Тошканди Азим! Муқаддас Бухорон шариф, жаннатмакон Самарқандга таккослаганда Тошканди Азим таърифи фақатгина мажозий истиорага ўхшайди. Зеро, бундай эпитет учун тарихий реал асослар мавжуд эди.

Араб географ Истахрий (X) Туркистоннинг барча вилоятлари ичида энг йириги деб Чоч/Шошни алоҳида кўрсатиб, асосий шаҳри Бинкат эканлигини таъкидлайди. Истахрийнинг тасвирига биноан, Тошкент/Бинкат Туркистоннинг қадимий шаҳарларидан бирортасида ҳам мавжуд бўлмаган тараққий этган ва қудратли мудофаа тизимига эга эди. Биринчи рабоннинг ўнта номи ичида фақат Дори Фархон – «Фархон Дарвозаси» хозирги кунда замонавий Тошкент топонимикасида сакланиб қолган – бу Чигатай-Фаробий кўчаси атрофидаги Хожа Фархон археологик ёдгорлигидир. Яна иккита дарвозанинг номланиши ҳам меъморий-шаҳарсозлик нуктаи назаридан кизикиш ўйотади. Дари Куيي Хокон – «Хокон кўчаси дарвозаси» ушбу кўчада Хокон Саройи мавжудлигидан дарак беради; Дари Кўшки Дехкон – «Дехкон Кўшки дарвозаси» дир. Араб-форс матнларда таржимасиз қолдирилган «Кўшк» ва «Хокон» туркча терминлар Тошкент учун азалдан аънавий бўлганлигидан гувоҳлик беради. Шунингдек, ташки рабоннинг саккизта дарвозасининг номлари ҳам эслатиб ўтилган.

Истахрийнинг маълумотича: «Амир саройи ҳамда камокхона кухендизга жойлашган. Жомеъ масжиди ҳам кухендиз деворлари олдида жойлашган. Ички шахристонда мўъжазгина бозор бор, катта бозорлар рабодда жойлашган. Шаҳарнинг узунлиги учинчи ташки девордан ҳисобланганда бутун шаҳар бўйлаб нариги ташки деворгача бир фарсанг (яъни 6-7 км)ни ташкил этади. Ички

шахристонда ҳам, рабодда ҳам оқар сувли ариқлар бор, рабодда эса (шунингдек) боғу бўстонлар ва сув сероб”.

X аср бошларида сарой – араб босқинчиларининг ноиб Амирининг қароргоҳи шахристон ташқарисидаги қадимий қалъа ичида, “Хокон дарвозаси” ҳамда “Дехкон Кўшки дарвозаси” яқинроғида жойлашганди, ҳозирда уларни тиклашнинг деярли иложи йўқ. М.Е.Массон ва О.Г.Большаков каби тадқиқотчилар Тошкент территориясини бирмунча камайтириб кўрсатдилар, Истахрий диаметрни у девордан нариги деворгача, яъни бутун шаҳар бўйлаб деб кўрсатишига қарамай, улар бир фарсанг – 6 км ни шаҳар периметри сифатида қабул қилдилар. Демак, Тошкент X аср бошларида 18 км дан ортиқроқ қалъа девори билан ўраб олинган ҳудудни эгаллаган бўлиб, 28 кв км дан кўпроқ майдонни ўз ичига олган.

X аср бошларидаги Туркистоннинг ўрта аср шаҳарлари билан таққослаганда О.Большаков Бинкат-Тошкент катталиги жиҳатидан улкан шаҳарлар Марв (200 га), Самарканд (65 га) ва Бухорога (35га) эргашади деган хулосага келади. Аммо ҳаттоки ташқи деворлар периметрини 6 км деб олинган тақдирда ҳам, шаҳар майдони 300 га атрофида бўлади. Агар таққосланадиган бўлса, Қанка-Харошкет шахристони ҳатто араблардан олдинги вақтда, М.Е.Массон маълумотича, 171, 5 га ўраб олинган ҳудудга эга эди. Бу эса Бинкат бўйича археолог-тарихчиларнинг ҳисоб-китобларининг тўғрилигига нисбатан шубҳа тугдириши турган гап. Шундай қилиб, Истахрий ҳамда археологик маълумотларга кўра ҳам ўрта асрларда Тошкент-Бинкат Туркистоннинг энг йирик шаҳарларидан бирига айланган. Мана шу боис ҳам солномачилар уни Тошкенти азим деб атаганлар.

Тошкент-Бинкатга нисбатан ўрта асрлар Туркистонининг энг йирик шаҳри деган тарихан муҳим фактнинг аниқланиши мулоҳаза қилиб кўришга ундайди.

Биринчидан, антик тарихчилар Туркистоннинг қадимги шаҳарлари орасида шаҳарни фақат юнонча таржимада Луфинос пургос – арабча “Бурж ал-хижар” – “Тош қалъа” деб эслатиб ўтмаганлар, зеро у X асрнинг ўрта асрлар солномаларида Тошкент номи билан тилга олинади. Бу далил антик даврдаёқ Тошкент Буюк Ипак йўли ўртасидаги таянч нукта сифатида алоҳида аҳамият касб этганлигидан далолат беради.

Иккинчидан, Истахрий Чирчик воҳасида жойлашган Чоч ва Илок вилоятларини бутун Туркистонда энг урбанлашган ва обод ўлкалардан бўлган деб тавсифлайди: “Иккала вилоятнинг майдони – икки кунлик (йўл) ё уч кунлик йўл. Бутун Мовароуннаҳрда аҳоли зичлиги ва обод-фаровонликда уларга тенг келадиган вилоят топилмайди”. Араб географлари Тошкент воҳасининг нисбатан катта бўлмаган ҳудудида 40 дан ортиқ шаҳарларни санаб ўтишади.

THE GREAT TASHKENT

Abu Reikhan Beruniy explains that “Tash” is a Turkic word that was distorted as Shash/Chach. Tashkent means stone wintering ground (kishlak).

Oriental annals, especially the Arabian and Persian sources, characterize the city of Tashkent with an epithet “great”. *Tashkandi azim* – Tashkent the Great! Comparing to sacred Bukhara, paradise Samarkand, the definition Tashkent the Great seems only an epic metaphor. However, for such epithet there were real-historical reasons which somehow hitherto were not noticed.

An Arabian geographer Istakhry (10th century) distinguishes Chach/Shash as the most significant among all regions of Turkestan, and he names the main city of Binket.

According to Istakhry’s description, Tashkent/Binket had a developed and mighty defensive system of fortification walls which no other ancient city in Turkestan had ever had. Among ten names of the gates of the first *rabad* only Dari Farkhan – “Gates of Farkhan” – can be nowadays localized in modern toponymics of Tashkent: it is an archeological monument Khadja Farkhan at the end of the street Chigatai-Farabi. The other two names of gates also represent architectural-town-planning interest. Dari Kuyi Khakan – “Gates of the Khakan street” prove the existence of the Palace of the Khakan at the extension of the street; Darvazaii Kushki Dekhkan – “Gates of Kyosk Dekhkan” lead to the palace-*kyoshk* of a feudal lord. The Turkic terms “Kyosk” and “Khakan” found in the Arabian-Persian texts without translation testify that they were primordially traditional for Tashkent. There are also seven names of gates of the external *rabad*.

“The Palace of Emir and a prison-place are both located in the *kukhendiz*. And the Friday Mosque is located at the wall of the *kukhendiz*. In internal *shakhristan* there is a small market while larger markets are located in the *rabad*. The length of the city, (counting) from the third external wall through the entire city up to its external wall, makes one *farsang* (i.e. 6-7km). Both in the inner *shakhristan* and in the *rabad* there are flowing waters, whereas the *rabad* (also) has *bustans* and waters a lot” (the same place, p.29).

At the beginning of the 10th century the Palace – Amir’s residence, the protégé of the Arabian conquerors, was located inside the ancient fortress outside the *shakhristan*, but the “Gates of Khakan” and the “Gates of Kyosk Dekhkan” settled nearby though at present it is almost impossible to find their location. Researchers M.E.Masson and O.G.Bolshakov significantly narrow the territory of Tashkent taking one *farsang* – 6km as the perimeter of the city though Istakhry points that it was the diameter – from one wall to the other one “through the entire city” (Materials, 1973, p.29). That means that Tashkent at the beginning of the 10th century occupied the area surrounded by a fortification wall of more than 18km covering the area of more than 28 square kilometers.

Comparing medieval cities of Turkestan at the beginnings of the 10th century, Bolshakov O. comes to conclusion that Binket-Tashkent for its size follows such “giants” as Merv (200 hectares), Samarkand (65 hectares) and Bukhara (35 hectares). Even if we take the perimeter of external walls as 6km, the area of the city turns out to be equal to about 300 hectares. For comparison – the site of ancient settlement Kanka-Kharashket even in the pre-Arabian time, according to M.E.Masson, had the fenced territory of 171.5 hectares. Therefore we doubt the correctness of calculations of the archeologists-historians concerning Binket. Thus, medieval Tashkent-Binket, according to Istakhry and according to archeological sites of ancient settlements, becomes the largest city in Turkestan. That is why the historians named Tashkent “the great”.

The historically important fact that Tashkent-Binket was the largest city in medieval Turkistan suggests the next deliberations.

First, antique historians of the West not casually among ancient cities of Turkestan mentioned only the Greek translation of the city “*Lifinos Purgos*” – Arabian “*Burdj al-hidjara*” – “Stone fortress” which in medieval annals of the 10th century is mentioned under the name Tashkent. This fact testifies that Tashkent during the ancient period was especially noted as a strong base station in the middle of the Great Silk Road.

благоустроенные во всем Туркестане. «Площадь обеих областей – два дня (пути) на три дня пути. И во всем Мавераннахре нет области, равной этой по населенности и застроенности». Арабские географы называют на этой относительно небольшой территории Ташкентского оазиса наличие 40 городов.

Исследователи такое историческое явление назвали «урбанистическим феноменом», не вдаваясь в подробности причины подобного явления. Во главе урбанистического феномена находился Великий Ташкент.

В-третьих, Шарафуддин Али Язди в «Зафарнаме» (1425) Ташкент называет Хашткент – Восьмиградье, что дает представление о значительности масштабов садово-парковой структуры города, состоящего из восьми территориально больших частей. Созвучие Ташкент – Хашткент отражает урбанистическое своеобразие древнего города.

И наконец, одно из значительных городищ Ташкента вошло в литературу под поздним названием Минг-Урюк – Тысяча урючин, которое не связано с историческим значением памятника. Название ведь обычно возникает из функции памятника. Возможно, здесь кроется искажение древнего названия города.

Обобщая особенности градостроительной структуры Ташкента, в частности, в Бинкенте, есть все основания обосновать гипотетическую этимологию исторического термина. В местных языковых пластах топонимики нет пока научного толкования коренного слова «Бин». Минг-Урюк не имеет отношения к урюковой роже, которое возможно появилось намного позже, а археологический памятник был известен ранее под созвучным названием Минг уйлик – Тысяч домов, что означает народную память о прошлом городища, где находилось множество хозяйств-домовладений. Древние турки слово *Минг* иногда произносили как *бинг*, что зафиксировано в словарях. Отсюда намек на этимологию топонима Бинкат – Бин(г)+кент со значением Тысяч кентов – Тысяч селений, вернее Множество кентов. Арабские первоисточники, не зная местных языков, нередко искажали или отражали на слух. Так, местный термин Бингкент через Бинкат стал загадкой истории. Кстати, на Кашгаре древний доарабский памятник известен под поздним названием Минг уй, что намекает на множество наскальных обителей.

Градостроительная структура Ташкента в позднее средневековье развивалась, сохраняя радиально-кольцевую классическую схему направлений 12 улиц, которые с периферии – от городских ворот вели в центр, где находились торговые ряды-базары, мечети джами и дворцы-резиденции правителей. В XIX в. зафиксированы также 12 ворот, с надвратными сооружениями, однако ни один из них не совпадают с названиями средневековых направлений: Лабзак, Тахтапуль, Карасарай, Сагбан, Чигатай, Самарканд, Камалан, Бешагач, Куймас, Коканд, Кашгар. Очевидно, все названия ворот отражают отчасти изменения и обновления на периферии города, хотя древняя радиально-кольцевая планировка сохранилась почти неизменно.

В современной топонимике города встречаются древнейшие термины, которые связаны с архитектурой, но трактуются историками не всегда верно. Так, в историческом центре Хадра – большая площадь на перекрестке дорог по соседству с археологическими остатками более древних сооружений города. Обычно топоним Хадра разъясняют по-персидски Хадд – граница, конец, Рох – дорога, получается Конец дороги (Ташкент, с.459). Формально убедительно, но фактически вызывает сомнение. Здесь в центре города по существу находится начало, а не конец дорог.

Напрашивается совершенно иное толкование топонима «Хадра». Именно по соседству с площадью находился дворец правителя – древняя Орда – Ордугах – Сарай, который после принятия ислама стали называть по-арабски Хадра(т) – Дворец, поскольку такое название указывает на известный в городе архитектурный ориентир.

В старгородской части Ташкента сохранился древний топоним «Чакар», значение которого даже для жителей махалли «Чакар» остается непонятным. Чакары города расположены на

Тадкикотчилар бундай тарихий ходисанинг юзага келиши тафсилотларини синчиклаб текшириб ўтирмай, “урбанистик нодир ходиса” деб кўя қоладилар. Урбанистик феномен тепасида Азим Тошкент баркарор турарди.

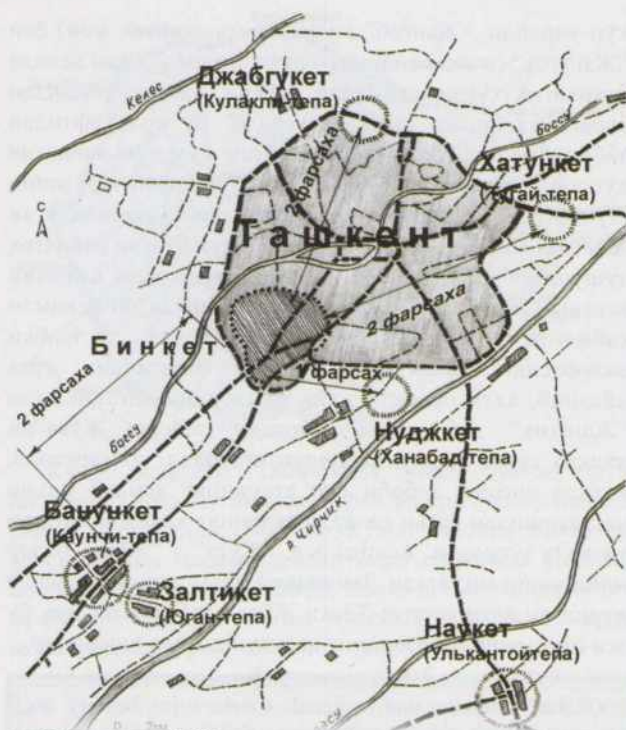
Учинчидан, Шарафуддин Али Яздий ўзининг “Зафарнома”сида (1425) Тошкентни Хошкент – Саккизқиррали деб атайдикки, бу эса саккизта катта худудий қисмдан иборат шаҳарнинг боғ-парк тузилмаси масштабнинг улканлиги ҳақида тасаввур уйғотади. Тошкент – Хошкентнинг оҳангдошлиги қадимги шаҳарнинг урбанистик ўзига хослигини акс эттиради.

Ва ниҳоят, Тошкентнинг энг йирик мавзеларидан бири адабиётга Мингўрик номи билан киритилган, зеро у ёдгорликнинг тарихий маъноси билан умуман боғланмаган. Одатда, жой номи ёдгорликнинг вазифасидан келиб чиқиши лозим-ку. Афтидан, бу ерда шаҳарнинг қадимий номи бузилган бўлиши мумкин.

Тошкентнинг шаҳарсозлик структураси хусусиятларини умумлаштирар эканмиз, чунончи, Бинкат тимсолида унинг тарихий термин жиҳатидаги этимологияси ҳақида барча тахминларимизни баён этишга асосимиз бор. Тарихчилар топонимиканинг маҳаллий тил қатламларида ҳалигача негиз сўз “Бин”нинг шарҳини топиша олишмаяпти. Мингўрикнинг эса ўрикзорга ҳеч қандай алоқаси йўқ, ўрикзор анча кейин пайдо бўлганлиги эҳтимолдан холи эмас, археологик ёдгорлик аввалдан оҳангдош Минг уйлик номи билан машхур эди, халқ хотирасидаги кўҳна шаҳар, яъни бу ерда илгари кўплаб хўжалиқлар бўлганлигидан далолат беради. Ўзбекларнинг қадимий турк аждодлари *минг* сўзини баъзида *бинг* деб талаффуз қилганлар, бу лугатларда ҳам қайд қилинган. Шундан Бинкат топоними этимологиясига ишора бўлиб, у Бинкат – Бин (г)+кент, яъни Мингта кент маъносини беради, тўғрироғи, кўплаб кентларни англатади. Илк араб манбалари маҳаллий тилларни билмасликлари натижаси ўларок, кўпинча уларни бузиб талаффуз қилганлар ёки овозда акс эттирганлар. Шу боис, маҳаллий термин Бингкент Бинкат орқали тарих жумбоғига айланди. Бинобарин, Кошғарда қадимий арабларгача бўлган ёдгорлик кеч Минг уй номи билан машхур, бу унинг кўплаб тошлоқ манзилларига ишоради.

Тошкентнинг шаҳарсозлик тузилмаси кеч ўрта асрларда 12 та кўчанинг радиаль-ҳалқа классик схемасини саклаган ҳолда ривожлана бошлади, зотан, улар марказдан узоклашиб, яъни шаҳар дарвозаларидан савдо-сотик қаторлари, жомеъ масжидлари ва хокимларнинг сарой қароргоҳлари жойлашган марказга

олиб борарди. XIX асрда яна дарвоза усти қурилмалари бор 12 та дарвоза қайд қилинган, лекин уларнинг ҳеч бири ўрта асрлар йўналишлари номи билан мос келмайди. Лабзак, Тахтапул, Қорасарой, Сағбон, Чигатой, Самарканд, Камолон, Бешёғоч, Қўнмас, Қўкон, Кошғар. Афтидан, ҳамма дарвозаларнинг номланиши шаҳар ташқи кўринишидаги ўзгариш ва янгиланишларни ўзида акс эттиради, зеро радиал-ҳалқа қадимий йўналишлар планировкаси деярли ўзгармай сақланган.

Шаҳарнинг замонавий топонимикасида қадимий терминлар учраб туради, улар архитектура билан боғланган бўлиши мумкин, лекин улар тарихчилар томонидан ҳар доим ҳам тўғри талкин қилинвермайди. Масалан, шаҳарнинг тарихий марказидаги Хадра йўллари чорраҳасидаги катта майдон бўлиб, жуда ҳам қадимий шаҳар қурилмаларининг археологик харобалари билан қўшни. Одатда, Хадра топонимини изоҳлаганда, у форсий Хадд – чегара, Роҳ – йўл, яъни Йўлнинг охири деб тушунтирилади. Расман ишонтирарли, лекин ҳақиқатда бу одамда шубҳа уйғотади. Бу ерда, шаҳар маркази мохиятан йўлнинг охири эмас, бошланиши.

Ўз-ўзидан Хадра топонимининг бутунлай бошқача изоҳи келиб чиқади. Айнан майдон билан ёнма-ён ҳукмдорнинг саройи – қадимий Ўрда – Ўрдугоҳ – Сарой жойлашгани, уни ислом қабул қилингандан кейин арабча Хадра(т) деб атаи бошлашган, бинобарин, бундай атама шаҳарда машҳур бўлган меъморий йўлланишдан далолат беради.

Тошкентнинг эски шаҳар қисмида “Чакар” деган қадимий топоним сақланиб қолган, лекин унинг маъноси ҳаттоки “Чакар” маҳалла аҳолиси учун ҳам номаълумлигича қолган. Шаҳар чакарлари оқар сувли чуқур жарликлар билан ёнма-ён тепаликларда жойлашган. Ушбу терминни Заҳириддин Бобур Самаркандни тасвирлаганда шарҳлаб берган. Машҳур меъморий Гўри Амир макбараси шаҳарнинг кичик қалъаси ҳудудида – Чакарда қурилган бўлиб, Бобур уни “тош кўрғон” деб атайди. Демак, “Чакар” – Тош кўрғон, қадимий Бинкат-Тошкентда ўз-ўзидан тош

Secondly, Istakhry characterizes the districts Chach and Ilak, located in the valley of Chirchik, as the most urban and well-arranged in entire Turkestan. “The area of both districts makes two-days way or three-days way. And the whole Mauverannahr has no region equal to these two with the density of population and constructions”. The Arabian geographers name about 40 cities in this relatively small territory of the Tashkent oasis.

Researchers named such historical phenomenon as “urbanistic phenomenon”, not going into details of the reasons of the phenomenon (Belenitskiy, p.195). In the head of the urbanistic phenomenon there was Tashkent the Great.

Thirdly, Sharafuddin Ali Yazdi in “Zafarname” (1425) names Tashkent as Khashtkent – Eight-towns, which proves impressiveness of scales of landscape gardening structure of the city that consists of eight territorially large parts. Accord Tashkent-Khashtkent reflects an urbanistic originality of the ancient city.

Fourthly, one of important sites of ancient settlements of Tashkent was embodied in the literature under its later name Ming-Uryuk, Thousand of Apricot Trees, which is not connected with historical value of the monument. The name usually arises from the purpose of the monument. Probably, distortion of the ancient name of the city underlies here.

Generalizing features of the town-planning structure of Tashkent, in particular, in Binkent we have all the reasons to state our hypothesis about etymology of the historical term. Historians have not yet found in local language layers an explanation of toponymics to a basic word “Bin”. Ming Urik (thousand apricots) has nothing to do with an apricot grove which probably appeared later, and a local population knew the archeological monument under the conformable name Ming Uilik – Thousand houses, which kept the national memory of the past of the site of ancient settlement with lots of earlier houses-estates. The ancient Turkic ancestors of the Uzbeks sometimes pronounced the word “Ming” as *bing*, which is stated in the dictionaries. It drops a hint that the etymology of the toponym Binkent – *Bin(g)kent* with the meaning Thousand *kents* – Thousand settlements or Lots of *kents*, is more accurate. The Arabian primary sources, not knowing the local languages, quite often deformed or reflected the words as they sounded. Thus, an important local term Binkent via Binkent turned to a riddle of history. By the way, on Kashgar an ancient pre-Arabian monument is known under the recent name Ming Ui which tells about a set of rock dwelling-places.

The town-planning structure of Tashkent in later Middle Ages got further developed keeping its radial-ring classical diagram of directions of 12 streets, which from the periphery from the city gates led to the center where trading rows-markets, *masdjidi djami* (Friday Mosques) and palaces-residences of governors were located. In the 19th century there were also found 12 gates with above-entrance constructions, however none of them coincides with the names of medieval directions: Labzak, Takhtapul, Karasarai, Sagban, Chigatai, Samarkand, Kamalan, Beshagach, Kuimas, Kokand, and Kashgar. Apparently all the names of the gates partly reflect changes and updating in the periphery of the city though the ancient directions of the radial-ring lay-out were kept almost invariable.

The modern toponymics of the city contains the most ancient terms related to the architecture but not always correctly treated by historians. That concerns a historical city centre Khadra – a large area on a crossroads neighboring the archeological ruins of older constructions of the city. Usually the toponym Khadra is explained in the Persian language as Khadd – border or end, Rokh – road, so we get the End of a Road (Tashkent, p.459). It formally convinces but actually raises doubts. Here, in the center of the city, there was a beginning not an end of roads.

Absolutely different interpretation of the toponym “Khadra” arises. Next to the square there was a palace of the governor – an ancient Ourda – Ordugakh – Sarai, which started to be called after conversion to Islam as the Arabian Khadra(t) – Palace, since such a name refers to architectural reference point known in the city.

The old-city part of Tashkent preserved an ancient toponym “Chakar” whose meaning even for inhabitants of the *makhallya*

кўрғонни англадиб, бу ерда жангчилар бостириб келаётган душмanning илк хужумини қарши олганлар. Шаҳар бўйлаб жойлаштирилган бундай чакар-кальа истехкомлари бир нечта бўлган. Ўрта асрларда бундай олиб бўлмайдиган кальа-чакарлар Бинкатни – “Минг кентлар”, Тошкентни эса “Тошкент” сифатида донг таратишига сабаб бўлган.

Кеч топонимлардан “Ўкчи” кўчасининг номи диққатни ўзига тортади, бу ерда жойлашган ўк ва ёй тайёрловчи хунармандларнинг устахоналари ўз вақтида Фирдавсийнинг “Шохнома”сида ҳам шарафланган эди. “Сағбан”ни янглиш “Сак+бан” – зардуштарнинг “Итбокарлар” кўчаси, яъни мурдаларни ейишлари учун боқилган ит боқувчилар кўчаси деб нотўғри талкин қилинган. Бу ерда ҳатто бунга ўхшаш нарса ҳам бўлмаган. Энг осони, кўчанинг номини маҳаллий аҳолининг анъанавий фаолияти, кишлоқ хўжалиги билан шуғулланиши билан боғлаш ўринли бўлур эди. “Сағбан” – “Саъбан” – “Чобан” – кишлоқ хўжалик оқсоқоли ёрдамчиси, кейинчалик эса оддийгина чўпон сифатида талкин қилиш мумкин. “Шўъбанан” – чўпонлар. Турк тилларида С-Ч-Ж харфларининг чоғишиб кетиши

возвышенных местах, по соседству с глубокими оврагами (дзар) с проточной водой. Объясняет термин Захириддин Бабур при описании Самарканда. Знаменитый архитектурный некрополь Гур Эмир сооружен на территории малой крепости города – на Чакаре, которую Бабур называет «Таш курган» – «Каменная крепость». Следовательно, «Чакар» – «Таш курган» в древнем Бинкате-Ташкенте представлял собой каменную крепость, где вооруженные воины противостояли первыми натиску наступающего противника. Таких чакаров фортификационных крепостей, выдвинутых по периферии города, было несколько. Непрístupные крепости-чакары в средневековье стали причиной превращения Бинката – «Тысяч кентов» в «Ташкент» – «Каменный кент».

Из поздних топонимов заслуживает внимания название улицы «Укчи» – «Стрелец», где в древности находились ремесленные ряды изготовителей стрел и луков, слава которых воспета в «Шахнаме» Фирдауси. «Сагбан» объясняют ошибочно как «Сак+бан» – улица «Собаководов» – зороастрийцев, которые якобы держали собак для съедания трупов. Ничего подобного на самом деле не было. Легче всего название улицы связать с традиционной деятельностью местного населения, а сельским хозяйством. «Сагбан» – «Саъбан» – «Чобан» – помощник сельского старосты, позднее просто пастух. «Шуъбанан» – пастухи. В тюркоязычной среде переходы С-Ч-Ж наблюдаются повсеместно. «Джангоб» (место слияния вод) или «Джангтах» (место битвы) – оба варианта по-существу не соответствуют действительности, хотя внешне находят словесное объяснение. По-видимому, более подходит пояснение зеленой поляны, огороженной природным рельефом, как место собрания населения, празднеств, курултаев, которое известно под названием Джаргах-Джирга. В Афганистане народное собрание носит название Джирга. В Ташкенте самое излюбленное древнее общественное место – зеленая поляна Джаргах из-за потери первоначальной функции превращена в заброшенный пустырь, стала называться в простонародье – «Джангах». «Эски Джува» – «Старая Джува» разъясняют в народе по-разному, то как арсенал, то намек на кухонный прибор или, независимо от значения термина, подразумевают древний рынок города. На самом деле, термин «Джува» – «Джуба» означает базарную площадь. Новый корпус крытого рынка современной архитектуры назван «Эски Джува» – «Старая Джува», что парадоксально сохраняет намек на древность самого базара.

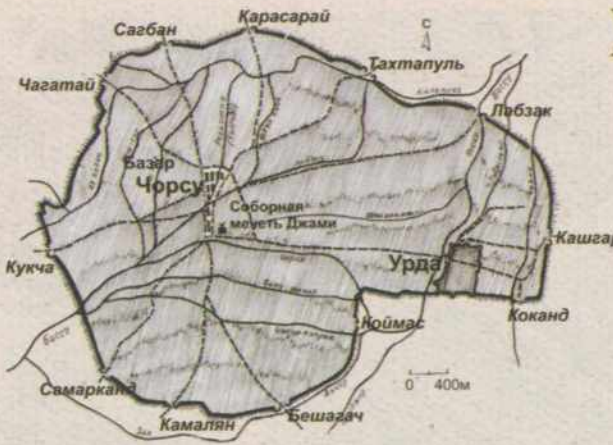
кўп учрайди. “Жангоб” (сувлар туташадиган жой) ёки “Жангтоҳ” (жанг майдони) – иккала вариант ҳам аслида ҳақиқатга тўғри келмайди, лекин ташки томондан караганда оғзаки шархланаверади. Бу ерда афтидан табиий рельеф билан ихоталанган кўм-кўк яланглик кўпроқ тўғри келади, яъни аҳоли кўнгилочар жойи, шунингдек, сайиллар, қурултойлар ўтказиладиган Жаргоҳ-Жирға деб номи билан машҳур бўлган сайилгоҳ тушунчаси тўғри келади. Афғонистонда халқ қадимий кенгаши Жирға деб номланади. Тошкентда энг севимли сайилгоҳ – кўм-кўк Жаргоҳ яланглиги дастлабки вазифасини йўқотганлиги учун ташландик ерга айланиб, халқ орасида жанг майдонини англадиган “Жангтоҳ” деб атала бошлади. “Эски Жўва”ни халқда турли мазмунда тушунтиришади, гоҳ арсенал, гоҳида ошхона асбоби ёки атаманинг қандай маъно англашидан қатъи назар, шаҳарнинг қадимий бозори назарда тутилади. Аслида эса, “Жўва” – “Жўба” бозор майдонини англади. Замонавий меъморчилик асосида қурилган янги корпус “Эски Жўва” деб номланади, бу эса охири-оқибат бозорнинг қадимийлигига ишоради.

“Chakar” remains undiscovered. Chakars in the city are located in high places neighboring with deep ravines (jaars) with flowing water in depth. Zakhiriddin Babur explains this term in the description of Samarkand. A famous architectural necropolis Gur Amir was built in the territory of a small fortress of a city – on Chakar which Babur explains with words “Tash kurgan” – “Stone Fortress”. Hence, “Chakar” – “Tash kurgan” in ancient Binket-Tashkent represented a stone fortress where the armed soldiers met the first attack of an approaching enemy. There were several such chakars of fortification fortresses put along the periphery of the city. Unapproachable fortresses-chakars in the Middle Ages became the reason of transformation from Binket – “Thousand kents” to “Tashkent” – “Stone kent”.

Among the most recent toponyms there is a name of the street “Ukchi” – “Strelets (Bowman)” where in olden days were located the rows of the craftsmen who produced arrows and bows, whose glory was sung in “Shakhname” by Firdausy. “Sagban” is wrongly interpreted as “Sak ban” – street of “Dog breeders” – the Zoroastrians who are said to keep dogs for eating the corpses of the dead. In fact, there was nothing of that sort. It is easier to connect the name of the street with the traditional activity of the local population engaged in agriculture. “Sagban” – “Sa’ban” – “Choban” – an assistant of rural heads (ДТС, с.151), later referred to ordinary shepherd. “Shu’banan” – shepherds. In the Turkic-language environment transitions S-Ch-Zh are observed everywhere. “Jangob” (a place of waters merging) or “Jangah” (a place of battle) – both versions really mismatch the reality though their spelling explains their verbal interpretation. Apparently, their explanation as a green meadow fenced by natural landscape as a place of public meetings, festivals, and kurultais, which is known under the name Jargah-Jirga is more appropriate. In Afghanistan a public meeting carries the name Jirga. In Tashkent the most favorite ancient public place, a green meadow Jargah, because of loss of its initial function transformed into a deserted waste ground, began to be called a place of battle “Jangah”. “Eski Juva” – “Old Juva” is explained differently, either as an arsenal or hint to a kitchen device or, irrespective of the word meaning, refers to the ancient market in the city. But in fact, the term “Juva” – “Juba” means a “market square”. A new building of the covered market-place constructed in modern architectural style is named “Eski Juva” – “Old Juva”, and this paradoxically keeps a hint about antiquity of the market itself.

XIX АСРДА ТОШКЕНТ ИСТЕҲКОМЛАРИ

Абдуманнон ЗИЯЕВ

Кўкон хонлиги (1800-1808) билан бўлган уруш йилларида Тошкентнинг мудофаа девори тўплар зарбига бардош беролмади. Шу боис, Кўкон хонлиги таркибид асосий таянч масканларидан бири сифатида Тошкент бошқатдан мустаҳкамланган, ташки шаҳар девори энига ва бўйига кенгайтирилган, мудофаа жихатдан хатарли жойларида зовурлар казилиб, сув тўлдирилган.

Бинобарин, асосий ишчилар ёллаб ишлатилган, улар йил ўн икки ой давомида узлукиз ишлаб истехком деворини кўтариб борганлар. Бирок, Россия Тошкентни босиб олиш арафасида (1865 йил, июнь) истехком ишлари хали тугалланмаганлиги боис, деворларнинг тепасида унча катта бўлмаган туйнук кўринишидаги кўлбола шинаклар ясалган.

Истехком деворлари ўтадиган жойлар хилма-хил бўлган. Шимолий ва жануби-шарқий қисмларда Калковуз ва Анхор ариқлари душман учун табиий тўсик бўлиб хизмат қилган. Ғарбий ва жануби-ғарбий йўналишда деворлар ёнидаги текисликда зовур казиш ва минора қуриш йўли билан истехкомни кучайтириш талаб этилган.

Шаҳар режаси янада мураккаб шакл касб этган. Унинг узунаси бўйлаб мудофаа деворлари бир-бирига айкашиб кетган кийишк чизик ҳосил қилган. 1865 йилга келиб, деворнинг узунлиги ўн тўққиз верст (километр) ни ташкил этган, унда ўн иккита дарвоза қурилган.

Чорсу бозоридан бошланган ўн иккита йўл қалъа девори дарвозаси олдида тугаган.

Ўрда шаҳарга қўшиб олингунига қадар Тошкент ғарбда "Кўкча", шимоли-ғарбда "Самарқанд дарвоза", шимолда "Сағбон", "Қорасарой", "Тешик копка" ва "Тахтапул", жанубда "Камолон" ва "Бешағоч" дарвозаларига эга бўлган.

Анхор ариги чап қирғоғи шаҳар таркибига киритилгунча шарқий дарвозалар ҳар эҳтимолга қарши, Лабзак ва Шайхонтохур кўчаларининг мудофаа деворига туташган жойда қурилган бўлса керакки, улар шу номлар билан аталган. Шарқий йўналишдаги сўнгги дарвоза "Кўймас" кейинчалик қурилган, чунки унинг атрофида аҳоли сийрак бўлган.

Қалъа девори дарвозалари ёнгинасида жойлашган аҳоли маҳаллалари ва кўчалари шаҳар ва кишлоқларга олиб боровчи кўчалар йўналишига қараб номланган. Масалан, Қашқар дарвозаси олдида бир вақтлар Туркистондан келган қашқарликлар ўрнашган, улар бу ерда "Қашқар" маҳалласини юзага келтирганлар. Бошқа дарвозалар номлари уларнинг ўзига хос табиатидан келиб чиққан. Масалан, "Тахтапул" – ёғоч кўтармали дарвоза, "Кўймас" – ўтиб бўлмайдиган дарвоза ва х.к. Тошкент қалъа дарвозаларининг тасвири йўқлигига қарамай, Кўкон хонлиги шаҳарлари дарвозаларига

қиёсан уларни кўз ўнгида гавдалантириш мумкин. Шаҳар дарвозаларининг кўпчилиги икки четига ярим доирали миноралар ўрнатилган. Дарвоза тепасидаги майдончалар шинакли равонлар билан тўсилган.

Тошкентнинг шарқий қисми ҳамда янги Ўрда атрофидаги Қашқар ва Кўкон дарвозалари қайта тикланган бўлиб, улар орқали Ўрда гарнизони ташки дунё билан алоқа қилиб турарди. Аркнинг ўзида учта дарвоза бор эди. Ғарбий дарвоза Ўрдани Анхор ариғидаги кўприк орқали шаҳар билан боғларди, шарқий дарвоза эса, асосий ҳарбий қўшин жойлашган Себзорга олиб чиқар эди.

Шарқий дарвоза захира йўли бўлиб, шаҳар ҳукмдорини бошқа вилоятлар билан махсус боғлаб туришга мўлжалланганди.

Ўрданинг мудофаа деворлари шаҳарниқидан бақувватроқ бўлган. Аркнинг мустаҳкамланган қисми жануби-ғарбий бурчакда бўлган, у шаҳар ва шаҳар атрофининг энг баланд жойида жойлашган (ҳозир у ерда "Мустақиллик" ёдгорлиги қад кўтарган).

Аркнинг бу бўлаги шаҳар ортини кузатишга ва аҳоли бош кўтарган тақдирда тураржойларни ўққа тутишга мўлжалланган уч минорали кўрғондан иборат.

Ўрда ташки деворлари баландлиги 14 м гача, тагининг эни 6 м, тепасиники эса 4 м гача бўлган. Ўрда мудофаа деворларида ғарбий, жанубий ва шарқий фасадлардан миноралар кўтарилган уч дарвоза қурилган.

Шаҳардан шарқ томонда, Чирчик дарёсининг ўнг қирғоғида Ниёзбек қалъаси жойлашган. У Чирчикдан ажралиб чиққан, Тошкентни сув билан таъминлайдиган Бўзсув ариғини қўриқлашга мўлжалланган.

Шаҳарнинг кўп асрлик тарихи давомида Тошкентни босиб олиш асносида душманлар тўғон қуриб, Бўзсув ариғини неча марта лаб бўғиб қўйишган ва шу тариқа шаҳарликларни мажбуран таслим қилишган. XIX аср бошида Кўкон қўшинлари ҳам шундай йўл тутганлар.

Шу боис, мазкур қисмнинг мудофаасига алоҳида эътибор берилиб, бу ерда 1850 йилларда эскилари ўрнига кийишк тўртбурчак шаклида янги қалъа қурилган эди. 0,7 га майдонли худудга эга бўлган энг узун девор 96 м га чўзилган, девор пойдеворининг эни 10 м гача борган, баландлиги 6 м га етган қалъа теваарига уч томондан эни ва чуқурлиги 6 м дан зовур қазилган.

Чирчик дарёсига қараган тўртинчи девор тик қирғоқ билан туташган ва босқин чоғида деярли ошиб ўтолмайдиган бўлган.

Қалъанинг бурчаклари тўплар ва баланд шинаклар учун майдончалари бўлган кенг миноралар билан мустаҳкамланган. Ниёзбек қалъаси арки чорси шаклда бўлиб, жануби-шарқий деворга туташган икки қаторли шинаклар ва бурчак миноралари бўлган бақувват деворлар билан мустаҳкамланган.

Тўплардан ўққа тутилган қалъа 1865 йил 29 майда руслар томонидан забт этилган, шимоли-шарқий девор бутунлай вайрон этилган.

Ниёзбек қалъасидан фаркли ўлароқ, Тошкент ва Кўкон бир неча километрли мудофаа деворлари билан қуршалган бўлишига қарамай, барибир ҳокимият ҳимояни таъмин этолмаган.

ФОРТИФИКАЦИЯ ТАШКЕНТА XIX ВЕКА

В годы войны с Кокандским ханством (1800–1808 гг.) оборонительная стена Ташкента не устояла под ударами артиллерии. Поэтому в составе Кокандского ханства Ташкент как один из главных опорных пунктов был заново укреплен более мощной стеной, а в стратегически опасных участках устроены рвы, заполняемые водой.

Вероятно, основной рабочий контингент был наемный, работали круглогодично, однако к захвату Ташкента царской Россией (июнь 1865 г.) большая часть фортификационных работ не была завершена, поэтому во многих местах верхних стен устраивались бойницы в виде небольших отверстий.

Местность, по которой проходили крепостные стены города, была неоднородна. В северном и юго-восточном участках естественными преградами для неприятеля служили каналы Калькауз и Анхор. В западном и юго-западном направлениях равнинная территория около стен была укреплена башнями и рвами.

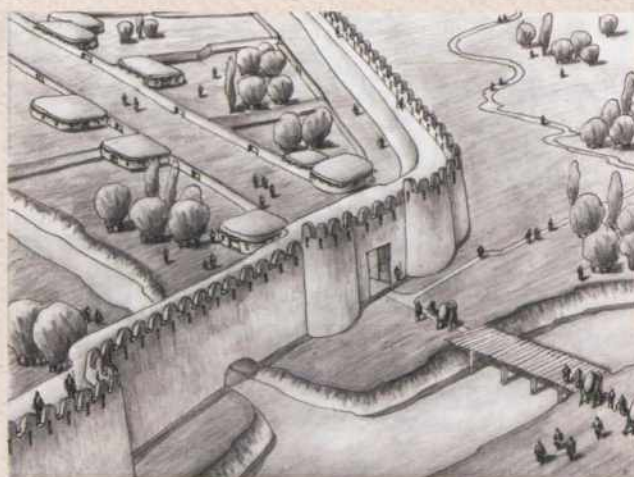
Конфигурация плана города приобрела более сложную форму. Оборонительные стены по его периметру представляли собой сомкнутую непрерывную ломаную линию. Протяженность стен к 1865 г. равнялась девятнадцати верстам, и в них было устроено двенадцать ворот.

Двенадцать радиальных транспортных артерий, беря начало в районе базара Чорсу, заканчивались у ворот крепостной стены.

До присоединения к городу Урды Ташкент имел западные ворота – «Кукча», северо-западные – «Самарканд дарбаза»; северные ворота – «Сагбан», «Карасарай», «Тешик колпка» и «Тахтупуль»; южные – «Камалон» и «Бешагач».

Восточные ворота до присоединения к городу левобережья канала Анхор были, вероятно, устроены на месте примыкания улиц Лабзак и Шайхантахур к оборонительной стене и именовались так же. Последние ворота восточного направления, «Коймас», были устроены позже, так как местность около них была наименее заселенной.

Ворота в крепостной стене получали названия в зависимости от направления улиц, которые вели к городам и селениям, от расположенных рядом с ними жилых массивов и улиц. Например, около ворот Кашгар в свое время поселились выходцы из восточного Туркестана – кашгарлыки, которые образовали здесь махаллу «Кашгар». Названия других ворот происходили от их специфических характеристик. Например, «Тахтупуль» – ворота с пандусом, «Коймас» – непроходимые ворота. Несмотря на отсутствие графических изображений крепостных ворот Ташкента, их можно гипотетически воссоздать по аналогии с другими воротами городов Кокандского ханства. Вероятно, большинство ворот города фланкировалось полукруглыми башнями, а верхние площадки над воротами прикрывались

парапетом с бойницами.

В восточной части Ташкента, около новой Урды, были заново организованы двое ворот – Кашгарские и Кокандские. В самой цитадели были трое ворот. Западные – связывали Урду с городом через мост на канале Анхор; восточные – выводили в сарбазский двор, где размещался основной войсковой контингент.

Южные – служили запасным ходом и предназначались для связи правителя города с другими регионами.

Оборонительные стены Урды были мощнее городских. Наиболее укрепленная часть цитадели была в юго-западном углу, в самой высокой местности в городе и его пригородах (ныне здесь расположен монумент «Мустакиллик»).

Этот участок цитадели представлял собой бастион с тремя башнями, предназначенный для наблюдения за городом и обстрела жилых массивов в случае выступления населения.

Высота наружных стен Урды доходила до 14 м, при ширине основания – 6 м, а банкета – до 4 м. В оборонительных стенах Урды были устроены трое фланкированных башням ворот – с западного, южного и восточного фасадов.

К востоку от города, на правом берегу реки Чирчик, располагалась крепость Ниязбек, предназначавшаяся для охраны отходящего от Чирчика канала Бозсу, который обеспечивал Ташкент водой.

На протяжении многовековой истории города, неприятель, чтобы захватить Ташкент, неоднократно перекрывал канал Бозсу и вынуждал горожан сдаваться. Этот же способ был использован и кокандскими войсками в начале XIX в.

Придавая особое значение охране данного участка, здесь в 1850-х годах была сооружена новая крепость в виде неправильного четырехугольника взамен ранее существовавшей.

При площади около 0,7 га самый длинный фасад равнялся 96 м; толщина стен у основания доходила до 10 м, а высота достигала 6 м. Крепость была обнесена с трех сторон глубоким рвом шириной и глубиной шесть метров.

Четвертый фасад, обращенный к реке Чирчик, сливался с его крутым берегом и был практически недоступным при штурме.

По углам крепость укреплялась широкими башнями с барбеками (площадками) для орудий и высокими амбразурами. Цитадель крепости Ниязбек, квадратная в плане, примыкала к юго-восточной стене и была укреплена мощными стенами с двойными бойницами и угловыми башнями.

Крепость была завоевана русскими 29 мая 1865 г. мощным артиллерийским обстрелом, полностью разрушившим северо-восточную стену.

FORTIFICATION OF TASHKENT OF THE 19TH CENTURY

During the war with the Kokand khanate (1800-1808) the defensive walls around Tashkent could not resist the impacts of artillery. In structure of the Kokand khanate Tashkent, as one of the main strategic points, was strengthened anew, its external city walls were increased in thickness and width, and in the most strategically dangerous sites there were arranged ditches filled with water.

Obviously, the main working contingent was hired, and, working all-the-year-round, they rhythmically increased the height of the new banked earth layers and towers of the fortification wall. However, by the time of capture of Tashkent by imperial Russia (June, 1865) the most part of the fortification works had not been completed yet therefore in many places of the top walls there were made loopholes in the form of small apertures.

The lands where the fortification walls of the city went on was non-uniform. In the northern and southeast parts, the channels Kalkauz and Anhor served as natural barrier to the enemy.

In the western and southwest direction, the flat territory around needed strengthening of fortification by ditches and towers.

The configuration of the city plan got its more complicated shape. The defensive walls along its perimeter represented a close continuous broken line. The extent of the walls by 1865 made nineteen versts, and there were twelve gates built into the walls.

Twelve radial transport arteries, originating from the market Chorsu, led to the gates of the fortification wall.

Before joining with the city of Urda, Tashkent had the western gates "Kukcha", the northwest gates "Samarkand darbaza"; the northern gates "Sagban", "Karasarai", "Teshik kopka" and "Tahtapul"; the southern gates "Kamalon" and "Beshgach".

The eastern gates, before the left bank of the channel Anhor became the part of the city area, were possibly arranged on the joint-place of streets Labzak and Shaikhontahur to the defensive walls and were named the same. The last gates in the eastern direction "Koimas" were built later because the land around them was the least populated.

The gate in the fortification wall received their names depending on the direction of streets which led to cities and settlements and from the names of inhabited blocks and streets located near them. For example, the natives of eastern

Turkestan, the Kashgarlyks, settled near the gate Kashgar and established here their makhallya "Kashgar". The names of other gates originated from their specific characteristics. For example, "Tahtapul" – a gate with a ramp, "Koimas" – an impassable gate. Despite lacking the graphic pictures of the fortification gates of Tashkent, they can be recreated hypothetically by analogy to other gates in the cities of the Kokand khanate. Apparently, most of the gates of the city were flanked with semicircular towers, whereas the top platforms above the gates were covered by a parapet with embrasures.

In the eastern part of Tashkent, close to new Urda, two gates – the Kashgar and the Kokand ones were arranged anew. The citadel itself had three gates. The first gates, the western gates, connected Urda with the city through a bridge on the channel Anhor; the second gates, the eastern gates, led to Sabzar yard where the basic army contingent was placed.

Defensive walls of Urda were more strengthened than the city walls. The most fortified part of the citadel was in its southwest corner in the highest district in the city and its suburbs (nowadays the monument "Mustakillik" is located here).

This part of the citadel represented a bastion with three towers, meant for observation over the city and bombardment of inhabited districts in cases of public disorders.

The height of external walls of Urda reached from 10m to 14m, having the 6m wide basis, and the banked earth layer – to 4m. In the defensive walls of Urda three gates with flanking towers were constructed on the western, southern and eastern facades.

The fortress Niyazbek was located on the right coast of the river Chirchik to the east from city. It was meant to protect the channel Bossu branching from the river Chirchik which supplied water to Tashkent.

Throughout the centuries-old history of the city, to seize Tashkent its enemies repeatedly blocked the channel Bossu by a dam and compelled the townspeople to surrender. At the beginning of the 19th century the Kokand armies also used the same way.

Attaching special significance to protection of this site, a new fortress was built here in 1850 in the form of an irregular quadrangle instead of the one existed before.

With the area of about 0.7 hectares the longest facade was equal to 96m; thickness of walls at the fundament reached 10m, and the height reached 6m. The fortress was walled in from three sides by a 6m deep and 6m wide ditch.

The fourth facade facing the river Chirchik merged with its steep banks and was practically inaccessible at assault.

At the corners the fortress was fortified with wide towers with barbeks (platforms) for guns and with high embrasures. The citadel of the fortress Niyazbek planned as a square adjoined the southeast wall and was fortified with powerful walls with double loopholes and angular towers.

The fortress was conquered by the imperial army on May, 29th, 1865 owing to the strong artillery bombardment which completely destroyed the northeast wall.

ТОШКЕНТ ШАҲАРСОЗЛИГИ

(XIX аср охири – XX аср бошлари)

Жаннат ИСМОИЛОВА

ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО ТАШКЕНТА (в кон. XIX – нач. XX вв.)

Во второй половине XIX в. строительство в новой части Ташкента – главного города Туркестанского края – началось со сноса дворцовых и оборонных стен Урды. Летом 1865 г. была построена новая крепость на возвышенности напротив ворот Коймас, по правилам русской фортификации: в форме неправильного треугольника, обнесенного высокими валами с развитыми угловыми бастионами и бойницами. В крепости были трое ворот, строения для размещения шести пехотных рот, лазарет и другие постройки.

Новая улица, проложенная от крепости по левому берегу Анхора до Урды, называлась Черняевской (впоследствии – улица А.Тукая). Там построили маленькие магазинчики и базар.

В 1866 г. топографом М.Н.Колесниковым был разработан проект новой части Ташкента, который предусматривал освоение территории между Анхором и арыком Чаули. В 1866–67 гг. было построено около 200 домов, впоследствии их число увеличилось до 500.

По свидетельству А.П.Хорошхина, в районе проживали, в основном, должностные лица, офицеры и солдаты. Их дома строились из жженого или сырцового кирпича. Пол был земляной или выкладывали камнем, окна завешивали промасленной или просто писчей бумагой, стекла в этой местности стоили очень дорого.

Постепенно территория между Анхором и арыком Чаули осваивалась, росла численность населения, т.к. Ташкент стал центром генерал-губернаторского Туркестана. В 1870 г. военный инженер А.В.Макаров разработал проект планировки новой части города, в основу которого положена радиально-кольцевая система, с центром в Константиновской площади (ныне сквер Амира Темура) и от него прокладывались улицы Московская (ныне ул. Амира Темура), Духовской проспект (ныне Маверауннахр), Куйлюк (ныне Ю.Ахунбабаева). Планом предусматривалась прокладка

XIX асрнинг иккинчи ярмидан бошлаб Туркистон ўлкасининг асосий шахри ҳисобланган Тошкентнинг янги қисмига асос солиниши Ўрданинг қаср ва мудофаа деворларини бузишдан бошланди. 1865 йилнинг ёзида янги ҳарбий қалъа қурилди. Ушбу Тупрокқўрғон қалъаси Қўймас дарвозасининг қаршисидаги баландликда жойлашган бўлиб, унинг тархи олти бурчакли, баланд тупроқ кўтармалари билан ўралган эди. Қалъанинг учта дарвозаси, олти пидедалар ротаси учун биноси, лазарет ва бошқа қисмлар мавжуд бўлган.

Қалъадан Бўзсувнинг чап соҳили бўйлаб Ўрдагача қурилган янги кўчага М.Г.Черняев номи берилди (кейинчалик А. Тўкай). У ерда кичикроқ дўкончалар ва бозорча пайдо бўлди. Бўзсув чап соҳили худуди илгари туб аҳолининг пахта ва йўнғичка далалари эди. “Мингўрик” мавзеси энг яхши ўзлаштирилган жой ҳисобланарди.

1866 йилда топограф М.Н.Колесников томонидан Тошкентнинг “янги” қисми лойиҳаси тузилди. Режада Бўзсув ва Шибли ариғи ўртасидаги жойларни ўзлаштириш кўзда тутилади. 1866-67 йилда 200 га яқин ҳовли-жой бунёд этилди. Кейинчалик янги уйлар сони 500 тагача етди.

1866 йилда шаҳарнинг “янги” қисмини бориб кўрган А.П.Хорошхиннинг гувоҳлик беришича, у ерда асосан амалдорлар, зобитлар ва аскарлар яшарди. Улар уйларини пишиқ ё хом ғиштдан қурадилар. Кўпчилигининг поли курук ер ёки тошдан бўлиб, деразаларига ойна ўрнига мой шимдирилган қоғоз ёки ёзув қоғози қопланарди. Ойна бу ерда жуда қиммат эди.

Аста-секин Бўзсув ва Шибли ариқлари оралиғидаги ерлар ўзлаштирилгач, 1870 йилга келиб аҳоли билан тўлган эди. Туркистон ўлкасига кўчиб келаётганлар ҳисобига аҳоли сонининг ўсиб бориши Туркистон генерал-губернаторлигининг маркази ҳисобланган Тош-

кент шаҳрига ҳам ўз таъсирини ўтказди. Бу ҳолат Тошкент “янги” қисмининг Шибли ва Салор ариқлари оралигидаги худуд ҳисобига кенгайтирилишини тақозо этди. 1870 йилда ҳарбий муҳандис А.В.Макаров шаҳарнинг янги қисмининг “Бош лойиҳа”сини ишлаб чиқди.

Янги лойиҳага асосан шаҳар қурилиши радиаль ҳалқа шаклида бўлиб, Константин хиёбони (ҳозирги Амир Темур хиёбони) унинг маркази ва ундан Москва (ҳозирги Амир Темур кўчаси), Кауфман (ҳозирги Сайилгоҳ), Духовский проспекти (ҳозирги Мовароуннаҳр), Кўйлик (ҳозирги Й.Охунбобоев) кўчалари атрофга тарқалар эди. Режа бўйича бу ерда кенг кўчалар ётқизиш, боғлар, парклар барпо этиш кўзда тутилганди. Шаҳар қатор кўчаларга бўлинган бўлиб, улар жумласига Петербург (ҳозирги Матбуотчилар), Романов (ҳозирги Буюк Турон), Самарқанд (Самарқанд), Воронцов проспекти (ҳозирги Х.Сулаймонова), Шаҳрисабз, Лагер (ҳозирги Пушкин), Хива (ҳозирги Хоразм), Андижон (ҳозирги Я.Ғуломов), Маҳрам (ҳозирги Ўзбекистон), Наманган (ҳозирги Жуковский) кўчалари кирган.

Собор, Кауфман ва Романов кўчалари гавжум кўчалардан ҳисобланиб, бу ерларда энг яхши дўконлар, баққолик ва меҳмонхоналар жойлашганди.

XX аср бошларида Тошкентнинг янги қисми Сапёр ва Госпиталь кўчаларидан жанубга томон анча кенгайди.

Шаҳарда Европа услубида давлат бинолари, казармалар, ҳарбий омборлар, ҳарбий ва фуқаро бинолари, касалхоналар, ўқув юртлари, маданий-маърифий муассасалар ва бошқалар қурилган.

CONSTRUCTION OF TASHKENT (later 19th – early 20th centuries)

In the second half of the 19th century in a new part of Tashkent – the central city of the Turkestan land – started with demolition of the palace and fortification walls of Ourda. In summer 1865, on a height opposite the gates Koimas a new fortress was built in compliance with the Russian fortification construction rules: in the form of an irregular triangle enclosed by high ramparts with enlarged angular bastions. The fortress had three gates, accommodation premises for six infantry companies, a field hospital and other constructions.

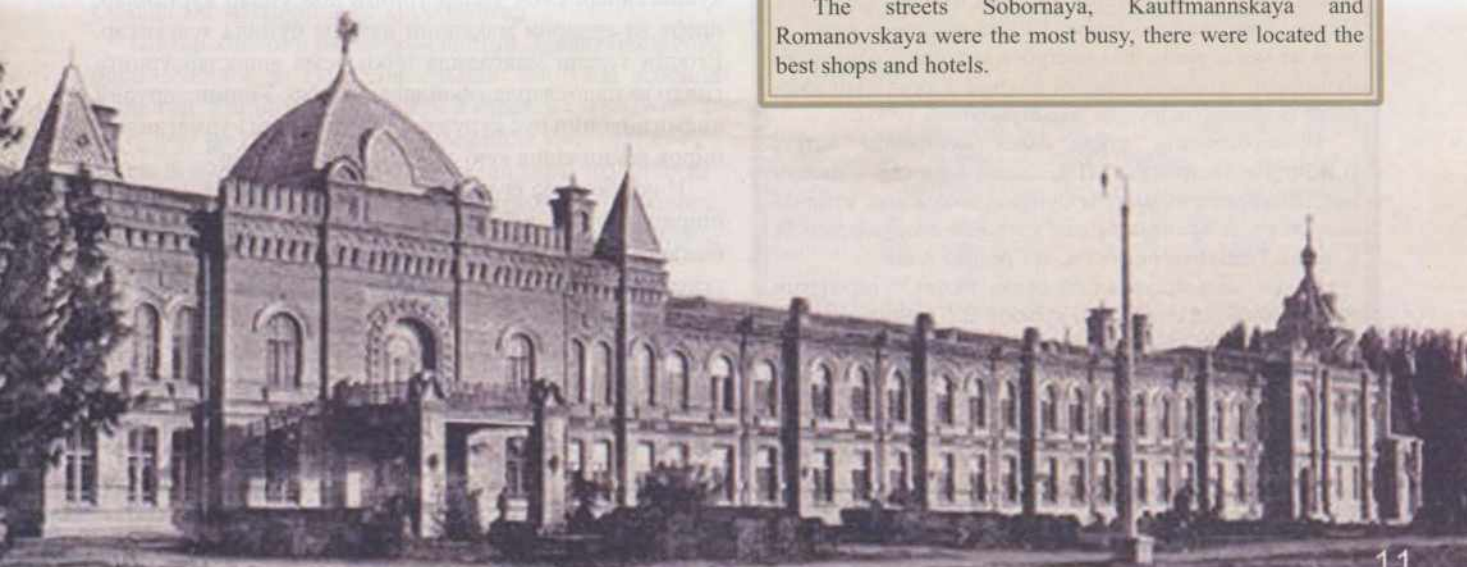
A new street laid from the fortress along the left coast of the river Ankhор up to Ourda was called Chernyaevskaya (later –A.Tukai street). Several little shops and a market were constructed there.

In 1866 a topographer M.N.Kolesnikov worked out a project of the new part of Tashkent which provided development of the territory between Ankhор and aryk Chauli. In 1866-67 there were constructed about 200 houses, later their number increased to 500.

According to A.P.Khoroshkhin, mainly the officials, officers and soldiers lived in the area. Their houses were built from burnt or adobe brick. The floor was earthen or laid with stones, the windows were covered with oiled or usual writing paper, because glass in this region was very expensive.

The territory between Ankhор and aryk Chauli got gradually cultivated, the population started to grow since Tashkent became a center of the general-governor Turkestan. In 1870 a military engineer A.V.Makarov designed a project of a lay-out of the new part of the city whose basis was radial-ring system of streets with the center in the Constantinovskaya Square (nowadays the Square of Amir Temur) and from it there were laid the streets Moskovskaya (nowadays Amir Temur street), Dukhovskiy Avenue (nowadays Maverannahr street), and Kuilyuk (nowadays U.Akhunbabaev street). Arrangement of broad streets, laying of parks and gardens was provided under the plan. The city was divided into a number of streets – Petersburgskaya (nowadays Matbuotchilar street), Romanovskaya (Buyuk Turon street), Samarkandskaya (Samarkand street), Vorontsovskiy Avenue (nowadays H.Suleimanova street), Shakhrisabzskaya, Lagernaya (nowadays Pushkin street), Khivinskaya (nowadays Khorezm street), Andizhanskaya (nowadays Y.Gulomov street), Makhramskaya (nowadays Uzbekistanskaya street), Namanganskaya (nowadays Jukovskiy street).

The streets Sobomaya, Kauffmannskaya and Romanovskaya were the most busy, there were located the best shops and hotels.

широких улиц, закладка парков и садов. Город разрезал ряд улиц – Петербургская (ныне Матбуотчилар), Романовская (Буюк Турон), Самаркандская (Самарканд), Воронцовский проспект (ныне Х.Сулеймановой), Шахрисабзская, Лагерная (ныне ул. Пушкина), Хивинская (ныне Хорезмская), Андижанская (ныне Я.Гуломова), Махрамская (ныне Узбекистанская), Наманганская (ныне Жуковского).

Улицы Соборная, Кауфманская и Романовская были самыми оживленными, на них располагались лучшие магазины и гостиницы.

В начале XX в. новая часть Ташкента была расширена от улиц Саперная и Госпитальная в южном направлении.

В городе в европейском стиле были построены государственные учреждения, военные казармы, больницы, учебные заведения, культурно-просветительские учреждения.

К 1886 г. насчитывалось 2021 новое здание, из них 458 были военными, 16 – административными, 20 – общественными. Таким образом, 24% всех построек составляли государственные и общественные здания.

В начале XX в. в связи со строительством железной дороги возрастает численность населения Ташкента. Одновременно увеличивалось и число жилых домов. По сведениям 1909 г., их число достигло 4706, из которых 185 были построены из жженого кирпича, 3423 – из кирпича-сырца, 1093 – из каркаса и пахсы, 5 – из древесины. Очевидно, при строительстве каркасных домов и из пахсы широко применялся местный опыт в строительстве жилья.

Как утверждал Г.Н.Чабров, «русские архитекторы и строители при возведении жилых домов активно применяли местные методы строительства. Вместо деревянных строили дома из глины, потолки и полы возводили по местным образцам. В целях экономии древесины вместо внутренних дверей использовали ковры и паласы. Русские строители сначала предвзято относились к айванам, но впоследствии осознали их необходимость».

Для внутреннего оформления домов широко применяли резьбу по дереву и ганчу, поручая эту работу местным мастерам.

В новом городе возведены здания Государственного банка, женской гимназии (ныне юридический факультет Национального университета), мужской гимназии, Кадетского корпуса (ныне территория 1 клиники ТашМИ), дворца Великого князя Николая Константиновича (ныне приемная Министерства иностранных дел), Реального училища, аптеки Каплан, Ташкентского северного вокзала, Казначейской палаты (ныне фонд «Соглом авлод»).

Здание первого в городе кинотеатра «Хива» было построено по проекту Г.М.Сваричевского в 1912–1916 гг. в европейском стиле с учетом местных методов зодчества. Пожар уничтожил это здание. Спустя некоторое время на этом же месте вновь был построен кинотеатр с прежним названием, переименованный позднее в кинотеатр «Молодая гвардия» (разрушен землетрясением 1966 г.).

В европейском стиле были построены аптека И.И.Краузе, гастроном А.Н.Захонина и торговый пассаж местного предпринимателя Орифа Азизхужаева, который считался в те времена самым крупным сооружением не только в Ташкенте, но и во всей Средней Азии.

Здание государственного банка рядом с городским сквером было построено по проекту В.С.Гейнцельмана в 1895 г. Его композиция состоит из 2-этажной правильной квадратной части и ассиметричной ему многоугольной. Кроме этого, в городе разбивались парки и скверы. Развитие градостроительства в Ташкенте позитивно преобразило облик города к началу XX в.

Тошкентда маъмурий бинолар жуда кўп бўлиб, 1886 йил маълумотларига кўра, барча янги бинолар сони 2021 та эди. Шулардан 458 таси ҳарбий, 16 таси маъмурий, 20 таси жамоат бинолари эди. Шундай қилиб, биноларнинг 24 фоизини давлат ва жамоат бинолари ташкил этарди.

XX аср бошида Тошкентга темир йўл кириб келиши муносабати билан Тошкентда аҳоли сони ортиб борди. Шу билан бир вақтда тураржой уйлари ҳам кўпайди. 1909 йил маълумотларига кўра, улар сони 4706 га етган, шулардан 185 таси пишиқ гиштдан, 3423 таси хом гиштдан, 1093 таси синчли ва пахсадан, 5 таси ёғочдан қурилган. Қўришиб турганидек, синч ва пахса уй қурилишида туб аҳоли тажрибаси кенг қўлланилган.

Шуни таъкидлаш жоизки, рус меъморлари давлат ва жамоат бинолари ва хусусий уйлари лойиҳалаштириш чоғида маҳаллий қурилиш ва меъморчилик ютуқларига таянганлар. Шу масала бўйича Г.Н.Чабровнинг таъкидлашича, «Рус меъморлари ва қурувчилари тураржой биноларини қуришда маҳаллий усулларни жон-жон деб қўллаганлар. Ёғоч уйлар ўрнига лой уйлар қурганлар, шифт ва ерларни маҳаллий намуна бўйича ясаганлар. Ёғочни тежаш мақсадида ички осма эшиклар ўрнига гилам ва палослардан фойдаланганлар. Уйнинг зарурий қисми айвонни рус қурувчилари унча хуш кўрмаганлар, бироқ кейинчалик кенг қўллай бошлаганлар».

Ички безакда ёғоч ўймақорлиги ва ганчга нақш тушириш кенг қўлланилган, уларни маҳаллий усталар бажарганлар. Миллий безак усулларидан Тошкентдаги генерал-губернатор қароргоҳининг айрим хоналарида фойдаланилган.

Шаҳар янги қисмида қурилган энг машҳур биноларга ўша даврдаги Давлат банки, Аёллар гимназияси (ҳозирги ҳуқуқшунослик факультети биноси), Эркақлар гимназияси, Кадет корпуси (ҳозирги ТошМИ – 1 клиникаси худуди), Князь Николай Константинович саройи

(ҳозирги Ташки ишлар вазирлигининг қабулхонаси), Реал билим юрти, Каплан дорихонаси, Тошкент шимолӣ вокзали, Ғазначилик палатаси (ҳозирги “Соғлом авлод” ташкилоти жойлашган бино) ва бошқаларни мисол қилиб келтириш мумкин.

Шаҳардаги дастлабки қурилган “Хива” кинотеатри биноси 1912-1916 йилларда Г.М.Сваричевский лойиҳаси асосида бунёд этилган. Ушбу бино Ўрта Осиёнинг ўрта аср маҳобатли меъморчилигини ўзида уйғунлаштирган ҳолда қурилган. Кинотеатрнинг кириш қисмининг икки томони рамазий равишда иккита тўп ўрнатилган. Бу бино Европа услубида лойиҳалаштирилган, шунингдек, меъморчилик жиҳатидан эса маҳаллий кадрларни ҳисобга олиб қурилган биринчи бино ҳисобланади.

Шаҳардаги яна Европа усулида И.И.Кразенинг аптека дўкони, А.Н.Захонинг гастроним дўкони ва маҳаллий тадбиркор Ориф Азизхўжаевнинг савдо пасажлари қурилган.

Маҳаллий тадбиркор Ориф Азизхўжаевнинг савдо пассажи ўша даврда нафақат Тошкентда, балки Ўрта Осиёда энг катта иншоот ҳисобланган.

Шаҳар хиёбони ёнида жойлашган Давлат банки биноси 1895 йилда В.С.Гейнцельман лойиҳаси асосида қурилган. Унинг композицияси 2 қаватли тўғри бурчакли бўлим ва унга ассиметрик равишда ўрнатилган кўп қиррали бўлакдан иборат. Бундан ташқари, шаҳарда касалхоналар, боғлар ва хиёбонлар қурилган. Тошкентда шаҳарсозликнинг ривожланиши унинг қиёфасини янада кўркамлаштирган.

Хулоса қилиб шуни айтиш мумкинки, Тошкент шаҳрида XX аср бошларида Европа меъморчилигини ўзида уйғунлаштирган бир қанча иншоотлар қад кўтарган. Уларни қуришда нафақат Европа архитектураси элементларидан, балки маҳаллий меъморларнинг анъанавий услубларидан ҳам унумли фойдаланилган.

At the beginning of the 20th century the new part of Tashkent was expanded from the streets Sapernaya and Gospitalnaya to the south.

Official bodies, military barracks, hospitals, educational institutions, cultural-educational establishments of the European style were constructed in the city.

By 1886 there were 2021 new buildings, from which 458 were military, 16 – administrative, and 20 – public. Thus, 24% of all the constructions were the state and public buildings.

The population of Tashkent began to increase at the beginning of the 20th century due to construction of the railway. At the same time increased the number of apartment houses. According to data of 1909, their number reached 4706, from which 185 were constructed from burnt brick, 3423 – from adobe brick, 1093 – from *pahsa* (clay and straw) and frame, 5 – from wood. Apparently, when building the houses from *pahsa* and frame there was widely used local experience from earlier construction of habitation houses.

As G.N.Chabrov states “the Russian architects and builders actively applied the local methods of construction when erecting apartment houses. Instead of wooden houses they built houses from clay, the ceilings and floors were erected based on the local samples. With a view of saving the wood, instead of inner doors they used carpets and oriental carpets. First, the Russian builders prejudicially doubted the purpose of *aivans* but later they realized their indispensability”.

For internal decoration of the houses they widely applied woodcarving and *ganch*, ordering this work to the local masters.

We can see the buildings constructed in the new city, such as the buildings of the State Bank, Women’s Grammar School (nowadays the Faculty of Law of the National University), Men’s Grammar School, Military School (nowadays the territory of the 1st Clinic TashMI), the Palace of Grand Duke Nikolay Konstantinovich (nowadays the Reception Hall of the Ministry of Foreign Affairs), Real School, Kaplan’s Drugstore, the Tashkent North Railway Station, Exchequer Chamber (nowadays the Fund “Soglom Avlod”).

The building of the first cinema “Khiva” in the city was constructed under G.M.Svarichevskiy’s project in 1912-1916. A fire destroyed this building erected in the European style with application of the local methods of architecture. Some time later another cinema with the same name was built on the same place, then it was renamed as the cinema “Molodaya Gvardiya” which was destroyed by the earthquake in 1966.

The European style of construction was also applied for building the I.I.Krauze’s drugstore, A.N.Zakhonina’s food store and shopping mall of the local businessman Orif Azizkhuzhaev. In those days this building was considered the largest construction not only in Tashkent but in entire Central Asia. Its ground floor was 120 meters long. The original beauty to the building was given by the high parts erected at corners and in the center.

The building of the State Bank near the city square was constructed under V.S.Geintselman’s project in 1895. Its structure consists of a 2-storeyed regular square part and a polygonal part dissymmetric to it. Besides, parks and squares were arranged in the city. Development of the town-planning in Tashkent has positively changed the shape of the city by the beginning of the 20th century.

ТОШКЕНТНИНГ БУЮК АЛЛОМАСИ

Ҳамдам СОДИҚОВ

ВЕЛИКИЙ УРОЖЕНЕЦ ТАШКЕНТА

Он был обычным человеком. Главное занятие – ремесленничество. Увлечение – наука. Он достиг славы и в ремесле, и в науке, и в литературе. Н.Мухаммедов в книге «Роль ученых Шаша в религиозных науках» пишет, что среди мыслителей исламского мира – Имама Бухари, Имама Термези, Имама Мотуриди, удостоенных звания «имам», особое место занимает скромный ремесленник – Имам Абу Бакр Каффаль Шаши. Современники называли его Хазрати Имам, а полное имя – Абу бакр Мухаммад ибн Али Исмаил Каффаль Шаши, в арабских источниках в знак особого уважения к его имени добавляли слово ал-Кабир – «большой, великий». А в честь того, что в своем деле ему не было равных, его еще называли «ал-Каффаль», т.е. – ключник, мастер изготовления замков.

Впоследствии это стало его псевдонимом. В своем мастерстве он достиг такого совершенства, что, по преданиям, подковал муху, подобно российскому Левше, подковавшему блоху. Арабский историк Абу Саъд Абдулкарим ибн Мухаммад Самъони в своем произведении «ал-Ансоб» («Родословная») пишет: «Имя Ал-Каффаль дано в связи с профессией ключника. Абу бакр Мухаммад ибн Али ибн Исмаил ал-Каффаль Шаши – выходец из Шаша, прославился как искусный ключник. В свое время он был имамом и ученым, которому не было равных в теологии, хадисах, языковедении. Имя Каффала Шаши было известно и на Западе, и на Востоке».

Этот человек, прославивший родной город, родился в 291 г. хиджры в Ташкенте – столице шашского оазиса, в семье ремесленников. Арабский историк Ибн Хаукаль свидетельствует: «Во всем Хорасане и Маверауннахре нет такого количества больших мечетей, благоустроенных кишлаков и возведенных сооружений, как в Шаше».

Здесь производили изделия из железа и меди, конные принадлежности, нити и хлопчатобумажные ткани. Луки и стрелы, изготовленные ремесленниками Шаша под названием «камони Шаша», славилась не только в Маверауннахре, но и во всех странах Востока. Шаш был крупным научно-культурным центром, в котором жили и работали многие ученые и поэты. Из поэтов большим авторитетом во дворце Саманидов пользовался Абу омир Исмаил ибн Ахмад Шаши. Один из известных представителей теологии – Абу Бакр Мухаммад ибн Ахмад ибн ал-Хусайн ибн Умар аш-Шаши в арабских источниках известен под именами «Фахр ал-ислом» (Гордость ислама) и «Имом ал-Кабир» (Великий имам).

Именно в эту эпоху Абу Бакр изучал науки и постигал тайны ремесла в Ташкенте. Он учился и в Самарканде. Более всего он интересовался теологией, правоведением, тщательно изучал

У одий инсон эди. Тирикчилиги – хунармандчилик. Ҳаваси ва иштиёки илм. У хунармандчиликда ҳам, илмда ҳам, назмда ҳам шуҳрат қозонган. Тошкентлик тадқиқотчи Неъматулло Мухаммедов ўзининг “Шош воҳаси олимларининг ислом илмларида тутган ўрни” асарида ёзишича, ислом оламида Имом Бухорий, Имом Термизий, Имом Мотуридий каби “имом” даражасига эришган кўплаб буюк алломалар орасида бу камтар хунарманд – Имом Абу Бакр Қаффо Шоший ҳам алоҳида ўрин эгаллайди. Замондошлари “Ҳазрати Имом” деб улуғлаган бу зотнинг тўлик исми – Абу Бакр Мухаммад ибн Али ибн Исмаил Қаффо Шоший бўлиб, араб манбаларида унга алоҳида хурмат бажо келтириш учун номига “қатта” – улуғ маъносини ифодалайдиган “ал-Кабир” сўзини қўшиб ёзадилар. У устачилик бобида тенги йўқ хунарманд бўлгани учун эса “ал-Қаффо”, яъни кулфчи, кулфсоз деган ном билан ҳам эъзозланган.

Бора-бора бу сўз унинг тахаллусига айланиб кетган. Ривоятларга кўра у митти кулф ясаб, кишиларни ҳайратга солган, у ҳатто пашшанинг оёғига кишан кулф ясаган. Россияда бургага кулф ясаган “Иван чапакай”га ўхшаб у Шарқда жуда катта шуҳрат қозонган. Машҳур араб муаррихи Абу Саъд Абдулкарим ибн Мухаммад Самъоний ўзининг “ал-Ансоб” (Насабнома) асарида шундай ёзади: “Ал-Қаффо – кулфсозлик касбига нисбат берилган. Абу Бакр Мухаммад ибн Али ибн Исмаил ал-Қаффо Шоший Шош ахлидан бўлиб, кулфсозликда шуҳрат қозонган. У ўз замонасининг имоми (пешвоси) бўлиб, фикх, ҳадис, усул, тилшунослик илмлари бўйича тенги йўқ олим эди. Қаффо Шошийнинг номи Мағрибу Машрикка ёйилган”.

Шош – Тошкентга шуҳрат келтирган бу инсон ҳижрий 291 (милодий 903) йили Тошкентда – Шош пойтахтида хунарманд оиласида дунёга келган. Араб муаррихи Ибн Хавкал Шош воҳасини шундай таърифлаган: “Хуросон ва Мовароуннаҳрда бу каби жомеъ масжидлари, обод ва фаровон қишлоқлари, қурилган иншоотлари кўп бўлган ўлка йўқдур”.

Воҳада темир ва мисдан турли буюм ва асбоблар, эгар-жабудқлар, ип ва ипак газлама-лар ишлаб чиқарилган. Шош хунармандлари томонидан ясалган камон, ўқ-ёйлар нафақат Мовароуннаҳрда, балки бутун Шарқ мамлакатларида “Камони Шоший” номи билан машҳур бўлган. Шош йирик илм-маданият маркази сифатида кўплаб олим ва шоирлар яшаган шаҳар эди. Шошлик шоирлардан Абу Омир Исмоил ибн Аҳмад Шоший Сомонийлар саройида юксак обрў-эътибор қозонган. Шош фикҳ йўналишининг йирик намояндаларидан бири – Абу Бакр Муҳаммад ибн Аҳмад ибн ал-Ҳусайн ибн Умар аш-Шоший араб манбаларида “Фахр ал-ислом” (Ислом фахри) ва “Имом ал-Кабир” (катта Имом) деган номлар билан улуғланган.

Айнан шу даврда Абу Бакр Тошкентда илм олди, хунар ўрганди. Самарқандда ҳам таълимни оширди. У фикҳ – қонуншунослик илмига рағбат кўйди, шунингдек, фалсафа, мантик каби фанларни ҳам ўрганиб, Ҳижоз, Дамашқ, Бағдоддаги етук олимлардан сабоқ олди. Машҳур ироқлик олим Муҳаммад ибн Жарир Табарий (839-923) унинг қонуншунослик ва тарих соҳасидаги устози бўлган. У Шарқда донғи кетган “Элчилар ва подшолар тарихи” китобининг муаллифи эди. Абу Бакрнинг иккинчи устози эса, Абу Ҳасан ибн Абу Мусо ал-Ашъарий (870-941) бўлиб, у калом илмининг етук намояндаси ва асосчиси эди. У пайғамбаримиз ҳадисларини чуқур билибгина қолмай, уларга амалда ҳам риоя қилган. Натижада, устозлари сингари аллома даражаси ва мақомига эришган. Араб олими Ибн Халликон ўзининг “Вафоётул аён” (“Улуғ кишилар вафоти саналари”) асарида Шошийга берган таърифи бу жиҳатдан эътиборга сазовор:

“Абу Бакр Қафқол Шоший ўз замонасининг имоми (пешвоси) бўлган. У фикҳ, ҳадис, усул, тилшунослик фанлари ва шеър санъати бўйича Мовароуннаҳрда олимлар орасида тенгсиз эди. У Хуросон, Ироқ, Ҳижоз, Шош ва Суғур (Шимолий Сурия)га сафар қилган, унинг донғи бу ўлкаларда кенг тарқалган”.

Абу Бакр ҳар гал араб халифалиги пойтахти Бағдодга келганида атрофида олимга шоир, уламою машойихлар тўпланиб, қизғин баҳсу мунозаралар авж олган. У сўнги бор Бағдодга келганида ноҳуш воқеанинг устидан чиқиб қолади. Халифалик Шарқий Рим империяси – Византия билан уруш ҳолатига тушиб қолган эди. Бундан фойдаланган

A GREAT NATIVE OF TASHKENT

He was an ordinary man. His major occupation was workmanship. His hobby was science. He gained glory both in crafts and in science and in literature. A well-known researcher Nematullo Mukhammedov in his book “The Role of Scientists of Shash in religious sciences” presents many interesting data related to life and scientific heritage of this great person. He writes that among the thinkers of the Islamic world – Imam Bukhary, Imam Termezy, Imam Moturidy who were awarded the title “imam”, a special place belongs to a humble handicraftsman – Imam Abu Bakr Kaffal Shashi. His contemporaries called him Khazrati Imam, and his full name was Abu Bakr Mukhammad ibn Ali Ismail Kaffal Shashi. In the Arabian sources as a token of special respect his name was accompanied with a word al-Kabir which means “big, great”. And moreover because he had no equals in his business, he was also called “al-Kaffal”, i.e. – key-maker, a master of key-making.

Later it became his pseudonym. In his art he reached such perfection that he could make a key weighing one inch. According to legends he shoed a fly like the Russian Levsha (Leftlander) shoed a flea. An Arabian historian Abu Sa'd Abdulkarim ibn Mukhammad Samony in his book “al-Ansob” (“Family Tree”) writes: “The name Al-Kaffal was given in connection with the trade of key-maker. Abu Bakr Mukhammad ibn Ali ibn Ismoil al-Kaffal Shashi came from Shash and became famous as a skilful key-maker. In due time he was the imam and scientist who had no equals in theology, *khadises*, and linguistics. The name Kaffal-Shashi was known both in the West and in the East”.

This person who glorified Shash – Tashkent, was born in 291 A.D. in Tashkent to the family of handicraftsmen. Here is how the Arabian historian Ibn Khaikal described Shash: “Whole Khurasan and Maverannahr do not have so many large mosques, well-arranged kishlaks and erected constructions as Shash does”.

Here were made iron-wares and copper things, horse accessories, strings and cotton fabrics. Bows and arrows made by Shash handicraftsmen and called “kamoni Shashi” were famous not only in Maverannahr but also in all the countries of the East. Shash was a large science-cultural centre where many scientists and poets lived and worked. Among the poets, Abu Omir Ismail ibn Akhmad Shashi used greater authority at the palace of the Samanids. One of well-known representatives of the theology, Abu Bakr Mukhammad ibn Ahmad ibn al-Khusain ibn Umar ash-Shashi is known in the Arabian sources under the names “Fahr al-Islom” (Glory of Islam) and “Imom al-Kabir” (Elder (senior) Imam).

In such conditions Abu Bakr studied sciences and comprehended the secrets of his craft in Tashkent. He also studied in Samarkand. Most of all, he was interested in theology and jurisprudence and thoroughly studied these sciences. In those days fair settlement of the issues related to division of inheritance, sale and purchase were connected with jurisprudence. Only a deeply decent and broad-minded man with good relevant education could become a lawyer. Abu Bakr possessed all these qualities. He studied philosophy and logics. He learnt from the known scientists of Hijaz, Damascus, and Baghdad. A well-known Iraq scientist Mukhammad ibn Jarir Tabari (839–923), an author of the book “History of ambassadors and governors”, was his instructor in the sciences of law and history. His second instructor was Abu Khasan Ibn Abu Muso al-Ash'ary (870–941), a founder and a famous representative of the art of word. Abu Bakr also had other instructors – prominent scientists of the epoch of the Renaissance – Orient Renaissance. Abu Bakr had not only profoundly studied the *khadises* of the prophet but he also carefully observed them in his life. And as a result he reached the level and status of his instructors. The characteristic given to him by the Arabian scientist Ibn Hallikon in his work “Vafotul ayon” (“Dates of death of the great people”) is worth attention: “Abu Bakr Kaffal Shashi was the imam of his time. In the field of theology, *khadises*, linguistics, and poetry he was incomparable among the number of scientists of Maverannahr. He had been to Kharasan, Iraq, Hijaz and Syria where he also gained great glory”.

Every time when Abu Bakr happened to come to the capital of the Arabian caliphate, Baghdad, lots of scientists, poets, *ulems*, and sheikhs gathered around him, and then there were carried out interesting conversations and disputes. His last visit to Baghdad was saddened by the beginning of the war between the caliphate and Byzantium – the Eastern Roman Empire. Emperor of Byzantium, Nickiphor (963–969) who conquered the northern part of Shom informed the Arabian caliph with an ultimatum letter to him.

“We, as if lions, seized our own lands. And since Damascus was the land of our ancestors, it will belong to us. With our weapon we shall also

философию и логику у известных ученых Хиджаза, Дамаска, Багдада. Его наставником в вопросах правоповедения и истории был известный иракский ученый Мухаммад ибн Жарир Табари (839–923), автор книги «История послов и правителей». Вторым наставником Абу Бакра был Абу Хасан ибн Абу мусо ал-Ашъари (870–941) – основатель и известный представитель искусства слова. Абу Бакр не только глубоко изучил хадисы пророка, но тщательно соблюдал их в жизни. И в результате достиг уровня и статуса своих наставников. Заслуживает внимания характеристика, данная ему арабским ученым Ибн Халликоном в работе «Вафоётул аъён» («Даты смерти великих людей»): «Абу Бакр Каффаль Шаши был имамом своего времени. В области теологии, хадисов, языковедения, поэзии он был несравним в ряду ученых Маверауннахра. Он бывал в Харасане, Ираке, Хиджазе и Сирии, где тоже завоевал большую славу».

В каждый приезд Абу Бакра в столицу арабского халифата Багдад вокруг него собирались ученые и поэты, улемы и шейхи, проводились интересные беседы и споры. Но последний приезд в Багдад был омрачен началом войны между халифатом и Византией – Восточной Римской империей. Император Византии Никифор (963–969), завоевав Северную часть Шома, направил арабскому халифу, Мутиллилаху (946–974) письмо-ультиматум:

«Мы, словно львы, захватили свои земли. А Дамаск был землей наших предков, и она будет принадлежать нам. Своим оружием мы захватим и Египет. Мы покорим Хиджаз, Багдад, Шираз, Рай, Хорасан, Куддус, весь Восток и весь Запад».

Ослабший халифат не располагал военным потенциалом, способным противостоять Восточной Римской империи. Необходимо было решить вопрос мирным путем.

Халиф Багдада просит Абу Бакра составить согласно установленным в то время норм дипломатической переписки поэтический ответ на послание императора Византии.

Имам Каффаль Шаши пишет письмо в 148 строк, в котором отразились его поэтический талант и дипломатические способности. Как пишет Ньмагулло Мухаммедов, 74 бейта этого письма дошли до нас в произведении Тожиддина ас-Сабки. Для нас же важно то, что ответное послание Имама Каффаль Шаши стало причиной смятения в столице Рима – Константинополе, самого императора и его окружения, среди которых были и его противники – ученые и влиятельные лица Рима, обучавшиеся в Багдадской академии Маъмуна.

В бейтах изложены мысли о том, к какой трагедии могут привести стремление к славе и почестям, трон и властолюбие, войны и измены, смелость и предательство, наслаждения земные и страдания в загробной жизни, которые глубоко взволновали полководца, прошедшего всю свою сознательную жизнь на полях сражений. Предводитель Рима официально объявил об отказе похода на Багдад.

По преданиям, в соответствии с обещанием Каффаль Шаши в награду получил хранящуюся в сокровищницах халифата священную книгу Корана – Усмон Куръони, и привез ее в Ташкент.

Но бесспорен факт, что в конце X в. Имам Абу Бакр Шаши предотвратил войну между двумя сильными державами, а тем самым и кровопролитие тысяч мусульман и христиан.

Имам Абу Бакр оставил уникальное наследие в области толкования хадисов, теологии, основ исламского правоповедения, поэзии и языковедения.

По свидетельству Шейха Абу Исхака аш-Шерази: «Имам Абу Бакр Каффаль Шаши, как никто другой, оставил много произведений. Будучи первым среди теологов, он написал полемический труд «Ал-Жадал ал-Хасан» («Красота диалектики»). Также широко известны в мире ислама его книги «Китоб фи усулуд фикх» («Книга теологических методов»), «Шархур рисола» («Рисола шархи», «Комментарванная рисола»), «Далойлун нубувват» («Пайгамбарлик далиллари» – «Доказательства святости»), «Махосиниуш шари» («Шариат гузалликлари» – «Красоты шариата»).

Имам Абу Бакр Шаши умер в 976 г. в родном городе Шаш – Ташкенте.

«Хазрати Имам» – мавзолеем этого великого человека, прославившего Ташкент на весь мир, в настоящее время является местом паломничества для всего исламского мира.

Византия императори Никифор (963-969) салтанат ерларини бирин-кетин босиб ола бошлади. Шомнинг шимоллий кисми римликлар мулкига айланди. Харбий хатар эндиликда Бағдодга хам кўланка солди. Император Никифор араб халифасига йўллаган мактубда ана шу хатар яккол акс этди.

“Биз шердек отилиб, – дейилган эди бу дағдағали мактубда, – ўз ерларимизни фатх этдик. Дамашк эса ота-бобомиз маскани эди, биз бу диёр мол-мулкига эга бўламиз. Мисрни хам қиличимиз билан эгаллаймиз. Ҳижоз, Бағдод, Шероз, Рай, Хуросон, Қуддус, Шарку Фарбнинг барчасини фатх этамиз”.

Ибрий тилида битилган касида – мактуб аслида чинакамига бир ультиматум – талабноманинг айни ўзи эди.

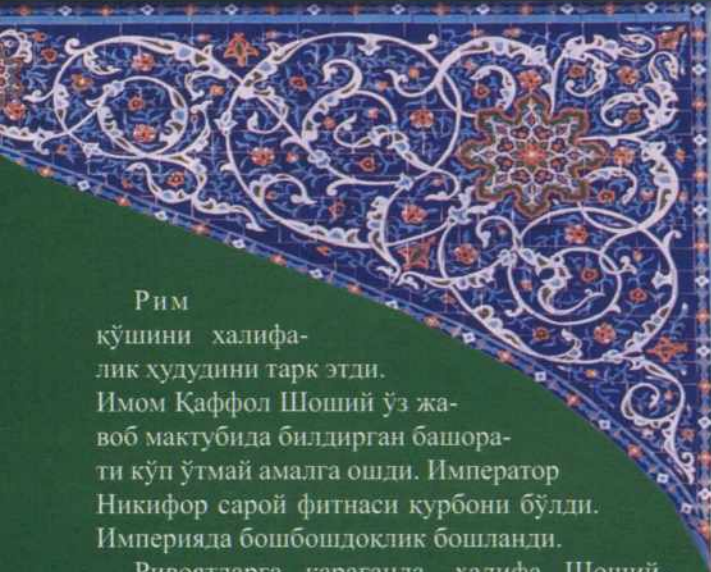
Халифаликда Шаркий Рим империясига дош келадиган харбий салохият йўқ. Айни шу ҳолатда Римнинг шаштини тушириб, масалани мурсою мадора йўли билан хал қилиш лозим.

Халифа ҳузурига чакиртирилган Абу Бакр масала мохиятини теран англайди. Бағдод халифаси у билан суҳбат мобайнида унинг заковатига тан беради ва унга жавоб мактубни ёзишни илтимос қилади.

Абу Бакр ўша мактуб вазнида ҳамда услуб ва кофияда жавоб битиши керак эди. Ўша даврда Византияда ва араб халифалигида шеърятга кизиқиш ва хурмат қатта эди.

Имом Қафқол Шоший 148 йўлдан иборат мактубни тезда ёзиб, халифага элтади. Бу мактубда унинг бор билими, заковати, шеърят бобидаги маҳорати ва дипломатик истеъдоди ўз аксини топган эди. Бу жавоб мактубнинг 74 байти Тожиддин ас-Сабкийнинг асари орқали бизгача етиб келган. Биз учун шуниси муҳимки, Имом Қафқол Шоший мактуби Рим пойтахти Константинополда император ва унинг яқин мулозимларини довдиратиб қўйди.

Алломанинг битган байтларида шон-шуҳрат, тахт ва бойлик васвасаси, уруш қандай фожиалар келтириши, садақат ва хиёнат, жасорат ва сотқинлик, дунё лаззати ва охира азоби хақида баён этилган фикрлар бутун умрини жангу жадалларда ўтказган лашкарбошини саросимага солди. Натигада Рум қайсари Бағдодга юриш режасидан воз кечганини расман эълон қилди.

Рим кўшини халифалик ҳудудини тарк этди. Имом Қафғол Шоший ўз жавоб мактубида билдирган башорати кўп ўтмай амалга ошди. Император Никифор сарой фитнаси қурбони бўлди. Империяда бошбошдоклик бошланди.

Ривоятларга караганда, халифа Шошийга берган ваъдасига мувофиқ, ўз хазинасида сақланаётган муқаддас Усмон Қуръонини ҳадя этган ва бу Қуръон Тошкентга олиб кетилган.

Аммо шуниси аниқки, Имом Абу Бакр Шоший ўша X аср охирида икки буюк давлат ўртасидаги урушни – минглаб одамлар, мусулмонлар ва насронийлар қони тўкилишининг олдини олиб, буюк илмий ва сиёсий жасорат кўрсатган.

Имом Абу Бакр тафсири, ҳадиси қалом, фикх, ислом ҳуқуқшунослиги асослари, шеърят ва тилшунослик бўйича ўзидан ниҳоятда бебаҳо, нодир мерос қолдирган.

Шайх Абу Исҳоқ аш-Шерозийнинг ёзишича: “Имом Абу Бакр Қафғол Шошийнинг кўплаб асарлари мавжудки, ҳеч бир киши ҳали шунча асарларни тасниф этмаган”. У фақиҳлар ичида биринчи бўлиб, “Ал-Жадал ал-Ҳасан” (“Диалектика гўзаллиги”) номли баҳс-мунозарага оид асар ёзган. Шунингдек, унинг “Китоб фи усулул фикх” (“Фикх усуллари китоби”), “Шарҳур рисола” (“Рисола шарҳи”) асари, “Далоилун нубувват” (“Пайғамбарлик далиллари”), “Маҳосинуш шариа” (“Шариат гўзалликлари”) каби асарлари ҳам Ислом дунёсида машҳур.

Имом Абу Бакр Шоший 976 йили ўз она шаҳарлари Шош – Тошкентда вафот этдилар.

Тошкент шухратини оламга ёйган буюк бобоқалонимизнинг “Ҳазрати Имом” макбаралари бутун ислом оламининг муқаддас қадамжосига айланган.

grasp Egypt. We shall subdue Hijaz, Baghdad, Shiraz, Rai, Khurasan, Kuddus, the entire East and the whole West”.

The Caliphate did not possess military potential capable of resisting the Eastern Roman Empire. It was necessary to settle the problem in a peaceful way.

The Caliph of Baghdad ordered Abu Bakr to answer this message in rhymed writing form corresponding to the content of the message.

Imam Kaffal Shashi writes a letter in 148 lines in which he reflected his poetic talent and diplomatic capacities. As Nematullo Mukhammedov writes, 74 *beits* of this letter reached us in the book by Tojiddin as-Sabki. What is important for us is that the message from Imam Kaffal Shashi became the reason of a turmoil in the capital of the Roman Empire – Constantinople. Nickiphor, who became a military leader and occupied the throne of Rome, attentively listened to his confidants. Among them there were also his enemies. Besides, the scientists and respectable men of Rome who studied in the Baghdad Academy named after Ma'mun also acted against him.

The *beits* express the ideas that glory, throne and quest for abundance can lead to tragedy, and these *beits* also express the feelings of love and betrayal, boldness and treachery, pleasures in this world and sufferings in afterlife world which touched the heart of the commander who spent his entire life in the fields of battles. The leader of Rome officially declared his refusal of the plan to undertake a military campaign against Baghdad.

According to legends, as the caliphate promised, Shashi received the sacred book of the Koran stored in the treasuries – Usmon Kuroni – and brought it to Tashkent.

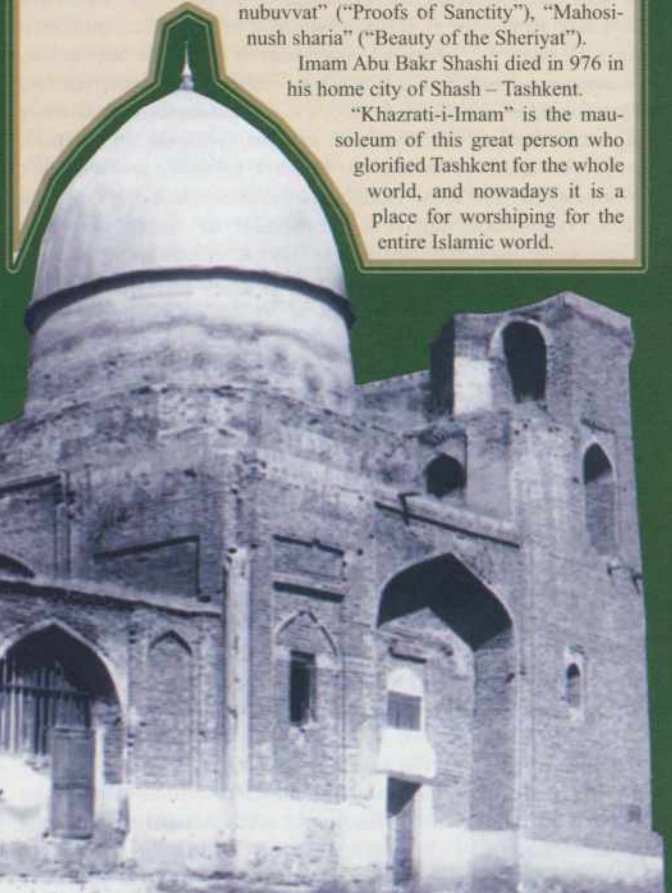
But it is also reliably known that at the end of the 10th century Imam Abu Bakr Shashi prevented the war between the two powerful states, thus having averted the bloodshed of thousand of the Moslems and Christians.

Imam Abu Bakr left his unique heritage in the field of interpretation of *khadises*, theology, bases of the Islamic jurisprudence, poetry and linguistics.

As Sheikh Abu Iskhak ash-Sherazi writes: “Imam Abu Bakr Kaffal Shashi, like no one before, left many products. Being the first among the theologians, he created a polemic work “Al-Jadal al-Khasan” (“Beauty of the Dialectics”). His other books are also widely known in the world of Islam, they are “Kitob fi usulul fikh” (“The Book of Theological Methods”), “Shakhrur risola” (“The city of Risola”), “Daloilun nubuvvat” (“Proofs of Sanctity”), “Mahosinush sharia” (“Beauty of the Shariyat”).

Imam Abu Bakr Shashi died in 976 in his home city of Shash – Tashkent.

“Khazrati-i-Imam” is the mausoleum of this great person who glorified Tashkent for the whole world, and nowadays it is a place for worshiping for the entire Islamic world.

ЧОЧ (ШОШ) ТОПОНИМИНИНГ КЕЛИБ ЧИҚИШИ ҲАҚИДА

Шамсиддин КАМОЛИДДИН

Чирчик водийси ҳамда унга жануб томондан ёндашган Оҳангарон водийсини ўзида мужассамлаштирган Тошкент воҳаси ёзма манбаларда Чоч ёки Шош номи билан машҳур. Бу ном дастлаб Чимкент яқинидаги Култоба шаҳристони (мил. авв. III асрнинг биринчи ярми – II аср)дан топилган пишик ғишларга тирнаб ёзилган суғдий ёзувларда тилга олинади. Сосоний шоҳ Шопур I (мил. 262 й.)нинг Зардушт Каъбасида ўйиб ёзилган ғолибона ёзувда ҳам Кўхи Чоч (Чоч тоғлари) эслатилади. Уралнинг Керчево кишлоғида шар билан ҳошияланган икки шохли тож кийган ҳукмдорнинг қамишзордан чиқиб келаётган иккита тўнғиздан бирига қилич солаётгани тасвирланган қумуш идиш топилган. III-IV асрларда Балхда тайёрланган мазкур идишда “Чоч халқига тегишли мулкидан...” деган суғдий ёзув бор. Афтидан, у Балхнинг келиб чиқиши Чочдан бўлган хионитлик ҳукмдорларидан бирига тегишли бўлган. V-VI аср-

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТОПОНИМА ЧАЧ (ШАШ)

Ташкентский оазис, включающий долину Чирчика и примыкающую к ней с юга долину Ахангарана, известен в письменных источниках как Чач и Шаш. Впервые это название упоминается в согдийских надписях, процарапанных на женных кирпичиках из городища Культобе близ Чимкента (II-I пол. III в. до н.э.). В победоносной надписи сасанидского шаха Шапура I (262 г.н.э.), высеченной на Каабе Зороастра, упоминается гора Кух-и Чач (Горы Чача). В селе Керчево на Урале найден серебряный сосуд с изображением правителя верхом на коне, в двурогой короне, увенчанной шаром, сходу разящего мечом одного из двух кабанов, выбегающих из камышей. На этом блюде, изготовленном в III-IV вв. в Балхе, согдийская надпись: «из имущества ..., относящегося к чачскому народу». Возможно, оно принадлежало одному из хионитских правителей Балха, выходящу из Чача. На одной из сасанидских печатей V-VI вв. с пехлевийскими надписями изображен портрет правителя, явно не иранского происхождения (лицо овальное, нос большой) в головном уборе с рогами быка.

Топоним Чач (šāš) упоминается на монетах, выпущенных правителем Канга в III – IV вв., на серебряной драхме сасанидского шаханшаха Хурмазда IV, датированной шестым годом его правления, т.е. 584 – 585 гг. Название Чач зафиксировано также в согдийских документах и нумизматических материалах в форме *c'cynk* – «чачский» (VII – VIII вв.), а также на обломке керамики из городища Канка с древнетюркской рунической надписью, которая также читается как *šāš* – Чач (чтение С.Г.Кляшторного). В китайских источниках, начиная со II в. до н.э., его название передается иероглифом Ши или Чже-ши, а его область – Ши-го (Каменная царство). В источниках исламского времени топоним Чач передается в форме Шаш или аш-Шаш.

Относительно этимологии топонима Чач (Шаш) существует несколько точек зрения. Некоторые исследователи связывают его происхождение с названием озера Чайчаства, упоминаемого в авестийском гимне Аши («Ард-яшт»), и локализуемого в Месопотамии (озеро Урмия) или Афганском Туркестане (озеро

Чаист). Другие считают, что озеро Чайчаства не что иное, как озеро Арал. Название Чаецаства (*šāšcašta*) производится от обско-угорского слова *šāš*, что означает «вода».

В средневековых тюркских словарях *čāč* (*šāš*) или *čas* (*šas*) означает «жатва», а *šāš* (*šash*) – «железо». Это же слово через долгое а *šāš* (*shsh*) означает «возвлованный». Однако, на наш взгляд, это не достаточно убедительно.

В письменных источниках есть прямые указания относительно происхождения названия Чач (Шаш). Так, по данным Беруни (XI в.), название Шаш происходит от тюркского названия этого города – Ташканд, что означает «Каменный город», а в «Географии» Птолемея он называется «Каменной крепостью». На одной из 26 карт, приложенных к географическому сочинению Клавдия Птолемея, действительно упоминается «Каменная крепость» (Terra Lapidea) на торговом пути из Средней Азии в Китай, к востоку от реки Яксарт (Сырдарья). Есть основания предполагать, что на этой карте был зафиксирован именно город Ташкент. Согласно Махмуду Кашгари (XI в.), истинное название города Шаш – Таркан или Ташканд, что в переводе с тюркского означает «Каменный город». Китайский иероглиф Ши или Чжеши, передающий название Чач (Шаш), означает именно «камень», а название владения Ши-го – «каменная страна», что является калькой тюркского названия Ташканд. Топоним Кангтой китайских источников, территориальным преемником которого является топоним Ши, производится от слова *kank*, что в переводе с «тохарского» также означает «камень». Согласно китайским источникам, до образования владения Ши-го (VI в.) на его месте было владение Юй-ни, что также означает «каменная страна». По последним данным, в китайских источниках делалось различие между государством Ши (Шиго) и городом Чач (Чжэ-чжэ), который был его столицей, причем название Ши производилось от имени основателя этого государства.

Однако известно, что название Шаш является арабизированной формой местного названия Чач, что объясняется отсутствием в арабском языке звука «ч», а следовательно и буквы для его обозначения. Бабур писал,

ларга оид сосоний мухрлардан бирида пахлавий ёзуви билан бирга хукмдор портрети тасвирланган, бука шохли бош кийимдаги бу хукмдор ҳар ҳолда эрон наслидан бўлмаса керак (юзи чўзиқроқ, бурни эса ялпок).

Чоч (ĉaĉ) топоними III-IV асрларда Қанғ хукмдори томонидан зарб қилинган тангаларда, сосоний шаҳаншоҳ Хурмазд IV хукмдорлигининг олтинчи йили, яъни 584-585 йилларга оид қумуш драҳмада эслатиб ўтилади. Чоч номи, шунингдек *c'sutk* – “чочлик” (VII-VIII асрлар) шаклида суғдий ҳужжатлар ва нумизматик материалларда, яна Қанга шахристонидан топилган қадимги турк-руний ёзувли сопол бўлагиди ҳам *ĉaĉ* – “чочлик” деб ўқилади (С.Г.Кляштор ўқиган). Хитой манбаларида милоддан аввалги II асрдан бошлаб унинг номи Ши ёки Чжи-ши, унинг вилояти Ши-го (Тош подшолиги) иероглифида берилди. Исломи даври манбаларида эса, Чоч топоними Шош ёки аш-Шош шаклида берилган.

Чоч (Шош) топоними этимологияси хусусида бир нечта нуқтаи назар мавжуд. Баъзи тадқиқотчилар унинг келиб чиқишини Авестодаги Аши гимни (“Ардашшт”)да эслатилган ва Месопотамия (Урмия кўли)

ёки Афғон Туркистони (Чичаст кўли) билан чегараланган Чайчаст кўли номига нисбат беришади. Бошқа тадқиқотчилар эса, Чайчаст кўли Орол кўлининг ўзгинаси деб ҳисоблашади. Чайчаства (*ĉaeĉasta*) номи обь-угор “*ĉaĉ*” сўзидан олинган бўлиб, “сув”ни билдиради.

Ёзма манбаларда Чоч (Шош) номининг келиб чиқиши ҳақида аниқ кўрсатмалар бор. Чунончи, Беруний (XI аср) маълумотича, Шош номи мазкур Тошканд шахрининг туркча номланишидан, яъни “тош шаҳар”дан келиб чиққан, Птолемейнинг “география”сида эса у “Тош қалъа” деб номланган. Клавдий Птолемейнинг мазкур асарига илова қилинган 26 хариталардан бирида ҳақиқатанам “Тош қалъа” (*Terra Lapidea*) эслатилади, у Ўрта Осиёдан Хитойга борадиган савдо йўлида, Яксарт (Сирдарё) дарёсининг шарқида жойлашган. Ушбу харитада айнан Тошкент шаҳри қайд қилинган дейишга асосимиз бор. Маҳмуд Қошғарийга (XI аср) биноан, Шош шахрининг ҳақиқий номи Таркан ёки Тошканд, туркчадан ўғирганда “Тош шаҳар” деган маънони англатади. Чоч (Шош) номини англатувчи хитой иероглифи Ши ёки Чжеши айнан “тош”ни, Ши-го ўлкаси “тош

что «в книгах [название] Ташкент пишут Шаш, а иногда – Чач, отсюда выражение «чачские луки». Различные формы названия Чач в китайских источниках являются китайскими транскрипциями (Чжэчжи, Чжэчжэ, Чжэши) и калькой (Ши – «камень») названия Чач, которое образовано от древнетюркского *ĉaĉ/tau* – «камень».

По данным лингвистических исследований, названия Чач и Шаш являются диалектными формами тюркского слова *tau*, в которых имеет место переход согласного «т» в «ч», а затем в «ш», широко распространенный в тюркских языках.

В лингвистической литературе бытует еще одно заслуживающее интереса мнение, согласно которому название Чач имеет енисейское происхождение и также означает «камень» (кет. *тыс*, котт. *шыш*, пумпок. *чыс*), являясь с одной стороны калькой древнетюркского *tau*, а с другой – находясь с ним в тесной генетической связи. Примечательно, что в енисейских языках наблюдается тот же переход согласных «т», «ч» и «ш», характерный для тюркских языков.

Вполне вероятно, что первоначальная форма названия города Ташкента была образована именно на основе древнетюркского слова *tau* в значении «камень». Средневековые названия города Чач и Шаш, так же как и первый составной компонент оронима Чаткал – *ĉat*, скорее всего, являются диалектными формами того же слова *tau* с тем же значением.

Относительно семантики названия Таш/Чач/Шаш также существуют различные точки зрения. Так, город назывался «каменным» потому, что большинство его строений было из жженого кирпича (*tau*). В Средней Азии многие архитектурные сооружения, построенные из жженого кирпича или мрамора, назывались такими названиями как Ташкуприк (Каменный мост), Ташкудук (Каменный колодец), Ташхавуз (Каменный пруд), Ташдарваза (Каменные ворота), Ташхавли (Каменный двор), Ташмасджид (Каменная мечеть), Ташмадраса (Каменное медресе) и др.

Согласно другому мнению, город назывался «каменным», благодаря мужеству и стойкости жителей при защите города от иноземных захватчиков. В названии города может быть намек на то, что он возник в стране «могучих туров», упоминаемых

неоднократно в Авесте. Есть также мнение, что название Ташканд, так же как и Таркан, означает «сильная крепость». В древнетюркских языках слово *tau/tau* имеет также значения «прочный», «крепкий», и т.п. Одна из последних точек зрения по этому вопросу заключается в том, что топоним Таш/Чач/Шаш происходит от названия Чаткало-Кураминской горной цепи, которая, словно каменная крепость, окаймляет долины Чирчика и Ахангарана, составляющие Ташкентский оазис, и защищают их от внешних врагов. Примечательно, что одно из древнейших упоминаний топонима Чач (надпись Шапура I) связано именно с горами Чач (Кух-и Чач). В составе названия Чаткал можно видеть одну из форм (Чат) топонима Таш/Чач/Шаш с той же вариацией согласных «т», «ч» и «ш». В киргизском языке слово *ĉat* означает «пространство между реками перед их слиянием» или «название части гор». Компонент *ĉat* очень часто встречается в составе тюркских топонимов: Чат, Эски-Чат, Уч-Чат, Кара-Чат, Сары-Чат и т.д.

В тюркских языках слово *tau* означало не только «камень», но и «скала», «возвышенность», «гора», а также «внешняя сторона». Название Таш/Чач/Шаш могло быть местной калькой тохарского топонима Канг – древнего государства, в состав которого входил и Чач. Память о последнем сохранилась в народе и до сих пор его название в форме Канга прилагается к развалинам самого крупного городища (150 га) Ташкентского оазиса, расположенного в 90 км к югу от Ташкента. Можно также предположить, что название города было связано с каким-то священным камнем, которому в глубокой древности поклонялись местные жители. Подобный случай можно наблюдать в Мекке, где до сих пор в Каабе хранится священный черный камень космического происхождения, которому поклонялись еще в доисламские времена. В китайских источниках происхождение топонима Ши связывается не с камнем или каменной крепостью, а с фамилией основателя государства, столица которого называлась Чжэ-чжэ, т.е. Чач.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает мнение, археолога, академика АНРУ Ю.Ф.Бурякова о том, что происхождение названия Таш/Чач/Шаш могло быть связано с известным месторождением драгоценных камней в горах его области.

мамлакат”ни билдиради, бу Тошканд номининг туркча тақлидидан бошқа нарса эмас. Хитой манбаларидаги Қангюй топоними, унинг худудий вориси бўлган топоним Ши *kank* сўзидан олинган бўлиб, “тохарча”дан ўгирганда у ҳам “тош” маъносини билдиради. Хитой манбаларига кўра, Ши-го ўлкаси (VI аср) пайдо бўлгунга қадар, унинг ўрнида Юй-ни ўлкаси бўлган, у ҳам “тош мамлакат” маъносини билдиради. Охири маълумотларга кўра, хитой манбаларида Ши (Ши-го) давлати билан унинг пойтахти бўлган Чоч (Чжэ-чжэ) шаҳри ўртасида тафовут қилинган, билъакс, Ши номи мазкур давлат асосчиси номидан келиб чиққан.

Маълумки, Шош номи маҳаллий Чоч номининг арабча шакли, лекин араб тилида “ч” товуши йўқ бўлгани учун, демак, уни белгилайдиган ҳарф ҳам йўқ. Шу боис, “ч” ҳарфи “ш”га айланиб кетган. Бобурнинг ёзишича, “китобларда Тошкент [номи]ни Шош, баъзида эса Чоч деб ёзишади, шундан “чоч камонлари” ибораси тарқалган”. Хитой манбаларида Чоч номининг турлича шакллари мавжуд, хитой транскрипцияси (Чжэчжи, Чжэчжэ, Чжэши) ҳамда Чочга тақлидан (Ши – “тош”) ишлатилган бўлиб, у қадимги турк *чоч/тош* – “тош”дан ташкил топган.

Яна шуниси ҳам эҳтимолдан холи эмаски, яъни Тошкент шаҳри номланишига дастлабки, шакли айнан қадимги туркча “тош” маъносидаги тош сўзи асос бўлган бўлиши мумкин. Ўрта асрларда Чоч ва Шош шаҳрининг номланиши, Чотқол оронимининг биринчи таркибий компоненти каби *чот* бўлиб, у *тош* сўзининг асл маъносидаги диалектик шакли бўлиши мумкин.

Тош/Чоч/Шош номларининг семантикаси-га нисбатан ҳам турли нуқтаи назарлар мавжуд. Шаҳар “тошдан қилинган” дейилишига сабаб, ундаги кўплаб қурилишлар пишиқ ғиштдан (*тош*) қурилганлигидадир. Ўрта Осиёдаги пишиқ ғишт ёки мрамардан қурилган кўплаб меъморий иншоотлар Тошкўприк, Тошқудук, Тошҳовуз, Тошдарвоза, Тошҳовли, Тошмасжид, Тошмадраса деб аталган.

Яна бошқа фикрга кўра, шаҳарнинг “тошдан қурилган” деб аталишига, аҳолининг ўз шаҳарларини чет эл босқинчиларидан мудофаа қилишда кўрсатган мардлик ва жасорати сабаб бўлган. Шунингдек, шаҳарнинг номланишида Авестода кўп марта эслатилганидек, у “қудратли турлар” мамлакатига пайдо бўлганлигига ишора бўлиши мумкин.

ABOUT ORIGIN OF THE TOPONYM CHACH (SHASH)

The Tashkent oasis including Chirchik valley and Akhangaran valley adjoining to it from the south is known in the written sources as Chach or Shash. This name is mentioned first in the Sogd inscriptions harrowed out on burnt bricks on the site of ancient settlement Kultobe near Chimkent (the 2nd – early 3rd century B.C.). The mountain Kuh-i Chach (Chach Mountains) is mentioned in the victorious inscription of the Sassanid shakh Shapur I (262 A.D.) cut on Caaba of Zoroastr. A silver vessel with an image of a governor in a bicorn crown topped by a sphere, who is sitting on a horse and killing with a sword one of two wild boars running out from canes, is found in the village Kerchevo in the Urals Mountains. This dish made in the 3rd–4th centuries in Balkh contains the Sogd inscription: “from the property... belonging to the Chach people”. Probably, it belonged to one of the Khionit governors of Balkh, the native from Chach. One of the Sassanid stamps of the 5th–6th centuries with the Pehlevi inscriptions represents a portrait of a governor, obviously of not the Iranian origin (oval face, large nose) in a headdress with horns of a bull.

Toponym Chach (čac) is mentioned on the coins minted by a ruler of Kang in the 3rd–4th centuries, on silver drachma of the Sassanid shakhshakh Khurmazda IV dated the sixth year of his board, i.e. 584 – 585. The name Chach is mentioned also in the Sogd documents and numismatic materials in the form of *c'cynk* – “of Chach” (the 7th – 8th centuries), as well as on a fragment of ceramics from the site of ancient settlement Kanka with the ancient Turkic Runic inscription which also is read as *čac* – Chach (S.G.Klyashorniy’s interpreted reading). In the Chinese sources, since the 2nd century B.C., its name is transferred by hieroglyph Shi or Chzhe-shi, and its region – Shi-go (Stone Empire). In the sources of the Islamic time the toponym Chach is transferred in the form of Shash or ash-Shash.

As for the etymology of the toponym Chach (Shash), there are several points of view. Some researchers connect its origin with the name of the lake Chaichasta mentioned in the Avesta hymn Ashi (“Ard-yasht”) and located in Mesopotamia (lake Urmia) or in the Afghani Turkestan (lake Chichast). The others

believe that the lake Chaichasta is nothing else but the lake Aral. The name Chaechasta (*čaečasta*) is derived from the Obsk-Ugrian word *čac* that means “water”.

In the medieval Turkic dictionaries *čac* (*čac*) or *чac* (*čac*) means “harvest”, and *šac* (*шac*) – “iron”. The same word after a long time would be *šac* (*шac*) and mean “excited”. However, in our opinion, it is not quite convincing.

The written sources contain direct proofs concerning the origin of the name Chach (Shash). So, according to Beruny (11th century), the name Shash comes from the Turkic name of this city Tashkand which means “Stone city”, and in “Geography” by Ptolemy this city was named “Stone fortress”. One of 26 maps enclosed into the geographical composition by Claudio Ptolemy really mentions “Stone fortress” (Terra Lapidea) on the trading way from Central Asia to China, to east from the river Yaksart (Syr-Darya). There are bases to presume that this map mentions the city of Tashkent. According to Makhmud Kashgari (11th century) the real name of the city Shash is Tarkan or Tashkand which translated from the Turkic means “Stone city”. The Chinese hieroglyph Shi or Chzhesi, transferring the name Chach (Shash), means “stone”, whereas the name of possession Shi-go means “stone country” which is loan translation of the Turkic name Tashkand. The toponym Kangui from the Chinese sources whose territorial successor is the toponym Shi originates from the word *kank* that in translation from the “tokhar” language also means “stone”. According to the Chinese sources, before formation of the possession Shi-go (6th century) on its place was the possession Yui-ni that also means “stone country”. According to the most recent data, the Chinese sources made distinction between the state Shi (Shigo) and the city of Chach (Chzhe-chzhe) which was its capital, and the name Shi came from the name of the founder of this state.

However, we know that the name Shash is the Arabic form of a local name Chach which is explained by absence of a sound “ch” and consequently the absence of a letter for its designation in the Arabian language. Babur wrote that “in books [the name

Тошканд номи худди Таркан каби “кучли қалъа” маъносини англатиши мумкин, деган фикр ҳам йўқ эмас. Қадимги турк тилларида *тар/тош* сўзлари, шунингдек, “мустаҳкам”, “бақувват” деган маънога ҳам эга. Ушбу масала бўйича охириги нуктаи назар шундан иборатки, Тош/Чоч/Шош топоними Тошкент воҳасини ташкил қилувчи Чирчиқ водийси ва Оҳангаронни худди тош қалъадек ўраб ва ташки душмандан химоя қилиб турган Чотқол – Курама тоғ тизмаси номидан келиб чиққан, деган тўхтамга келишдадир. Шуниси диққатга сазоворки, Чоч топонимининг энг қадимий эслатилиши (Шопур I ёзуви) айнан Чоч (Кўх-и Чоч) тоғлари билан боғлиқ. Чотқол номининг таркибида Тош/Чоч/Шош топонимининг Чотдаги “т”, “ч” ва “ш” ундошларининг ўзлаштирилган шаклини кўриш мумкин. Қирғиз тилида *чат* сўзи “дарёлар қўшилиши олдидан улар орасидаги кенг майдонни” ёки “тоғ қисми номи” деган маъноларни билдиради. Чат компоненти кўпинча турк топонимлари таркибида учрайди: Чат, Эски Чат, Уч Чат, Қора Чат, Сари Чат ва ҳоказо.

Турк тилларида тош нафақат “тош”, балки “қоя”, “тепалик”, “тоғ”, шунингдек, “ташки томон” маъно-

ларини ҳам билдирган. Тош/Чоч/Шош номи Тоҳар топоними Қанғ таркибига Чоч ҳам кирган қадимий давлатнинг маҳаллий нусхаси ҳам бўлиши мумкин. Ушбу давлат халқ хотирасида ҳозиргача Канка шаклида сақланиб қолган бўлиб, уни Тошкентдан 90 км жануброқда жойлашган Тошкент воҳасидаги энг йирик шахристонга (150 га) тахассуб беришди. Шаҳарнинг номланиши энг қадимги замонларда маҳаллий халқлар сиғинган қандайдир муқаддас тош билан боғлиқ бўлиши мумкин, деган тахминлар ҳам йўқ эмас. Бундай ҳолни Маккада ҳам кузатиш мумкин, зеро, Каъбада космик келиб чиқишга эга бўлган муқаддас қора тош сақланади, унга ҳатто исломдан олдин ҳам сиғинишган. Хитой манбаларида Ши топонимининг келиб чиқишини тош ёки қалъа билан эмас, балки пойтахти Чжэ-чжэ, яъни Чоч деб номланган давлат асосчиси фамилиясига тахассуб берилади.

Бизнингча, ЎзР ФА академиги, археолог Ю.Ф.Буряков томонидан билдирилган куйидаги фикр алоҳида эътиборни жалб қилади, яъни Тош/Чоч/Шош номининг келиб чиқиши вилоят тоғларидаги машҳур кимматбаҳо тошлар билан боғлиқ бўлиши эҳтимолдир.

of] Tashkent is written as Shash and sometimes Chach, from here we have an expression “the Chach bows”. Different forms of the name Chach in the Chinese sources are their Chinese transcriptions (Chzhechzhi, Chzhechzhe, Chzheshi) and loan translation (Shi – “a stone”) of the name Chach which is formed from the ancient Turkic *chach/tash* – “stone”.

According to the linguistic researches, the names Chach and Shash are the dialectic forms of the Turkic word *tash* which shows the transition of the concordant “t” into “ch” and then into “sh” widely spread in the Turkic languages.

The linguistic literature presents another opinion deserving interest according to which the name Chach has the Yenisei origin and also means “stone” (кет. *тыс*, котт. *шыш*, пумпюк. *чыс*), being on the one hand a loan translation of the ancient Turkic *tash*, and on the other hand keeping close genetic relations with it. Remarkable that the Yenisei languages observe the same transition of the consonants “t”, “ch” and “sh” characteristic for the Turkic languages.

It is quite probable that the initial form of the name of the city of Tashkent was formed on the basis of an ancient Turkic word *tash* meaning “a stone”. Medieval names of the city of Chach and Shash, as well as the first compound component of the oronym Chatkal – *chat*, are most likely to be dialectic forms of the same word *tash* with the same meaning.

As for the semantics of the name Tash/Chach/Shash, there are also various points of view. So, the city was named the “stone city” because most of the buildings were constructed from the burnt brick (*tash*). In Central Asia many architectural constructions built from the burnt brick or marble got such names as Tashkuprik (Stone bridge), Tashkuduk (Stone well), Tashkhavuz (Stone pond), Tashdarvaza (Stone gate), Tashkhavli (Stone yard), Tashmasdzhid (Stone mosque), Tashmadrasa (Stone medrese), etc.

According to another opinion, the city was named “stone city” owing to courage and hardness of the inhabitants when they protected their city from the foreign aggressors. The name of the city can also contain a hint that it appeared in the state of “the mighty Toors” repeatedly mentioned in Avesta. There is also

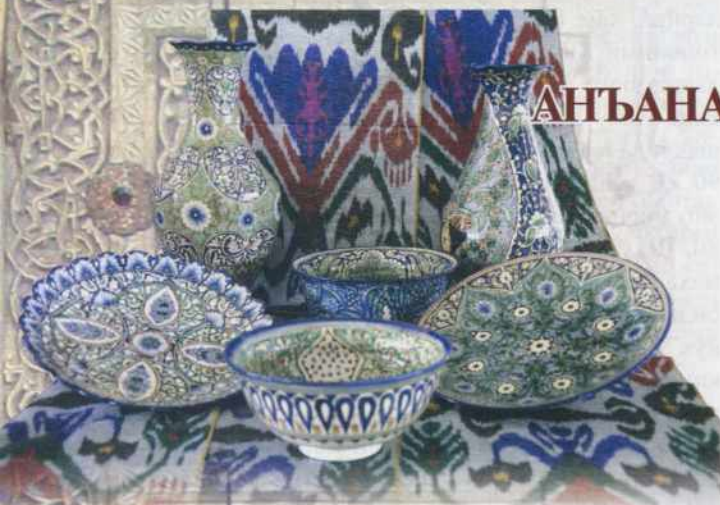
an opinion that the name Tashkand, as well as Tarkan, means “a strong fortress”. In the ancient Turkic languages the word *tar/tash* has also values of “solid”, “strong”, etc. One of last points of view on this question is that the toponym Tash/Chach/Shash comes from the name of the Chatkal-Kuramin mountain circuit which as if a stone fortress borders the valleys of Chirchik and Akhangaran, that are part of the Tashkent oasis, and protects them from their foreign enemies. It is remarkable that one of the most ancient mentions of the toponym Chach (inscription of Shapur I) is connected exactly with the Chach mountains (Kuh-I Chach). In the structure of the name Chatkal we can also see one of the forms (Chat) of the toponym Tash/Chach/Shash with the same variation of consonants “t”, “ch” and “sh”. In the Kirghiz language a word *chat* means “a space between the rivers before their merge” or “a name of a part of mountains”. The component *chat* can be very often found in the structure of the Turkic toponyms: Chat, Eski-Chat, Uch-Chat, Kara-Chat, Sary-Chat, etc.

In the Turkic languages the word *tash* meant not only “stone” but also “rock”, “hill”, “mountain” and also “the outer side”. The name of Tash/Chach/Shash could be a local loan translation of the Tokhar toponym Kang – the ancient state which also included Chach. Memory of the latter is still respected by the people and now its name in the form Kanka refers to the ruins of the largest site of ancient settlement (150 hectares) of the Tashkent oasis located 90km south from Tashkent. One can also assume that the name of the city was connected to some sacred stone which was worshipped in olden days by the local population. The similar case can be observed in Mecca where still in Caaba there is stored a sacred black stone of a space origin which was worshipped during even the pre-Islamic times. The Chinese sources connect the origin of the toponym Shi not with a stone or a stone fortress but with a surname of the founder of the state whose capital was called Chzhe-Chzhe, i.e. Chach.

We believe that the opinion of Y.F.Buryakov, an archeologist and academician of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, that the origin of the name Tash/Chach/Shash could be bound with a known deposit of precious stones in the mountains in this land deserves special attention.

ТОШКЕНТНИНГ АНЪАНАВИЙ ХУНАРМАНДЧИЛИГИ

Акбар ҲАКИМОВ

Тошкентнинг бой маданий меросида бадий хунармандчилик юксак анъаналари алоҳида ўрин тутган. Тошкент минтақасида топилган “сак хайвон услуби” бринч буюмлари қадимги Чочнинг (Тошкент минтақаси) чўл минтақалар билан маданий алоқалари ҳақида гувоҳлик беради ва маъданга бадий ишлов беришнинг юқори даражада бўлганини кўрсатади. Қадимги замон шаҳар хунармандчилигида сопол хунармандчилиги ривожлангани алоҳида қайд этилган бўлиб, буюмларда Тошкентнинг қўшни маданиятлар билан ранг-баранг алоқалари акс этган. Милоддан аввалги I асрдан милодий VIII асргача тарқалган қовунчи деб аталган маданият излари қадимги Чочнинг милодий I–IV асрларига оид сопол буюмларида кўзга ташланади.

VII аср – VIII асрнинг бошида Марказий Осиёни исломлаштириш муносабати билан антик ва илк ўрта аср меросини қайта кўриб чиқиш содир бўлади. IX–XI асрлардан бошлаб Мовароуннахр шаҳарларида бадий хунармандчилик айниқса ривожланиб, унинг услубида бадий нақш тантана қилган. Бу даврда ўрта аср пойтахти Чоч-Шош (Бинкат) Тошкентнинг эски шаҳар қисми ҳудудида жойлашган бўлиб, бу ерда турли сопол, маъдан, шиша, чарм буюмлари ишлаб чиқарилган.

Ўрта аср Тошкент сиркор идишлари бутун мусулмон оламида кенг қўлланилган. Ажойиб камонлар ва дубулғалар алоҳида шухрат қозонган. Бу буюмлар тайёрлашнинг кўп асрлик анъаналари ҳақида Тош-

кент эски шаҳар қисмидаги Ўқчи маҳалласининг номиёқ айтиб турибди. Заҳириддин Муҳаммад Бобурнинг гувоҳлик беришича, Тошкент ўқ-ёйлари сифат жиҳатидан тенгсиз бўлган.

Мўғулларгача даврда бринч ва мисдан ясалган, нақшлар солинган рўзгорбоп буюмлар ишлаб чиқарилган, шунингдек, бадий тўқимачилик соҳалари ҳам ривожланган.

Мўғуллар босқини туфайли Тошкентнинг иқтисодий ва маданий ҳаёти инкирозга юз тутди, фақат Амир Темур ва Темурийлар давридагина унинг кўтарилиши кузатилади. XIV аср охири – XV аср бошида Тошкентда оммавий маҳсулот билан бир қаторда сиркор сопол, маъдандан ясалган ноёб буюмлар, заргарлик безаклари, турли-туман матолар ва гиламлар ҳам ишлаб чиқарилган. Бу даврда сиркор сопол ишлаб чиқариш айниқса авж олган. Кўкалдош ва Шайхонтохур мадрасаларида қадимшунослар ўтказган тадқиқотлар натижасида топилган сопол намуналари XV–XVII асрларда Тошкент усталарининг кулолчилик маҳсулотлари юқори сифатли бўлганидан далолат беради.

Сополчилик билан бир қаторда қандакорлик, ёғоч ва тош ўймакорлиги, тўқимачилик, гиламдўзлик, каштачилик юксак даражада ривожланган.

XVI–XIX асрларда умумий иқтисодий турғунлик ва савдо алоқаларининг қисқаришига қарамай, Тошкентда хунармандчилик буюмлари ишлаб чиқариш ривожланишида давом этган ва тегишли касб хунармандлари истиқомат қиладиган маҳаллалар вужудга келган.

XIX аср иккинчи ярми – XX аср бошида Тошкент бадий хунармандчилиги мусулмон эстетикаси анъаналари ворислигини сақлаб қолган ҳолда ривожланган. Айни вақтда, бу ерга Россия фабрика моллари кириб келиши маҳаллий хунармандчилик буюмлари бадий сифатига салбий таъсир кўрсатган.

Бу вақтда бадий хунармандчиликнинг асосий

турлари: сополчилик, кандакорлик, заргарлик санъати, ёғочга бадий ишлов бериш, кўнчилик, эгарсозлик, тўқимачилик ва гиламдўзлик ривожланишда давом этган.

XX аср бошларида Тошкентда кулолчилик устахоналари Бешёғоч ва Кўкча қисмларида жойлашган. Бешёғочнинг

Эски намозгоҳ маҳалласида жойлашган устахоналарда рўзғорбоп сирланмаган идишлар ишлаб чиқарилган. Кўкчада эса

нақшлар билан безатилган сиркор идишлар ишлаб чиқарувчи кулолчилик устахоналари ривожланган бўлиб, улар қатга ва кичик лаганлар, шокосалар ва тоғорачалар тайёрлашган. Тошкентда усталар асосан чизма усулдан фойдаланганлар, яъни темир каламча билан нақш чекканлар.

Ёғоч ўймакорлиги санъати меъморчилик билан боғлиқ бўлиб, улар мураккаб нақшлар билан устун ва эшикларга гул чекишган. Оммабоп маҳсулотлар – бешик ва сандиқлар хандасавий нақш ёки йўл-йўл чизиклар билан безатилган.

Кўпчилиги бадий ўймакорлик билан шуғулланувчи дурадгорларнинг 20 га яқин устахонаси Бешёғочдаги Чорсу маҳалласида жойлашган. Улар асосий эътиборни эшик безакларига қаратишган, ўймакорлик ҳам ўзига хос ва чиройли бўлган.

Эгарсозлик бадий хунармандчиликнинг алоҳида соҳаси. Улар турли бўёқлар ва зарҳал гуллар билан безатиларди. “Эгар дўкон” устахоналари шаҳарнинг Шайхонтохур даҳасидаги Эгарчи маҳалласида жойлашган бўлиб, улар юзга яқин эди. Манбаларга кўра, Тошкент Туркистондаги эгарсозликнинг энг йирик маркази бўлиб, йилига 15 минг дона эгар тайёрланган.

XIX аср – XX аср бошларида халқ хунармандлари – каштачилар, тўқимачилар, гул босувчилар, гиламдўзлар, кигиз босувчилар ҳам аввалги анъаналарни давом эттирганлар. Ойпалак алоҳида оммавий тус олган бўлиб, кизғиш-пушти матога қора ип би-

лан ой ва қуёш тимсоли бўлган йирик тўпуллар тикилган.

Шаҳар хунармандчилигининг алоҳида соҳаси ҳисобланган қўлбола бўзга гул босиш санъати ривожланган. Унда асосан, икки хил – қорамтир-кизил ва тим-қўк ранг ишлатилган.

XX асрда Тошкент бадий хунармандчилиги янги ташкилий шакллар касб этиб, хунармандлар ширкатларга бирлашганлар, бадий саноат билим юртлари, тўқувишлаб чиқариш қорхоналари вужудга келган. 1920-30 йилларда кандакорлик ва заргарлик санъатида қадимги хунармандчилик анъаналари ривожланишда давом этган.

XIX аср – XX аср бошида бадий сополчиликда турли мактаблар усталарининг бадий усуллари ва технологик сирлари қайта тикланган. XX аср ўрталарида ёғоч ва ганчга нақшу ниғорлар ўйиб ишлаш ривожланган. Музей жамламаларида нақшу ниғорларини Тошкент мактаби усталари ишлаган дурдона асарлар сақланмоқда.

Тошкент усталари 1950-60 йилларда ёғоч ўймакорлигида ажойиб натижаларга эришдилар. Нақшу ниғор ва ганч ўймакорлиги XX аср иккинчи ярмида Тошкент жамоатчилиги меъморчилигида ҳам ўз аксини топди.

1970 йил охири – 80 йиллар бошида Ўзбекистонда папье-маше буюмлари тайёрлаш ва уларга гул солиш техникаси қайта тикланди. Ўрта аср шарк митти рангтасвиридан олинган усул ва рамзларни нақшларга киритиш янгилик эди. Тошкент митти сурат мусаввирлари ишга чарм, папье-маше, ковок пўчоғи, бўз ва қоғозни жалб этиш билан бирга яна кўплаб ашёлардан фойдаланганлар. Ёдгорлик санъати – митти сурат усулидаги нақшу ниғор соҳасида уларнинг ишлари муваффақиятли чиккан. 1996 йилда Тошкентдаги Темурийлар тарихи музейи интерьерида “Санаи нафиса” гуруҳи ишлаган суратлар мутахассислар ва томошабинларнинг юксак баҳосини олди.

ТРАДИЦИОННОЕ РЕМЕСЛО ТАШКЕНТА

честву стрелы и луки Ташкента, здесь были продолжены домонгольские традиции.

В домонгольский период производились орнаментированные изделия бытового назначения из бронзы и меди, а также были развиты отрасли художественного текстиля.

С нашествием монголов экономическая и культурная жизнь Ташкента приходит в упадок и лишь с приходом на арену истории Амира Темура наблюдается ее подъем. В это время в Ташкенте производилась как массовая продукция, так и уникальные изделия поливной керамики, металла, ювелирные украшения, разнообразные ткани и ковры. Фрагменты посудной керамики, обнаруженные археологами у медресе Кукельдаш и на Шайхантахуре, свидетельствуют о высоком качестве гончарной продукции ташкентских мастеров XV–XVII вв.

Наряду с керамикой в Ташкенте высокого развития достигают чеканка, резьба по дереву и камню, ткачество, ковроделие, вышивка.

В XVI–XIX вв., несмотря на общий экономический застой и сокращение торговых связей, в Ташкенте продолжается развитие ремесленного производства, формируются кварталы, в которых расселяются ремесленники соответствующих профессий.

Во второй половине XIX – нач. XX вв. художественное ремесло Ташкента сохраняет преемственность традиций, развивавшихся в рамках мусульманской эстетики. В то же время проникновение сюда фабричных товаров из России негативно сказалось на художественном качестве местных ремесленных изделий.

В это время продолжают развиваться основные виды художественного ремесла, керамика, чеканка, ювелирное искусство, художественная обработка дерева, кожи, производство седел, ткачество и ковроделие.

Гончарные мастерские в Ташкенте в начале XX в. располагались в Бешагачской и Кукчинской частях. Причем, мастерские в Бешагачской части, располагавшиеся в махалле «Эски Намазга», производили бытовую неглазурованную посуду. В Кукчинской части сосредоточились гончарные мастерские, производящие поливную посуду, украшенную орнаментальным узо-

В богатом культурном наследии Ташкента особое место занимают высокие традиции художественного ремесла. Обнаруженные на территории ташкентского региона бронзовые изделия «сакского звериного стиля» свидетельствуют о культурных связях древнего Чача (Ташкентского региона) со степными регионами и показывают высокий уровень художественной обработки металла. Городское ремесло античного времени представлено развитым керамическим ремеслом, в изделиях которого также отразились разнообразные связи Ташкента с сопредельными культурами. Следы так называемой каунчинской культуры, распространенной с I в до н.э до начала VIII в н.э., обнаруживаются в серии керамических изделий I–IV вв. н.э. древнего Чача.

В VII в. – нач. VIII вв. н. э. в связи с исламизацией центральноазиатского региона происходит переосмысление античного и раннесредневекового наследия. Начиная с IX–XI вв. в городах Мавераннахра особое развитие получает художественное ремесло, в стиле которого полностью торжествует орнаментально-декоративное начало. В этот период средневековая столица Чача-Шаша (Бинкат) находилась на территории старгородской части Ташкента. Здесь производилась разнообразная керамика, изделия из металла, стекла, кожи и др.

Глазурованная посуда средневекового Ташкента пользовалась огромным спросом во всем мусульманском мире. Особой славой пользовались прекрасные луки и колчаны. О многовековой традиции изготовления этих предметов говорит и название махалли «Укчи» в старгородской части Ташкента. По свидетельствам Захриддина Бабура, упоминающего прекрасные по ка-

ром. Кукчинские мастера изготовляли большие блюда (ляганы), обыкновенные тарелки (ляганча), чаши (шо-коса), посуду для мытья риса (тогороча). В Ташкенте мастера чаще использовали прием чизма – гравировку, нанося орнамент острым металлическим стерженьком, насаженным на палочку.

С архитектурой было связано искусство резчиков по дереву, которые украшали сложными орнаментальными композициями колонны, двери. Изделия массового производства – сундуки, колыбели украшались несложным геометрическим узором или раскрашивались полосами.

Около 20 мастерских столяров, многие из которых занимались художественной резьбой, размещались в Бешагачской части, в махалле «Чорсу». Основное внимание они уделяли украшению дверей, резьба которых была своеобразной и красивой.

Особой отраслью художественного ремесла было изготовление седел. Они расписывались разноцветными красками и золотом. Мастерские «эгар-дукан» располагались в Шайхантахурской части в махалле «Эгарчи».

Всего мастерских было около ста. Судя по источникам, Ташкент был крупнейшим центром производства седел в Туркестане, – в год изготовляли 15 тыс. седел.

В XIX – начале XX вв. продолжают работать мастера народного текстиля – вышивальщицы, ткачи, набойщики, ковроделы, мастера по изготовлению войлочных изделий. Особой популярностью пользовались крупные вышитые панно (ой-палак) с характерным красно-малиновым фоном, на котором черными нитями были вышиты крупные розетки, символизирующие солнце и луну.

Особой отраслью городского ремесла являлась набойка – искусство узорной печати по домогачной хлопчатобумажной ткани. Она была в основном двух цветов – красно-черного и сине-черного.

В XX в. в Ташкенте все прежние виды художественного ремесла сохраняются, но получают новые организационные формы – многие промыслы объединяются в артели, создаются художественно-промышленные училища и учебно-производственные комбинаты.

Особенно активно этот процесс протекал в чеканке. В ювелирном искусстве в 1920–30 годы народные мастера продолжали развивать традиции древнего ремесла, с индивидуальным творческим поиском.

В художественной керамике были восстановлены технологические секреты и художественные приемы мастеров различных школ XIX – нач. XX вв. В середине XX в. получает развитие орнаментальная роспись и резьба по дереву и ганчу. В музейных коллекциях хранятся шедевры мастеров ташкентской школы орнаментальной росписи.

Превосходных результатов достигли в 1950–1960 гг. ташкентские мастера резьбы по дереву. Орнаментальная роспись и резьба по ганчу получила свое отражение в общественной архитектуре Ташкента второй половины XX в.

В конце 1970 - начале 80-х годов в Узбекистане была возрождена техника изготовления и орнаментации изделий из папье-маше. Новым было внесение в орнаментику мотивов и образов, заимствованных из средневековой восточной миниатюрной живописи. Художники-миниатюристы Ташкента используют широкий круг материалов, привлекая к работе кожу, папье-маше, тыквянки, холст и бумагу. Успешны их творческие работы и в области монументального искусства – росписи в стиле миниатюры, выполненные группой «Санои нафис» в 1996 г. в интерьере Музея истории Темуридов в Ташкенте получили высокую оценку специалистов и зрителей.

TRADITIONAL ART CRAFTS OF TASHKENT

In a rich cultural heritage of Tashkent a special place is taken by high traditions of art craft. Found out on the territory of Tashkent region bronze products of «sack animal style» testify cultural relations of ancient Chach (Tashkent region) with steppe regions and show a high level of art processing of metal. The city craft of antique time is presented by developed ceramic craft in which products of various communications of Tashkent with adjacent cultures also were reflected. Traces of so-called kaunchinian culture which was widespread since the 1st century B.C. up to beginning of 8th century A.D. were found out in a series of pottery of I-IV centuries A.D. of ancient Chach.

In VII –beginning of VIII centuries A.D. in connection with Islamization of the Central Asian region there was

a reconsideration of antique and premedieval heritages. Since IX–XI centuries in the cities of Maverannahr a special development received art craft in the style of which ornamental-decorative beginning completely triumphed. During this period the medieval capital of Chach - Shash (Binkent) was in the territory of old part of Tashkent. Various ceramics, metal wares, glasses, leather, etc were produced there.

Glazed utensils of medieval Tashkent were in huge demand in all Muslim world. Fine bows and quivers used special glory. About centuries-old tradition of manufacturing of these subjects speaks a name of old city part of Tashkent – “Ukcha”.

In pre-mongol period ornamented products of household purpose from bronze and copper were produced, and also branches of art textiles were developed.

With invasion of Mongols economic and cultural life of Tashkent falls into decay and only with coming of Amir Temur on the history’s arena it was risen. At that time in Tashkent it was made both mass production, and unique products of slip glazed ceramics, metal, jeweller’s ornaments, various fabrics and carpets. Fragments of dish ceramics, found out by archeologists at Kukeldash madrasah as well as in Shayhataur testify high quality of potter’s production of Tashkent masters of XV–XVII centuries.

Alongside with ceramics, stamping, wood and stone carving, weaving, carpet producing and embroidery reached high progress in Tashkent of that period.

In XVI–XIX centuries, despite of general economic stagnation and reduction of trading communications, craft manufacture were progressed and areas of handicraftsmen of appropriate trades were settled in Tashkent.

In the second half of XIX – beginning of XX centuries the art craft of Tashkent kept continuity of traditions developed within the limits of a Muslim aesthetics. At the same time penetration of factory goods from Russia negatively affected to art quality of local craft products.

At that time basic types of art craft, such as ceramics, stamping, jeweller’s art, art processing of wood, leather, manufacture of saddles, weaving and carpet producing continued to develop.

At the beginning of XX century potter's workshops were settled down in Beshagach and Kukcha parts of Tashkent. And, workshops of Beshagach part which were settled down in "Eski Namazga" area, they produced household glazed dishes. In Kukcha part potter's workshops making slip glazed dishes, decorated by ornamental pattern were concentrated. In Tashkent masters more often used "chizma" technique – engraving, putting ornament by a sharp metal rod on a stick.

Art of woodcarvers who decorated columns and doors with complex ornamental compositions were connected with architecture. Products of mass production such as chests, cradles were decorated with a simple geometrical pattern or painted by strips.

About 20 masterful joiners, many of which were engaged in an art groove, were placed in Beshagach part, in Chorsu area. They paid basic attention to ornament of doors which groove was original and beautiful.

Special branch of art craft was manufacturing of saddles. They were painted by multi-colored paints and gold. Workshops «egar-dukan» were settled down in Shayhantaur part in Egarchi area. In total workshops were about hundred. According to sources, Tashkent was a grate center of manufacture of saddles in Turkestan – to tell enough, 15 thousand saddles were produced in a year.

In XIX – beginning of XX centuries masters of national textiles – embroiderers, weavers, linen-printers, carpet makers, masters on manufacturing of felt products continue to work. Large embroidered panels (oy-palak) with characteristic red-crimson background on which large rosettes symbolizing the sun and moon embroidered by black strings used special popularity.

Special branch of city craft was a heeltap – art of patterned print on homespun cotton fabric. It was in the

basic two colors – red-black and blue-black.

In XX century in Tashkent all former kinds of art craft were kept, but received new organizational forms – many crafts were united in artels, art-industrial schools and industrial practice centers were created.

Especially actively this process proceeded in stamping. In jeweller's art during 1920-1930 national masters continued to develop traditions of ancient craft with individual creative pursuit.

In art ceramics technological secrets and art technique of masters of various schools of XIX – beginig of XX centuries were restored. In the middle of XX century ornamental painting and woodcarving on ganch developed. Masterpieces of masters of Tashkent school of ornamental painting are kept in museum collections.

Excellent results were reached during 1950-1960 by Tashkent masters of woodcarving. Ornamental painting and groove on ganch reflected in public architecture of Tashkent in the second half of XX century.

At the end of 1970 - beginning of 1980 in Uzbekistan techniques of manufacturing and ornamentation of papier-mache products were revived. Entering motives and images taken from medieval east tiny painting into ornamentation was new. Artists-miniaturists of Tashkent use broad range of materials, such as leather, papier-mache, canvas and paper. Their creative works are successful also the field of monumental art – paintings in miniatures style executed by "Sanoi nafis" group in 1996 in interior of the Museum of history of Temutids in Tashkent have received a high estimation of experts and spectators.

МЕЧЕТЬ АЗИЗЛАРХОН ЭШОН

Мечеть Азизлархон эшон в Ташкенте по улице Ялангкор (тулик Чинор) Шайхонтохурского района впервые описана И.Ф.Бородиной в 1953 г. Памятник изучался В.Булатовой, Л.Маньковской, Т.С.Страмцовой, Н.И.Френкелем, В.Т.Борискиным, Н.Мирзарахимовым и другими. Представляет собой молельню и террасу с двумя рядами по пять колонн на юго-восточной стороне. Квадратный купол молельни разрушен. Ниши на внутренних стенах оштукатурены в более позднее время. В западной стене находится михраб, по остальным сторонам были двери, впоследствии заложены.

История построенной в середине XVIII в. или в 60-70-е годы мечети связана с именами святых Мир Курбоншейхов и их потомков. Например, о происхождении известного представителя этого дома Зайниддинхона в родословной говорится: «Зайниддинхуа ибн Ходихуа ибн Мухаммадхуа ибн Мир Курбоншейх азизон». Мир Курбоншейх, представитель рода азизов, сын Мухиддинхона эшона Имама Зайниддинхона в начале XX в. служил в мечети Азизлархон эшон. В настоящее время в махалле, где расположена мечеть, проживают потомки этого рода.

Среди современных жителей махалли бытует предание, что мечеть построена в середине XVIII в., а Мир Курбоншейх с несколькими людьми, якобы, прибыл из арабских стран для пропаганды ислама в Средней Азии. В Ташкенте Мир Курбоншейху выделили участок земли в махалле Ялангари (совр. Ялангкор), где он построил мечеть и стал служить в ней.

В труде «Тарихи жадидаи Тошканд» ташкентского историка XIX в. Мухаммада Солиххуа Курбоншейх азизлар (т.е. Мир Курбоншейх азизлар) проживал в махалле Ялангари в районе Бешагача, в этой махалле была его мечеть. Он жил в одно время с Юсуфханом эшоном и Камморлоном. Если учесть, что Юсуфхан эшон жил в период правления кокандских ханов Олимхана (1798–1810) и Мухаммада Алихана (1822–1841), то получается, что Мир Курбоншейх азизлар жил во второй половине XVIII и начале XIX вв. В таком случае строительство мечети приходится именно на этот период. Более того, в вакуфной документации мечети указано, что она в 1223 г. (1808–1809) принадлежала Мир Курбоншейху азизлар и он приобрел небольшие земли в махаллях Арпаоя и Ялангари. Согласно вакуфной документации, утвержденной в 20-е годы XIX в. казиконом Исахуа в канцелярии Мухаммада Алихона, Мир Курбоншейх жил именно в этот период.

Название мечети «Азизлархон эшон» видимо связано с тем, что в документах имя Мир Курбоншейху упоминается с приставкой «азизон» или «азизлар». А Ходихон азизлар служил в мечети, построенной дедом и похоронен здесь же во дворе, что отмечено в архивных документах 1911 г. и И.Ф.Бородиной в 1953 г.

В архивных документах 1884 г. упоминается, что сын Ходихона азизлар Зайниддинхон эшон тоже построил мечеть, которая располагалась вблизи мечети Азизлархон эшон. В настоящее время эта мечеть снесена.

Зайниддинхон эшон был прогрессивным человеком своего времени. Его соученик в мечети Бекларбеги историк Мухаммад Солиххуа упоминает его в числе самых известных лиц города. Н.Лыкошин сообщает, что проживавший в махалле Ялангари Имом Зайниддинхон родился в 1833 г. Он был известным знанием учения кодирия-жахрия, его последователей и учеников было очень много.

Зайниддинхон эшон в 1892 г. был одним из лидеров холерного бунта в Ташкенте. Как утверждает Н.Лыкошин, после этого события Зайниддинхон эшон, обвинявшийся как руководитель бунтарей, через некоторое время был оправдан, что еще больше повысило его авторитет. Точных сведений о его кончине нет.

Мечеть Азизлархон эшон – самая древняя и большая в махалле, в начале XX в. она еще действовала. Эшоном в ней служил сын Зайниддинхона Мухиддинхон. Так же, как и другие, мечеть Азизлархон эшон была закрыта в 20-х годах XX в. и заброшена. В ней размещались различные учреждения, она претерпела несколько пожаров.

Азизлархон эшон масжиди Тошкент шаҳар Шайхонтохур тумани, Ялангкор кўчаси (Чинор берккўчаси) 2-уйда жойлашган бўлиб, масжид 1953 йилда И.Ф.Бородина томонидан қайдга олинган. Кейинчалик ёдгорлик В.Булатова, Л.Маньковская, Т.С.Страмцова, Н.И.Френкель, В.Т.Борискин, Н.Мирзарахимов ва бошқалар томонидан ўрганилган. Масжид биноси хонақоҳ ва жануби-шарқ томонда, икки қаторда бештадан устунлар қўйилган айвондан иборат. Квадрат тархга эга бўлган хонақоҳ гумбази анча олдин шикастланиб, қўчиб тушган. Хонақоҳнинг ички деворларига қўйилган тоқчалар кейинчалик суваб ташланган. Ғарбий деворга меҳроб, қолган уч томонига эса эшиклар ўрнатилган.

XVIII аср ўрталари ёки 60–70-йилларда қурилган масжид тарихи Мир Курбоншайх азизлар ва унинг авлодлари фаолияти тарихи билан узвий боғлиқдир.

Ушбу хонадоннинг таникли вакили Зайниддинхон эшоннинг хижрий 1274 (1862–1863) йилга тегишли тарикат силсиласидаги муҳрида унинг насаби қуйидагича кўрсатилган: “Зайниддинхўжа ибн Ходихўжа ибн Мухаммадхўжа ибн Мир Курбоншайх азизон”. Мир Курбоншайх азизлар авлодларидан бири, Мухиддинхон эшон Имом Зайниддинхон ўғли XX аср бошларида Азизлархон эшон масжидида фаолият кўрсатган. Ҳозирги кунда ҳам масжид жойлашган маҳаллада Мир Курбоншайх азизлар авлодлари истикомат қилади.

Хонадоннинг бугунги вакиллари ва маҳалла одамлари орасида масжиднинг XVIII аср ўрталарида қурилганлиги ва Мир Курбоншайх азизларнинг Арабистон мамлакатидан бир неча сафдошлари билан Ўрта Осиё шаҳарларига дин тарғиботи учун келиши билан боғлиқ нақл бор. Нақлга кўра, Мир Курбоншайх азизлар Тошкентга келган ва унга ўша вақтда ялангликдан иборат бўлган Ялангари (ҳозирги аҳоли тилида “Ялангкор”) маҳалласидан ер берилган. Мир Курбоншайх азизлар шу ерда масжид қуриб, ўз фаолиятини бошлаган.

XIX асрда Тошкентда яшаб ўтган муаррих Мухаммад Солиххўжанинг “Тарихи жадидаи Тошканд” асарида келтирилишича, Курбоншайх азизлар (яъни, Мир Курбоншайх азизлар) Бешёғоч даҳасининг Ялангари маҳалласидан бўлиб, унинг ушбу маҳаллада ўз масжиди бўлган ва у машхур эшонлардан Юсуфхон эшон Камолоний билан бир вақтда яшаган. Агар, Юсуфхон эшоннинг Мухаммад Солиххўжа ёзганидек, Қўқон хони Олимхон (1798–1810) замонидан то Мухаммад Алихон (1822–1841) давригача ҳаёт бўлганини эътиборга олсак, Мир Курбоншайх азизларнинг ҳам XVIII асрнинг иккинчи ярми ва XIX асрнинг биринчи ярми оралиғида яшаб ўтгани маълум бўлади. У ҳолда масжиднинг қурилиш санаси ҳам Мир Курбоншайх азизлар ўз фаолиятини йўлга қўйган пайтларга, XVIII асрнинг охирига ёки XIX аср бошига тўғри келади. Бундан ташқари, Азизлархон эшон масжиди вақфномасида Мир Курбоншайх азизларнинг хижрий 1223 йилда (1808–1809) мазкур масжидга ўз мулки

бўлган Арпаюя ва Ялангқари маҳаллаларидаги ерларини вақф қилгани тилга олинган. Муҳаммад Алихон даврида Тошкент қозихонасида Исахўжа қозикалон томонидан XIX асрнинг 20-йиллар ўрталарида қайта тасдиқланган ушбу вақфномадаги маълумотларга қараганда, Мир Курбоншайх азизлар бу вақтда ҳаёт бўлган.

Масжиднинг нега Азизлархон эшон номини олгани аниқ эмас. Гарчи, Мир Курбоншайх ҳақидаги ҳужжатларда “азизон” ёки “азизлар” атамаси қўлланилса-да, унинг айнан Азизлархон эшон лақабини олгани ҳақида аниқ маълумотлар йўқ. Бирок, масжиднинг номлини Мир Курбоншайх азизларнинг авлодларидан Ҳодихон азизлар ёки Зайниддинхон эшон номи билан боғлиқ бўлиши мумкин. Сабаби, уларнинг иккиси ҳам халқ орасида “Азизлархон” (аҳоли тилида “Азлархон эшон”) номи билан машҳур бўлган. Ҳодихон азизлар бобоси курдирган масжидда фаолият юритган ва вафотидан сўнг шу масжид ҳовлисида дафн этилган. Ҳодихон азизлар қабри 1911 йилги архив ҳужжатларида ва 1953 йили И.Ф.Бородина томонидан ҳам Ялангқари маҳалласида эканлиги қайд қилинган.

Оқорида тилга олинган 1884 йилги архив ҳужжатларида Ҳодихон азизларнинг ўғли Зайниддинхон эшоннинг ҳам масжид қурганлиги тилга олинган. А.Исмоиловнинг таъкидлашича, бу масжид Азизлархон эшон масжиддан куйироқдаги пастлик ерда бўлган. Ҳозирда мазкур масжид бузилиб кетган.

Зайниддинхон эшон ўз даврининг чуқур билимли кишилардан бўлиб, Бекларбеги мадрасасида бирга таҳсил олган сабоқдоши муаррих Муҳаммад Солихўжа уни шаҳарнинг таниқли шахслари қаторида эслаб ўтган. Н.Ликошиннинг ёзишича, Ялангқари маҳалласида яшовчи Имом Зайниддинхон 1833 йилда турилган. У шаҳардаги кодирия-жаҳрия тариқатига мансуб таниқли эшонлардан бўлиб, издошлари ва шогирдлари кўп бўлган.

Архив ҳужжатларида Зайниддинхон эшоннинг 1892 йилда Тошкентда юз берган вабо ғалабини етакчиларидан бўлганлигини кўрсатувчи маълумотлар ҳам талайгина. Н.Ликошиннинг таъкидлашича, бу воқеадан сўнг кўзғолончилар тарафдори сифатида айбланган Зайниддинхон эшон кўп ўтмай оқлангач, обрўйи янада ортиб кетган. Зайниддинхон эшоннинг қачон вафот этганлиги ҳақида аниқ маълумотлар йўқ.

Азизлархон эшон масжиди маҳалладаги бошқа масжидларга нисбатан анча қадимий ва катта масжид бўлиб, XX аср бошларида ҳам Ялангқари маҳалла аҳли учун жомеъ масжид вазифасини бажариб келган. Бу пайтда Зайниддинхон эшоннинг ўғли Муҳиддинхон эшон фаолият олиб борган. Бошқа кўплаб масжидлар сингари Азизлархон эшон масжиди ҳам XX асрнинг 20-йилларида ёпилган ва анча вақт қаровсиз қолган. Натижада бошқа масжидлар каби Азизлархон эшон масжиди биноси ҳам турли муассасалар ихтиёрида бўлган ва шу вақт давомида бир неча бор ёнгиндан зарар кўрган.

THE AZIZLARKHON ESHON MOSQUE

Mosque Azizlarkhon eshon in Tashkent located in the street Yalangkor (dead-end street Chinor) of the Shaihantahur district is recognized by I.F.Borodina in 1953 as a historical monument. The architectural particularities of the mosque were studied by many experts, including V.Bulatova, L.Mankovskaya, T.S.Stramtsova, I.F.Borodina, N.I.Frenkel, V.T.Boriskin, N.Mirzarakhimov. It represents a chapel and a terrace with two rows of five columns on the southeast side. A square dome of the chapel is destroyed. Niches in internal walls are plastered at later time. In the west side there is a mihrab, there were doors in the other sides but they were later closed up.

As a result, it was proved that the mosque was constructed in the middle of the 18th century or in the 60-70s, but there is no precise information about its functioning and history of its creation. It is only known that construction of the mosque is bound with the names of the saints Mir Kurbonsheikhs and their descendants. For example, the origin of the known representative of this family Zainiddinkhon in records is reflected as follows – “Zainiddinkhoja ibn Khodikhhoja ibn Mukhammadkhoja ibn Mir Kurbonsheikh azizon”. Mir Kurbonsheikh, a representative of the family of azizs, a son of Mukhiddinkhon eshon Imam Zainiddinkhon served in the mosque Azizlarkhon eshon at the beginning of the 20th century. Now the descendants of this family live in the makhallya where this mosque is located.

Today among the makhallya residents there is an opinion that the mosque was constructed in the middle of the 16th century, and Mir Kurbonsheikh together with several people, ostensibly, arrived from the Arabian countries to propagate the religion in Central Asia. He was given a site of land in the makhallya Yalangkari (modern Yalangkor) in Tashkent, he constructed a mosque and began to serve in it.

According to the book “Tarixhi jadidayi Toshkand” written by the Tashkent historian of the 19th century Mukhammad Solikhuja, Kurbonsheikh azilar (i.e. Mir Kurbonsheikh azizlar) lived in the makhallya Yalangkari in the Beshagach district, in this makhallya there was his mosque. He lived at the same time with Yusufkhan eshon and Kammorloni. If we take into consideration that Yusufkhan eshon lived during the reign of the Kokand khan Olimkhan (1798–1810) and before the epoch of Mukhammad Alikhan (1822–1841) it turns out that Mir Kurbonsheikh azizlar lived in the second half of the 18th and the beginning of the 19th centuries. In this case, the construction of the mosque falls into the period of Mir Kurbonsheikh azilar’s activity, i.e. the second half of the 18th – beginning of the 19th centuries. Moreover, the *vakuf* documentation of the mosque Azizlarkhon eshon specifies that the mosque in 1223 (1808-1809) belonged to Mir Kurbonsheikh azilar and he got some little lands in the makhallyas Arpapoya and Yalangkari. According to the *vakuf* documentation approved in the 20s of the 19th century by kazikolon Isakhujaja in offices of Mukhammad Alikhon’s times, Mir Kurbonsheikh lived exactly during this period.

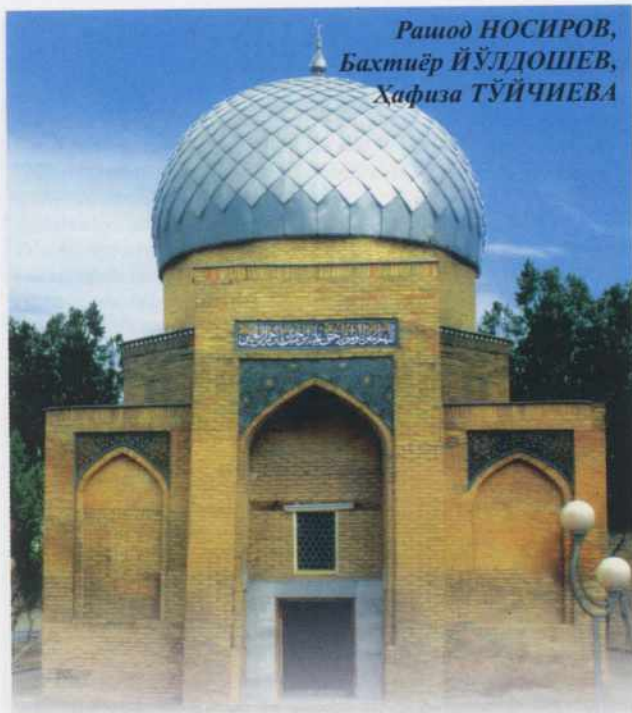
The origin of the mosque name “Azizlarkhon eshon” is connected to the fact that in documents the name of Mir Kurbonsheikh is used together with terms “azizon” or “azizlar”. Khodikhon azizlar worked in the mosque constructed by his grandfather and after his death he was buried in the yard of this mosque. This fact was noted in the archival documents dated 1911 and by I.F.Borodina in 1953.

In the archival documents dated 1884 it is mentioned that Azizlarkhon eshon, Hodikhona azizlar’s son, also constructed a mosque below the mosque Azizlarkhon eshon. Now this mosque has been wrecked.

Zainiddinkhon eshon was a progressive person of his time. His schoolmate in mosque Beklarbegi, a historian Mukhammad Solikhuja mentioned him among the most known people in the city. N.Lykoshin thinks that Imom Zainiddinkhon who was living in the makhallya Yalangkari was born in 1833. He was a well-known eshon of the doctrine *kodiriy-jakhriy*, he had many myurids (followers)

In 1892 Zainiddinkhon eshon was one of the cholera revolt leaders in Tashkent. According to N.Lykoshin, after this event Zainiddinkhon eshon, accused of being a supporter of the rebels, was discharged after a while and that ennobled his authority even more. There are no exact data about his death.

Mosque Azizlarkhon eshon is the most ancient and largest in the makhallya, and at the beginning of the 20th century it was still functioning. Zainiddinkhon’s son Mukhiddinkhon served as *eshon* in it. Like many other mosques, the mosque Azizlarkhon eshon was closed up in the 20s of the 20th century and was desolated. It served as various institutions and suffered fire several times.

*Рашид НОСИРОВ,
Бахтиёр ЙЎЛДОШЕВ,
Хафиза ТҲҲИЧЕВА*

ТОШКЕНТ ҲУКМДОРИ

Тошкент 1758 йили Жунгория давлати таркибидан чиқиб, мустақиллигини қўлга киритади. Шаҳар тарихида чорак аср давом этган “Чор ҳокимлик” даври бошланади. Тўрт даҳага бўлинган Тошкентни тўрт ҳоким бошқара бошлайди. Бу ҳокимлар орасида Юнусхўжа халқпарвар ва адолатпарварлиги билан ажралиб туради. Ўзаро жанжал ва бекарорликдан чарчаган халқ Юнусхўжани Тошкентнинг ягона ҳокими бўлишга ундайди. 1784 йили халқнинг сазъ-ҳаракати орқали ҳоким қилиб сайланган Юнусхўжа мустақил Тошкент давлатини барпо этади. У даставвал одамларни шаҳар деворларини қайта тиклашга сафарбар қилади. Шаҳар ҳўжалигини ривожлантиришга эътибор қаратади. Бир вақтлар шаҳарни бедарвоза деб ҳисоблаб, Тошкентга тез-тез босқинлар уюштириб турувчи қозоқ султонлари шаҳарда ягона сиёсий ва барқарор ҳокимият ўрнатилганини ўзларида синаб кўришди. Юнусхўжа мустақил давлатнинг чинакамига мустақил бўлиши учун бақувват иқтисод, кучли қўшин ва ташқи осойишталик зарурлигини яхши англади. У яна ўзи учун қудратли иттифоқчи зарурлигини ҳам тушунди. Доимо нифоқда, бири бири билан урушиб турган Бухоро амирлиги, Қўқон ва Хива хонлари ишончли иттифоқчи, ҳамкор бўла олмадлиги ҳам унга аён эди.

Тошкент ҳокими барча масалада юрт кезган савдогарлар ва олимларнинг гапларига диққат қилар эди.

Юнусхўжа энг ишончли ташқи иттифоқчи Россия эканини сезиб, савдогарлар орасидан ўзига содиқ одамлар танлаб, Омскка жўнатган. Карвонбоши Азизхўжа билан бамаслаҳат уларни ҳам шу карвон билан жўнатиб, Россия билан савдо-иқтисодий алоқа ўрнатишга ҳаракат қилишларини тайинлаб, амалдорга шахсий мактуб ва ёрлик ҳам берган.

1793 йили Тошкент ҳокимининг мухтор вакили Муҳаммадхўжа Раҳим ўғли Омскка келади. Уни Сибирь линияси бошлиғи генерал Штрандман қабул қилиб, ҳужжатлари билан танишади ва элчи билан узоқ суҳбатлашади.

Россия императричаси Екатерина II Тошкент билан қизиқиб, элчиларнинг қабул қилинишига руҳсат беради.

1796 йили Тошкентга казак атамани подпоручик Дмитрий Телятников, сержант Алексей Безносиков, таржимон Яков Биков, казак солдатлар Даниэл Сайников, Андрей Жуков-

лардан иборат Россия элчилиги келди. 1796 йил 29 августда Юнусхўжа элчиларни расман қабул қилади. Элчилар Россиянинг Тошкент ҳокимлиги илтимосига жавобан ўзаро дўстона алоқалар ўрнатишга розилигини билдиради. Бу чинакамига қатта воқеа эди, зеро, Россия Марказий Осиёда мавжуд Бухоро, Хива, Қўқон хонликлари қатори яна бир мустақил давлат мавжудлигини расман эътироф қилмоқда эди.

Шу даврда Тошкентнинг ташқи сиёсати кучайиб, ўз мулкларини бирмунча кенгайтиришга эришди.

1796 йили Чимкент, Сайрам, Олгинтепа, Қорабулоқ каби ўнга яқин шаҳар-кишлоқлар эгалланди. Катта жуз уруғларидан Усул, Санчикли, Сара, Сергели ва бошқалар Тошкент давлати тобелигига олинди. Орадан кўп ўтмай Катта қозоқ жузи батамом Тошкентга бўйсундирилиб, Туркистондан Чу дарёсигача бўлган ҳудуд ҳам Юнусхўжа давлатига қўшиб олинди. Катта жуз хонлиги тугатилди. Қозоқ уруғларини бошқариш нуфузли зодагон бийларга топширилди. Улар зақот тўлайдиган ва Тошкент қўшинига ёлланма аскарлар юборадиган бўлишди. Марказий Осиёни Россия билан боғловчи карвон йўллари устидан ўрнашган шаҳар ҳамда кишлоқларнинг ва Катта жуз уруғларининг Тошкентга қўшиб олиниши унинг сиёсий, иқтисодий ривожланишига қатта туртки берди. Тошкент Қўқон ва Бухоро хонликларини Қозоғистон, Оренбург ва Сибирь билан боғловчи карвон йўллари назоратини ўз қўлига олди.

Россия элчилиги эса бир йил давомида Тошкент ҳукумати томонидан молиявий таъминланган ҳолда ўз вазифасини ва зиммасига юқланган Петербургнинг махфий топширигини бажарди. Подпоручик Дмитрий Телятников Тошкентнинг сиёсий, иқтисодий, географик ва харбий-мудофаа қобилияти ҳақидаги маълумотларни умумлаштириб, чуқур таҳлил қилиб тақдимнома тайёрлади. Сержант Безносиков эса Тошкент – Омск маршрути чизмасини тайёрлади. Бу икки мутахассис тайёрлаган ҳужжатлар жуда аниқ ва синчков эдики, улар XVIII аср охиридаги Тошкент хусусида кенг тасаввур берибгина қолмай, Тошкент тарихи тўғрисида ҳам бебаҳо маълумотлар беради.

Юнусхўжа 1797 йили Россия элчилигини кузатаётиб, уларга қўшиб ўз элчиларини ҳам махсус нома, ёрлик ва ҳадялар билан жўнатгани эътиборга лойиқдир. Тошкент элчилигига шаҳарнинг таникли арбобларидан олим, уламо Муллажон Охун Махсум ва лашкарбошилардан Ашурали Баҳодир мингбоши раҳбар эди. Тошкент давлатининг савдо-сотик, сиёсий-харбий доиралари раҳбарлигини ўзларида мужассам этган бу икки шахсни Тошкентнинг биринчи дипломатлари, деб дадил айтиш мумкин.

Расмий ҳужжатларга кўра, Тошкент элчилиги 1797 йил 9 ноябрда Петербургга етиб келади. Бу вақтда Россияда ҳокимият ўзгарган, Екатерина II ўрнига император Павел ўтирган эди. Янги император Тошкент элчилигига қатта эътибор билан қаради. Ташқи ишлар қароргоҳида уларга ҳурмат ва эътибор кўрсатилди. Тошкент элчилиги билан шахсан шуғулланиш ҳақиқий статс-маслаҳатчи Лашкаревга топширилди.

1797 йил 17 декабрда Қишки Саройда Россия императори Павел расман Тошкент элчисини қабул қилди. Бу билан қудратли Россия олисдаги Тошкентнинг мустақиллигини тан олганини жаҳон оммасига намойиш қилди. Юнусхўжанинг Россия императорига юборган нома, совға-саломлари тантанали тарзда қабул қилинди.

1798 йил 8 февралда Тошкент элчилиги юртига қайтиши олдидан ҳукумат доирасида расман қабул қилинди. Юнусхўжага Россия императорининг жавоб номаси ва совға-саломлари топширилиб, давлат миқёсида тантанали равишда кузатилди. Тошкентликларга эски ҳамроҳлари – унвон ва мартабалари кўтарилган Телятников, Безносиков, Биковлар ҳамроҳ бўлишгани ҳам диққатга лойиқдир. Улар Петербурдан Омсккача 99 кун биргаликда йўл босишди. Йўл-йўлакай

уларга рус шаҳар-кишлокларини кўриш, одамлар билан суҳбатлашишга руҳсат берилган, шу боис улар хамроҳлари билан кўп жойларда тўхтаб, атрофдаги диққатга сазовор қорхоналар ва ҳарбий кўшинлар манзилгоҳларида бўлишган.

Тошкент элчиларини Сибирь линияси бошлиғи генерал Горчаков кизгин кутиб олади. Улар ўртасида иқтисодий, ҳарбий соҳаларга оид ҳамкорлик ҳусусида музокаралар давом эттирилади.

Элчилар Иртиш линиясида ҳам бўлишди ва ўзларини кизиктирган барча саволларга жавоб олишди. Улар ўзларига юкланган топшириқни уддалаб, рус солдатлари химоясида эсон-омон Тошкентга қайтишди.

Кўп ўтмай Россиядан геолог олим Поспелов бошчилигида тоғ ишлари бўйича мутахассислар Тошкентга келиб иш бошлашди. Уларнинг нималар қилишгани, Юнусхўжанинг

ПРАВИТЕЛЬ ТАШКЕНТА

В 1758 г. Ташкент вышел из состава государства Джунгаров, став независимым уделом. В истории города начался период «четырёхвластия», длившийся четверть века: разделенный на четыре части (даха), он управлялся четырьмя хокимами. Среди них патриотизмом и демократичностью отличался Юнусходжа. Народ, уставший от конфликтов и нестабильности, в 1784 г. избрал его единым правителем Ташкента. Прежде всего, он уделяет большое внимание развитию городского хозяйства, восстанавливает городские стены. Казахские правители, считавшие город беззащитным и часто совершавшие набеги, почувствовали, что в городе установлена единая стабильная политическая власть. Юнусходжа понимал, что для укрепления независимости необходимы мощная экономика, сильное войско и влиятельные союзники, каковыми не могут быть постоянно конфликтующие между собой Бухарский эмир, Кокандское и Хивинское ханства.

При решении государственных вопросов хоким Ташкента всегда прислушивался к мнению ученых и ездивших по странам торговцев.

Понимая, что Россия является таким влиятельным союзником, Юнусходжа направил в Омск делегацию известных торговцев для установления торгово-экономических связей.

В 1793 г. чрезвычайного представителя хокима Ташкента Мухаммадходжа Рахима в Омске принял начальник Сибирской дороги генерал Штрандман. К этому визиту большой интерес проявила Екатерина II.

В 1796 г. в Ташкент прибыли русские в составе атамана казаков подпоручика Дмитрия Телятникова, сержанта К.С.Безносикова, переводчика Якова Быкова, солдат-казаков Даниэла Сайникова, Андрея Жукова. 29 августа 1796 г. было принято совместное соглашение об установлении дружеских связей Ташкента с Россией. Это была большая дипломатическая победа, т.к. наряду с Бухарским, Хивинским и Кокандским ханствами Россия официально признала еще одно независимое владение в Центральной Азии – Ташкент.

В этот период укрепилась внешняя политика Ташкента, который значительно расширил свои владения. В 1796 г. были заняты почти десять городов и кишлаков, в.т.ч. Чимкент, Сайрам, Олтинтепа, Корабулак. Из Большого жуза в подчинение Ташкенту перешли Усун, Санчикли, Сара, Сергели. Через некоторое время Большой казахский жуз перешел в полное подчинение Ташкенту и территория от Туркестана до реки Чу была присоединена к владению Юнусходжи. Правление казахскими племенами было поручено известным биям, которые платили закот (налог) и поставляли наемных солдат для Ташкентского войска. Присоединение к Ташкенту родов Большого жуза, а также городов и кишлаков, расположенных на караванном пути между Центральной Азией и Россией, послужило толчком для его политического и экономического

какой топшириқларини бажаришгани ҳақида маълумотлар кам. Лекин Тошкентнинг ҳарбий салоҳияти ошиб кетгани аниқ. Бу ҳол Кўкон хонлигини безовта қилиб қўйди. Чунки Тошкентнинг қурайиши Кўкон хонлигининг сиёсий ва иқтисодий мавқеини анча пасайтирганди. Шунинг учу ҳам 1799 йили Кўкон хони қўшин тортиб Тошкент худудига бостириб кирди. Чирчиқ яқинидаги Қорасув ёнидаги жанг тошкентликларнинг ғалабаси билан якунланди. Хонхўжа бошчилигидаги қўшин мағлуб бўлди.

Юнусхўжа ҳукмронлик қилган (1784-1809) чорак аср мобайнида Тошкент Марказий Осиёнинг гуллаб-яшнаган хунармандчилиқ, савдо-сотик ва маданий марказига айланди. Аммо, унинг ворислари Юнусхўжадек қобилиятга эга бўлмагани учун давлат жиловни қўлдан кетди. 1809 йили эса Тошкент Кўкон хонлигига қўшиб олиниб, ўз мустақиллигини йўқотди.

развития. Ташкент берет под свой контроль караванные пути, связывающие Кокандское и Бухарское ханства с Казахстаном, Оренбургом и Сибирью.

Посольская миссия России на протяжении года финансировалась Ташкентским правительством. Телятников обобщил, проанализировал данные о политических, экономических, географических и военно-оборонных возможностях Ташкента, Безносиков составил схему маршрута Ташкент–Омск. Подготовленные документы были настолько точны, что давали не только широкое представление о Ташкенте конца XVIII в., но и содержали бесценные сведения об истории Ташкента.

В 1797 г. Юнусходжа, провожая послов России, для их сопровождения направил и своих послов со специальным посланием, грамотой и подарками, в.т.ч. известного ученого, улема Муллажона Охун Махсума и военного предводителя Ашурал Баходира мингбаши. Этих людей фактически можно назвать первыми дипломатами Ташкента.

В соответствии с официальными документами, Ташкентская посольская миссия прибыла в Петербург 9 ноября 1797 г. В это время Россию возглавил император Павел, который проявил большой интерес к Ташкентским послам. Работать с Ташкентской посольской миссией было поручено действительному статс-советнику Лашкареву.

17 декабря 1797 г. в Зимнем дворце состоялся официальный прием Ташкентских послов императором России Павлом. Таким образом, мощная Россия продемонстрировала мировому сообществу признание независимости Ташкента. В торжественной обстановке были приняты послание императору и подарки Юнусходжи.

8 февраля 1798 г. состоялся официальный правительственный прием Ташкентской посольской миссии. Император России передал ответное послание и подарки для Юнусходжи и выделил должностных лиц для их сопровождения. На протяжении 99 дней они ехали из Петербурга до Омска. По пути следования им было разрешено посещать русские города и

деревни, беседовать с людьми, вместе с сопровождавшими их лицами бывать на достойных внимания предприятиях и расположениях воинских частей.

Ташкентских послов радушно принял начальник Сибирской дороги генерал Горчаков. Состоялись переговоры об экономическом и военном сотрудничестве. Послы посетили и Иртышскую линию. Выполнив возложенные на них обязательства, они мирно, в сопровождении русских солдат прибыли в Ташкент.

Из России в Ташкент прибыли горные специалисты под руководством ученого-геолога Пospelова. В источниках поч-

GOVERNOR OF TASHKENT

In 1758 Tashkent got out of the state Dzungaria becoming an independent state. The history of the city opened a period of "the imperial reign" that lasted a quarter of a century. Tashkent divided into four parts (*dakha*) was ruled by four *khokims*. Yunuskhodja differed among them for his patriotism and democratic character. People, tired of conflicts and instability, asked him to become the only governor of Tashkent. In 1784 Yunuskhodja was elected *khokim* and generated an independent Tashkent state. First of all, he started restoration of the city walls. He paid great attention to development of urban economy. The Kazakh governors, who thought the city opened and made frequent attacks, felt that a unified stable political power was established in the city. Yunuskhodja understood that powerful economy, a strong army and foreign policy stability, as well as strong allies would be necessary for formation of a really independent state. He knew that the Bukhara emirate, Kokand and Khiva khanates constantly clashing with one another cannot become his faithful allies and trustful partners.

When taking decisions of the state scale, the *khokim* of Tashkent always listened to the opinion of the scientists and merchants who used to travel a lot around the world.

Realizing that Russia is the most trustful foreign friend, Yunuskhodja sent merchants to Omsk with the purpose of establishing trade and economic relations with Russia.

In 1793 the chief of the Siberian Road, General Shtrandman, greeted the ambassador extraordinary of the *khokim* of Tashkent, Mukhammadkhoja Rakhim, in Omsk. Ekaterina II showed her great interest in this visit.

In 1796 to Tashkent arrived an ambassadorial group consisting of the ataman of the Cossacks, second lieutenant Dmitry Telyatnikov, sergeant K.S.Beznosikov, interpreter Jacob Bykov, soldiers-Cossacks Daniel Sainikov and Andrey Zhukov. On August 29th, 1796 Yunuskhodja officially accepted the ambassadors. In answer to the request from the Tashkent *khokimiyat* the ambassadors expressed the Russia's willingness to establish friendly relations. It was really a huge diplomatic victory, since apart from the Bukhara, Khiva and Kokand khanates, Russia has also officially recognized another independent state in Central Asia – Tashkent.

During this period the foreign policy of Tashkent had become stronger. It started to conquer the towns and *kishlaks* in the northwest that served as a link between Tashkent and cities of Russia, as well as Big Kazakh *zhuz* that often made plundering raids. In 1796 almost ten cities and *kishlaks* were occupied, including Chimkent, Sairam, Oltintepa, and Korabulak. Usun, Sanchikli, Sara, and Sergeli from Big *zhuz* were transferred to submission to Tashkent. After a while Big Kazakh *zhuz* passed to full submission to Tashkent, and the territory from Turkestan to the river Chu was attached to the state of Yunuskhodja. The control over the Kazakh tribes was entrusted to well-known *biys*. They became a sustentaculum of the government of Yunuskhodja, they paid him *zakat* (tax) and supplied hired soldiers for the Tashkent army. The fact that the state of Tashkent got lands from the Big *zhuz*, and towns and *kishlaks* located along the caravan way between Central Asia and Russia, worked as an incitement

ти не сохранились сведения об их деятельности. Но в тот период возрос военный потенциал Ташкента, что вызвало беспокойство Кокандского ханства. В 1799 г. кокандский хан ввел войска на территорию Ташкента. Бой у реки Карасу, недалеко от Чирчика, завершился победой ташкентцев. Войско под предводительством Ханхаджи потерпело поражение.

В течение четверти века правления Юнусходжи (1784-1809) Ташкент стал торгово-экономическим и культурным центром Центральной Азии. Но в 1809 г. Ташкент утратил свою независимость и был присоединен к Кокандскому ханству.

for its political and economic development. Tashkent took under its control the caravan ways connecting the Kokand and Bukhara khanates with Kazakhstan, Orenburg and Siberia.

The Russian Ambassadorial mission was financed by the Tashkent government for a year. Telyatnikov analyzed and generalized the data about political, economic, geographical and military-defensive possibilities of Tashkent, while Beznosikov made a diagram of the route Tashkent-Omsk. The prepared documents were so accurate that they gave not only a general concept about Tashkent at the end of the 18th century but also contained invaluable information about the history of Tashkent.

In 1797 Yunuskhodja, seeing off the ambassadors of Russia, for their escorting also send his own ambassadors with a special message, letter and gifts. Among his ambassadors were famous scientist, ulem Mullaion Okhun Makhsum and a military leader Ashurali Bahodir mingbashi. These peoples in fact can be called the first diplomats of the Tashkent state.

According to official documents, the Tashkent ambassadorial mission arrived to Petersburg on November 9th, 1797. At that time Russia was ruled by the Emperor Paul who showed great interest in the Tashkent ambassadors. A full high ranking state councilor Lashkarev was entrusted to work with the Tashkent ambassadorial mission.

On December 17th, 1797 the official reception of the Tashkent ambassadors took place in the Winter Palace of the Emperor of Russia, Paul. In such a way the powerful Russia demonstrated to the world community its recognition of the independence of the Tashkent state. The message to the Emperor and gifts from Yunuskhodja were accepted as a solemn ceremony.

On February 8th, 1798 official governmental reception of the Tashkent ambassadorial mission took place. The Emperor of Russia gave the answer message and gifts for Yunuskhodja and provided officials to accompany them. Their journey from Petersburg to Omsk lasted 99 days. And of course, they were purposefully allowed to visit Russian towns and villages, to talk to people, to visit together with the persons accompanying them the noteworthy enterprises and arrangements of military units.

The Tashkent ambassadors were hospitably accepted by the Chief of the Siberian Road, General Gorchakov. Negotiations about cooperation in economic and military spheres took place. The ambassadors visited the Irtysh line, too. Having carried out all the duties assigned to them, they peacefully, accompanied by the Russian soldiers, arrived to Tashkent.

A group of the mountain experts headed by a scientist-geologist Pospelov came from Russia to Tashkent. The sources give almost no data about their activity. But during this period military potential of the Tashkent state increased and this caused nervousness of the Kokand khanate. In 1799 the Kokand khan brought his army into the territory of Tashkent. A battle near the river Karasu close to Chirchik ended with the victory of the Tashkent people. The army under Khankhadja's leadership suffered defeat.

Over the quarter-century period of reign of Yunushodja (1784-1809), Tashkent became a trade-economic and cultural center of Central Asia. But in 1809 Tashkent lost its independence and was attached to the Kokand khanate.

کتاب اللہ صمدی عظیم درم
 ماہنامہ اسلام
 کہ بر تقدیر انکار صمدی عاقل مکلف یکتا دوکان حق و ملک خود را

کتاب صمدی صغیر
 راجعہ لغت
 اصیبا فنکار عالی
 در علم نجوم و جبر و طالع بینی
 کاتبی

بیدار و بجاہ منکر توفہ بر مود و بیوگرم از قیمت عدالت دیر و در انستہ بیج قطر ذمہ تزد و صبا بق فراسم اقرار نموده ظ
 محتوای بہر آن مت ردیہ در اطلوع باغضمونست لجمہ المؤمنین بر مذکور در دہہ باشد حضرت و تصورات این سب از ذریہ مذکور
 بر وجه مذکور درست و معتبر بودہ بموجب مذکور در ولایت فتح مذکور رہا باشد حضرت
 سوار الوجہ

АБУ УБАЙДУЛЛОҲ ТОШКАНДИЙ. “ХУЛОСАТ УЛ-АҲВОЛ”

Шодмон ВОҲИДОВ,
 Раҳбар ХОЛИКОВА

Абу Убайдуллох Муҳаммад Султонхўжа ўғли XIX асрда Тошкентда яшаб ижод қилган муаррих-олим мемуар ва биографик жанрда ёзилган “Хулосат ул-аҳвол” асарининг муаллифи бўлиб, ўзини Эшонхўжа қори Тошкандий номи билан таништиради. Абу Убайдуллох 1804-1805 йили Тошкентда диндор оилادا туғилган. Абу Убайдуллох отасидан эрта ажралгач, онасининг қўлида тарбияланган. Абу Убайдуллох ёшлигида Эшонхон тўра Хўжа Ахрорий Хўжандийдан таълим олади. Улғайгач, амакисининг қизига уйланади. Абу Убайдуллох 18-19 ёшида илм олиш учун Кўконга боради. У Мулло Холмуҳаммад Қурамағий дарс хавзасига қатнашиб, сабоқ оладиган бўлади. Айни вақтда, қори Домулло Ғозий Шермуҳаммаддан, шунингдек, Абу Убайдуллох Хиштин мадрасасининг имоми ва мутаваллиси Ҳожи Абдувалихон ҳамда Мадалихоннинг вазири Ҳожи Додожондан ҳам таълим олади. Сўнгра Тошкентга қайтиб, Ҳаким девонбеги хизматига мирза бўлиб қиради.

“Хулосат ул-аҳвол” асари тожик тилида ёзилган, муқаддима ва тўрт фаслдан иборат. 148 варақда Кўкон абришим қоғозида, ҳар бир саҳифада 16 сатрдан иборат матн билан ёзилган. Китобнинг муқоваси кўк рангда. Фаслларнинг номи қизил, матн қора рангда. Ҳижрий 1281, милодий 1864-65 йили кўчирилган.

“Хулосат ул-аҳвол”да Тошкентнинг маданий ва маънавий муҳитида муҳим роль ўйнаган олим ва домлалар – Халифа Баҳодур шайх, Эшон Юсуфхон, Тўраҳон Эшон, Халифа Охунжон, шайх Алий Қоратош ҳақида ҳам айрим қайдлар берилган.

Маълумки, Абдулла Қодирий “Ўткан кунлар” романида Азиз парвоначи воқеаси ва Тошкентдаги 1847 йили содир бўлган қўзғолонни ҳам тасвирлаган. Романда муайян бир тарихий давр акс эттирилган. “Хулосат ул-аҳвол” асаридаги маълумотлар “Ўткан кунлар” романининг типологизацияси ёки персонафикацияси учун баъзи муҳим далиллар бериб, романдаги образларга прототип бўлган шахслар ҳаётини киёсий ўрганиш учун ёрдам беради. Абдулла Қодирий талқинида берилган асосий образлардан бири Юсуфбек ҳожидир. Унинг образи Абдулла Қодирий томонидан умумлаштирилган. Абу Убайдуллох маълумотиға қараганда, Юсуфбек ҳожининг асл номи Муҳаммад Юсуфбек бўлган, “Тарихи жаҳоннамоӣ” асарининг муаллифи Аваз

Муҳаммад Аттор Хўкандий эса уни “порчабофлардан” деб, касбига ҳам ишора қилади. У “Ўткан кунлар” асарида тасвир этилганидек, Азиз парвоначига эмас, балки ундан кейин Тошкентга ҳоким бўлиб келган Нормуҳаммад кушбегига вазир ва дабир бўлган. Азиз парвоначи даврида унинг вазири ва маслаҳатчиси Муҳаммад Юнус ибни Азимжон “силлик” бўлган экан. “Бу Азимжон “силлик” дегани Муҳаммад Алихон даврида Кўкон вилоятида мартаба пайдо қилиб, мазкур вилоятда фитналар солди. Кейин уни мувоҳаза қилиб (амалидан олиб) охири Пишқакда мактул бўлди. Азимжон “силлик” ва Қаримқули меҳтарким, унинг лақаби “жин урсин” эди, иккалалари бадқирдор эдилар. Бир шoir улар ҳақида деди:

*Бузди Фарғона элини қуто-ут-тариқ,
 Бири ханнос эсин урган, бири ва-н-нос силлик”.*

Азизбек парвоначи Чуст вилояти (“Тарихи жадидаӣи Тошқанд” асарида Муҳаммад Солиҳ уни Аштий деб атайд) дан бўлиб, бир ярим йил Тошкентда ҳокимлик қилади. Азиз парвоначи Тошкент қўзғолонидан сўнг мансаб ва вазифасидан олиниб, ўрнига Кировучи ҳокими Нормуҳаммад волий бўлиб келади. Азиз парвоначи вазифасидан олинишида қатта хизмат қилиб, халққа бош бўлган Муҳаммад Юсуф Нормуҳаммадга вазир ва дабир бўлади. Бу вазир Абу Убайдуллохни қайта зақотхонага мирза этиб тайинлайди. Абу Убайдуллох эсдаликларига қараганда, Муҳаммад Юсуф Окмасжид муҳосараси ва мудофаасида (1853 йили) ҳам қатнашиб, Қосим мингбоши, Сўфибек долхоҳларга ҳам дабирлик қилган экан.

Шуни таъкидлаш керакки, Окмасжид истилосидан олдин Абу Убайдуллох давлат арконларига Шамайга, рус маъмурияти олдига элчилар юборишларини ва элчи сифатида Миён Халил Соҳибзода ибн шайх Аҳмад Форукий – Нақшбанд Сарҳиндийни маслаҳат беради. Аммо унинг ўрнига Йўлдошбой қарвонбоши Шамайга юборилади. Бу элчилик натижасиз тугайди. Россия империяси Кўкон хонлигининг ўзаро уруш ва низоларидан фойдаланиб, унинг ерларига бостириб қира бошлайди. Шу ўринда Абу Убайдуллохнинг бир хулосасини келтиришни лозим топдик. Шералихон даврида (1842-1844) Кўкон хонлиги Бухоро амирлиги истилоси ва ўзаро жангу жадаллар ва низолар натижасида жуда ҳам заифлашиб кетади. Хўжалик

ва маданий ҳаёт, савдо ишлари, ер-сув масалалари бузилиб кетиб, ички ва ташқи вазият оғирлашади.

Асарнинг охирида Абу Убайдуллоҳ Тошкентнинг Россия империяси томонидан босиб олиниши, Алимқули амирлашқарнинг ҳалок бўлиши ҳақида маълумот беради. Тошкентга босқинчилар қўшини киришидан олдин, хижрий 1281 йили зу-л-ҳижжа ойининг 27 да (милодий 1865 йили 23 май) Тошкент зодагонлари машваратга жамъ бўлиб, Бухоро тобелигига кирмоқчи бўладилар. Аммо, улар яна икки гуруҳга бўлиниб кетадилар. Бир тоифа тарафдорлари Маллахоннинг

ўғлини (Султон Саидни) хон қўтардилар. Аммо иккинчи гуруҳ бошлиғи Мулло Солиҳбек русларга ҳат юбориб, уларга шаҳар дарвозаларини очиб беришни ваъда берган экан. Қўкон лашқари чиқиб кетганидан сўнг, Россия билан сулҳ тузилади. Абу Убайдуллоҳ бу музокара ва сулҳ шартларини ўз асарида берган.

“Хулосат ул-аҳвол” асарида мазкур ҳудудда бўлиб ўтган этник жараёнлар, ўтрок ва кўчманчиларнинг ўзаро алоқалари, солиқ тизими, кўчманчи қабилаларнинг миграциялари, ўлканинг Россия империяси билан муносабатлари ва бошқа масалалар ҳақида ҳам маълумотлар мавжуд.

АБУ УБАЙДУЛЛАХ ТОШКАНДИ. «ХУЛОСАТ УЛ-АХВАЛ»

Абу Убайдуллах Мухаммад сын Султанходжи, живший в XIX в. в Ташкенте, является автором историко-биографического произведения «Хулосат ул-ахвал» (Обстоятельства жизни), в котором предстает под именем Ишанходжа кори Тошканди.

Он родился в 1804 или 1805 г в Ташкенте в религиозной семье. Отец его рано умер и он остался на воспитании матери. Учился у Ишанхана тура Ходжа Ахрари Ходженди, потом поехал в Коканд, где посещал научные собрания Мулла Холмухаммада Курамаги. Здесь его наставниками были Домулла Шермухаммад, имам и мутавалли мадраса Хиштин Ходжи Абдувалихан, также визир Мадалихана Ходжи Дададжан. Возвратившись в Ташкент, он поступает на службу к Хакиму девонбеги, закатчи правителя Ташкента.

Единственный список данного произведения хранится в фондах рукописного отдела Института востоковедения АН Узбекистана (№ 2084) и является автографом.

Произведение «Хулосат ул-ахвал» написано на таджикском языке и состоит из введения и четырех глав. Текст (148 страниц по 16 строк) выполнен черной тушью, а названия глав красной на шелковой кокандской бумаге, почерком насталик, время переписки 1281/1864-65 год.

Содержание книги охватывает историю Кокандского ханства, историю и хозяйственно-культурную жизнь Ташкента. Автор также дает некоторые сведения об этнической истории и о взаимоотношениях народов, населяющих Ташкентский оазис. Абу Убайдуллах отмечает, что с 1810 г., со времени правления Умархана, Ташкентом с некоторыми перерывами управлял Лашкар бекларбеги (он же Гуламшах Чатрари кушбеги), при котором автор служил закатчи – сборщиком налогов.

В «Хулосат ул-ахвал» содержатся интересные факты о представителях культурной и духовной жизни Ташкента, в.т.ч. халифа Бахадур шайх, Ишан Юсуфхан, Турахан Ишан, Халифа Ахунджан, шайх Алие Караташ и др.

Абдулла Кадыри в романе «Минувшие дни» описал события, связанные с именем Азиза парваначи и народным восстанием против его произвола в 1847 г. События романа происходят между 1846 и 1860 годами. При этом 1846 г. – дата вступления на должность хакима Ташкента Азиза парваначи, а 1860 г. – это год, когда герой романа Отабек и его друг Мумин пали при защите Авлияята. В «Хулосат ул-ахвал» Абу Убайдуллаха содержатся важные сведения для типологизации и персонографии данных романа Абдуллы Кадыри «Минувшие дни». Один из главных героев романа – Юсуфбек ходжи, отец Отабека. Его настоящее имя Мухаммад Юсуфбек. Другой кокандский историк Аваз Мухаммад Аттар Хуканди называет его Мухаммад Юсуфбек, по профессии «парчабаф» – ткач парчи. И он был советником не Азиза парваначи, а Нормухаммада кушбеги (хаким в 1847–1852). По сведениям Абу Убайдуллаха, советником

از خلفاشان برپا کرده بود دیوار آنرا برداشته هنوز سقف آنرا نبوشیده بود جای نماز انداخته مع جمعی از مریدان حاصی نشسته اند و من هم در آنجا درآمده در پشت مبارکشان نشسته ام وقتی شد که خدایارخان آمد آمد گفتند همه در بیرون بوده ها از جای خود هارخواستند بعضی خوفیان سبکبار که در بیرون حدیقه بودند بکوش مبارکشان رسانیدند که تقصیر خدایارخان آمد دهنه اول دم نزدند و بار دیگر تکرار کرده گفته بودند فرمودند که من خدایار خانرا چه کار کنم و حال آنکه خدایارخان عادت داشت که هر وقتا که همچنین بیهانه نماز عید و جمعه آمده اول حضرت ایشان مجذوب را زیارت میکرد بعد از آن بکار دیگر مشغول میشد درین مورد عادت خود را ترک کرده اقل حضرت ایشانرا برسید و بعد از اتمام نماز نیز بی پروا برآمده رفتن گرفت امروز آن سعادت را نیافت و بخت او یاری نداد که بان دولت عظمی فایز گردد و ازین سبب رنجش خاطر حضرت ایشان مجذوب نیز زیاده گشته بعد از اندک روز بجانب اندجان برآمده رفتند»

«حلاصة الاحوال» ورق ۱۵۵ – ۱۵۹

Азиза парваначи был Мухаммадюнус ибн Азиджан, по прозвищу «силлик» (Полированный). «Этот Азиджан силлик при Мухаммадалихане возвысился и обрел положение в Коканде. Но, как участник смуты, он был снят. Он был казнен в Пишкеке. Азимджан силлик и Каримкули мехтар, которого звали «жин урсин» – проклятый сатаной, оба отличались дурными поступками. Один поэт писал что «Фергану разрушили два разбойника: один – это Азимджан силлик, второй, – Каримкули».

По сведениям Мухаммад Салиха, автора «Тарихи джадидайи Тошканд», Азиз парваначи был из Ашта. Но в других источниках его родиной считается Чуст. Он полтора года управлял Ташкентом. Затем народ под руководством Мухаммад Юсуфа его вынудил оставить пост. При новом правителе Нормухаммаде (он управлял до этого Кировчи) Мухаммад Юсуф становится советником (дабир). Мухаммад Юсуф назначает Абу Убайдуллаха секретарем закатхона. По сведениям Абу Убайдуллаха, Мухаммад Юсуф участвовал при осаде и защите Акмечети (1853) и был советником при Касиме мингбаши и Суфибека додхо.

Перед падением Акмечети Абу Убайдуллах посоветовал ташкентскому правителю отправить в Шамай (Семей) посольство во главе с Миян Халилом Сахибзаде ибн шайх Ахмада Фаруки – Накшбанди Сирхинди, почетного и уважаемого человека. Но вместо него был отправлен Йулдашбай карванбаши. Его миссия закончилась безрезультатно. Российская империя, воспользовавшись внутренними распрями в ханстве, начала постепенное движение в глубь Коканда. Абу Убайдуллах с сожалением пишет, что при Шералихане (1842–1844) центральная власть в ханстве стала слабой, началось противостояние Коканда и Бухары, сопровождавшееся упадком в хозяйственной и культурной жизни, торговле, земледелии.

В конце своего произведения Абу Убайдуллах повествует о захвате Ташкента Российской империей, героизме защитников города и гибели Аликули амирлашқара. Перед

сдачей города 27 дня месяца зу-л-хиджра 1281/ 23 мая 1865 г. жители собрались на совет. Старейшины и аристократия города решили принять власть Бухарского эмира. Но мнения разделились: одна группа выдвигала на трон Султана Саида сына Маллахана, а другая, во главе с Мулла Салихбеком, направила письмо русским о сдаче города на определенных условиях. После ухода кокандских войск был заключен мир, условия которого приводит Абу Убайдуллах.

ABU UBAIDULLAKH TOSHKANDY. “KHULOSAT UL-AKHVAL” (“CIRCUMSTANCES OF LIFE”)

Abu Ubaidullakh Mukhammad son of Sultanhodzha who lived in the 19th century in Tashkent was an author of the historical-biographic book “Khulosat ul-akhval” (“Circumstances of Life”) where he appears under the name Ishankhodzha kori Toshkandy.

He was born in 1804 or 1805 r in Tashkent to a religious family.

His father died young and he remained only at his mother's education. He studied from Ishankhan tur Khodja Akhrary Khodjendy. Having matured, Abu Ubaidullakh married a daughter of his uncle, and then he moved to study to Kokand where he attended scientific meetings of Mullah Kholmukhammad Kuramagy. Here his instructors were Domulla Shermukhammad, imam and *mutavalli* of the medrese Khishtin Abduvalikhan, as well as vizier Madalikhan (1823-1842), Khodja Dadadjan. Having come back to Tashkent, he went to serve to Khakim Devonbegy, who was *zakatchi* of the governor of Tashkent.

The autograph, the unique list of this work is kept in funds of hand-written department of Institute of oriental studies of Academy of Science of Uzbekistan (№ 2084).

The book “Khulosat ul-akhval” was written in the Tajik language and consists of introduction and four chapters. In total there are 148 pages. The text is written in black ink, while the chapter titles – in red ink on the Kokand silk paper, in handwriting style *nastalik*, each page contains 16 lines. The time of copying dates back to 1281/1864-65.

The book covers the history of the Kokand khanate, the history and economic-cultural life of Tashkent. The author also gives some data about the ethnic history and about interrelations between the people occupying the Tashkent oasis. Abu Ubaidullakh notices that since 1810, starting from the time of Umarmkhan's reign, Tashkent was ruled by Lashkar Beklarbegi (the same Gulamshakh Chatrary Kushbegi) with several pauses. At his time the author worked as *zakatchi* – a collector of taxes.

The book “Khulosat ul-akhval” contains lots of interesting facts about representatives of cultural and spiritual life in Tashkent, including the Caliph Bahadur Shaikh, Ishan Yusufkhan, Turakhan Ishan, Caliph Akhundzhan, Shaikh Ali Karatash, and others.

A writer Abdulla Kadyri in his novel “The Past Days” described the events connected with the name of Aziz *parvanachi* and the public uprising against his tyranny in 1847. The events in the novel happen between 1846 and 1860. Thus, 1846 is the year when Aziz *parvanachi* took the post of the *khakim* of Tashkent, and 1860 is the year when the hero of the novel Otobek and his friend Mumin were killed while defending the city of Avliya ata. Abu Ubaidullakh's book “Khulosat ul-akhval” contains important data for typological analysis and personification of the data presented in the novel by Abdulla Kadyri. One of the protagonists in the novel is Uysufbek khodji, Otobek's father. His real name was Mukhammadyusufbek. Another Kokand historian Ivaz Mukhammad Attar Khukandi names him Mukhammadyusufbek, by profession “*parchabaf*” – a weaver of brocade. And he was the councilor not of Aziz *parvanachi* but

«Хулосат ул-ахвал» (Обстоятельства жизни) – историко-автобиографическое произведение, которое раскрывает этнические процессы в данном регионе, характеризуя отношения оседлого населения с кочевым народом, миграцию кочевых племен, завоевание края царизмом. Произведение интересно с точки зрения историографии и источниковедения Кокандского ханства, истории Ташкента XIX в.

Normukhammad Kushbegi (*khakim* in 1847-1852). According to data by Abu Ubaidullakh, Aziz *parvanachi*'s councilor was Mukhammadyunus ibn Azimdjani nicknamed “Sillik” (Polished). This Azimdjani Sillik during the reign of Mukhammadalikhan got promoted and gained his authority in Kokand. But, as a participant of a distemper, he was displaced. He was executed in Pishkak. Azimdjani Sillik and Karimkuli Mekhtar who was called “*жин урсин*” – cursed by satan both were known for their bad deeds. One poet wrote that “Fergana was destroyed by two robbers: one is Azimdjani Sillik and the other one is Karimkuli”.

According to Mukhammadsalikh, an author of the book “*Тарихи джадидаи Тошканд*” Aziz *parvanachi* came from Asht. But other sources refer to Chust as his motherland. He ruled in Tashkent for a year and a half. Then the people headed by Mukhammadyusuf made him leave his post. At the new governor Normukhammad (before that he ruled in Kirovchi) Mukhammadyusuf becomes his councilor (*dabir*). Mukhammadyusuf appoints Abu Ubaidullakh as a secretary of *zakatkhona* (tax office). According to Abu Ubaidullakh, Mukhammadyusuf participated in siege and defense of Aqmechet (1853) and was a councilor of Kasim mingbashi and Sufibek dodkho.

Before falling of Aqmechet Abu Ubaidullakh advised the Tashkent governor to send to Shamai (Semei) an embassy led by Miyan Khalil Sakhizade ibn sheikh Akhmad Faruki Nakshbandi Sirkhindi, an honorable and respectable person. But instead of him, Yuldashbai Karvanbashi was sent. His mission ended without any success. The Russian Empire, taking advantage of internal conflicts in the khanate, began gradual movement in depth of Kokand. Abu Ubaidullakh writes with great pity that during the reign of Sheralikhan (1842-1844) the central authority in the khanate weakened, and there began confrontation between Kokand and Bukhara which was accompanied with decline in economic and cultural life, trade, and agriculture.

At the end of his book Abu Ubaidullakh tells about capture of Tashkent by the Russian Empire, about heroism of the defenders of the city, and death of Alikuli Amirlashkar. Before surrendering the city on 27th day of the month zu-1-khidjra 1281 / on May, 23rd, 1865 the city inhabitants gathered for advice. The elders and aristocracy of the city decided to accept the authority of the Bukhara emir. But the opinions split: one group put forward Sultan Said son of Mallakhan onto the throne, and the other, led by Mullah Salikhbek, sent a letter to the Russians about surrender of the city under certain conditions. After the Kokand army left the city, a peace treaty whose conditions are given by Abu Ubaidullakh was signed between the parties.

“Khulosat ul-akhval” (“Circumstances of Life”) is a historical autobiographical book that reveals the ethnic processes happening in this region, characterizes relations between the settled population and the nomadic people, migration of the nomad tribes, and conquest of the land by the Russian tsarism. The book is interesting from the point of view of historiography and source study of the Kokand khanate, of the history of Tashkent in the 19th century.

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ТОИБА ТОШКАНДИ

Государственный деятель и ученый Мухаммад Юнус ибн Мухаммад Амин ал-мутахаллис ба «Тоиб» родился в 1830 г. в махалле Кунжак местности Себзар в Ташкенте. Начальное образование получил в Ташкенте, а медресе окончил в Коканде. Мулла Мухаммад Юнус Тоиб оставил незабываемый след в истории и культуре Кокандского ханства и Восточного Туркестана. В 1860 г. он поступает на службу к кокандскому полководцу (военачальнику) Мулло Алимкули ибн Хасанбию (1830-1865) и занимает должности писаря, затем – мирзабоши (третий по старшинству чин в Бухарском ханстве), дадхоа (один из высших чинов в бухарском ханстве) и шиговула (сановник при ханском дворе).

В 1860–1865 гг. Мулла Мухаммад Юнус был личным советником военачальника Алимкула и по его инициативе в начале 1860-х годов были отправлены послы в Китай, Афганистан, Турцию, Англию и Россию.

Сведения о его активном участии в обороне Авлиёата и Туркестана, Чимкента и Ташкента приводятся в работе Мухаммада Солихужа Тошканди «Тарихи жадидаи Тошканд».

В конце 1865 г. Мухаммад Юнус занимает пост хокима города Ёрканд государства «Етти шахар», которое было основано Ёкуббеком Бадавлатом в Восточном Туркестане.

В 1877 г., после кончины Ёкуббека, Тоиб возвращается в Коканд, занимается творчеством, приблизительно в 1905 г. он умер в возрасте 75 лет.

До нас дошли три произведения Тоиба. Приведенные в них отдельные автобиографические сведения способствовали исследованию жизни и мировоззрения Тоиба, его роли в истории и культуре Кокандского ханства и Туркестанского края.

Мухаммад Юнус Тоиб написал «Тарихи Алимкули амирлашкар» на узбекском языке по просьбе Шермухаммада, сына военачальника Алимкули. Один экземпляр произведения хранится в фондах Института востоковедения Академии наук Узбекистана, еще один экземпляр под номером 12136 – у профессора Ш.Вахидова. Произведение посвящено Алимкули ибн Хасанбий ибн шох Мирзе (1830–1865) – участнику борьбы против российских захватчиков в эпоху правления, сыгравшего важную роль в истории Коканда Султана Сайидхона (1863–1865) и погибшего при защите Ташкента.

Тоиб приводит автобиографические сведения о военачальнике Алимкули: «Он – потомок кыргызско-кипчакского рода, звали его Алимкули Хасанбий углы... До шести-семи лет проживал и обучался в этой местности, затем переехал в волость Кургонтёпа, обучался в андижанском медресе Ок масжид, приехав в Коканд, учился наукам у Аёза Махдума – сына Махдума хожи; в то время ему было приблизительно 18 лет».

Тоиб освещает период захвата Туркестана Россией, отношения и конфликты между противоборствующими силами. Произведение публиковалось историком Темуром Бейсембиевым в журнале «Шарк юлдузи» (№ 1-2, 1995 год) и на английском языке в Лондоне (Routledge Curzon, Taylor & Francis Group, 2001). Это исторический источник в освещении вопросов завоевания Туркестана в XIX в.

Следующее произведение Мухаммада Юнус Тоиба «Хадикат ул-анвор» («Нурлар бустони» – «Цветник света») написано на таджикском языке в 1887 г. Не до конца переписанный его экземпляр содержится в рукописи № 596, которая хранится в фонде Института востоковедения Академии наук Узбекистана.

Упомянутое «вазиратлик туни» указывает на его должность и авторитет в Кокандском государстве во времена Алимкули и в период правления Саидхона, «амирлик

ТОИБ ТОШКАНДИЙНИНГ ИЛМИЙ МЕРОСИ

Дилором ЧОРИЕВА

Давлат арбоби ва олим Мухаммад Юнус ибн Мухаммад Амин ал-мутахаллиси ба Тоиб 1830 йили Тошкентнинг Себзор даҳаси, Кунжак маҳалласида туғилган. Ибтидоий маълумотни Тошкентда олиб, мадрасани Қўконда тамомлаган. Мулло Мухаммад Юнус Тоиб Қўкон хонлиги ҳамда Шарқий Туркистоннинг тарихи ва маданиятида катта из қолдирган арбобдир. У 1860 йили Қўкон саркардаси амирлашкар Мулло Алимкули ибн Хасанбий (1830-1865) хизматиға ўтиб, аввал мирза, кейин мирзабоши, додхоа ва шиговуллик мансабига кўтарилди.

Мулло Мухаммад Юнус 1860-1865 йиллари амирлашкар Алимкулига шахсий маслаҳатчи бўлган ва унинг ташаббуси билан 1860 йилларнинг бошларида Хитой, Афғонистон, Туркия, Англия ва Россияга элчилар юборилган.

У Авлиёота ва Туркистон химоясида, Чимкент ва Тошкент мудофаасида фаол қатнашгани ҳақида «Тарихи жадидаи Тошканд» муаллифи Мухаммад Солихўжа Тошкандий маълумот беради.

Тошкент руслар қўлига ўтгандан кейин, 1865 йилнинг охирларида Мухаммад Юнус Шарқий Туркистонда Ёкуббек Бадавлат томонидан тузилган «Етти Шаҳар» давлатининг Ёрканд шаҳри ҳокими бўлади.

1877 йили Ёкуббек ўлиmidан сўнг, Тоиб Қўконга қайтиб, ижод билан шуғулланган ва тахминан, 1905 йили 75 ёшда оламдан ўтган.

Тоибнинг учта асари бизгача етиб келган. Шу асарларидаги айрим таржимаи ҳолга оид маълумотлар тадқиқотчиларга Тоибнинг ҳаёти ва дунёкарашини ёритиш ҳамда Қўкон хонлиги, Туркистон ўлкаси тарихи ва маданиятида унинг ўрнини кўрсатишда ёрдам беради.

Мухаммад Юнус Тоиб «Тарихи Алимкули амирлашкар» асарини Алимкули амирлашкарнинг ўгли Шермухаммад илтимоси билан ўзбек тилида ёзган. Асарнинг бир нусхаси ЎЗР ФА Шарқшунослик институти жамғармасида қўлёзма шаклида 12136-раками

остида ва яна бир нухсаси профессор Ш.Воҳидов қўлида сақланади. Асар Қўқон тарихида муҳим ўрин эгаллаган Султон Сайидхон даврида (1863-1865) рус босқинчиларига қарши урушларда қатнашиб, Тошкент ҳимоясида ҳалок бўлган Алимқули ибн Ҳасанбий ибн шоҳ Мирзо (1830-1865)га бағишланган.

Асарда Тоиб Алимқули амирлашкар таржимаи ҳолига оид маълумотларни келтиради: «Унинг насаблари қирғиз-қипчоқ жамоасидан бўлуб, исми ша-рифлари Алимқули Ҳасанбий ўғли эрди... То олти-етти яшар бўлғонларига шу мавзеда ўқуб, саводлари чикқандан сўнгра, андин Кўргонтеффа вулустига кўчуб келиб, андин Андижонда Оқ масжид мадраса-сида бир-икки йил ўқиб, андин сўнгра, Хўқандга бо-руб Махдум ҳожи-раис жаноби домулло Аёз махдум марҳум ўғиллари хизматларида ўқуб, фи-л-жумла илм ва хат ҳосил қилдилар; шул аснода тахминан жаноби амирлашқари марҳум 18 яшар бўлғон эрдилар».

Тоиб, шунингдек, Туркистоннинг Россия томонидан босиб олиниши тафсилотларини, қарама-қарши кучларнинг ўзаро муносабат ва низоларини ҳам ёритиб беради. Асар “Шарқ юлдузи” журналіда (1995, 1-2 сон) ҳамда Лондонда инглиз тилига таржимаси билан (Routledge Curzon, Teylor & Francis Croup, 2001) тарихчи Темур Бейсембиев томонидан чоп этилган. Бу тарихий асар XIX асрда Туркистоннинг истило бўлиши масалаларини кўрсатишда муҳим манба саналади.

Муҳаммад Юнус Тоибнинг кейинги асари “Ҳадиқат ул-анвор” (“Нурлар бўстони”)дир. Бу тарихий асар 1887 йили тожик тилида ёзилган. “Ҳадиқат ул-анвор” асарининг охиригача кўчирилмаган нухсаси ЎзР ФА Шарқшунослик институти хазинасидаги 596-рақамли кўлёзма ичидан жой олган. Тоиб кириш қисмида ёзади: “... аммо баъд бу ноиб банда ... арз қиладурким,

SCIENTIFIC HERITAGE OF TOIB TOSHKANDY

A statesman and scientist Mukhammad Yunus ibn Mukhammad Amin al-mutakhallis ba “Toib” was born in 1830 in Kunjak makhallya of Sebzar district in Tashkent city. He received Elementary education in Tashkent, and finished madrasah in Kokand. Mullah Mukhammad Yunus Toib is a person who left an unforgettable trace in the history and culture of Kokand khanate and Eastern Turkestan. In 1860 he starts to service at Kokand commander (military leader) Mullah Alikuli ibn Khasanbiy (1830-1865) and takes posts of a clerk, then mirzaboshi (the third senior rank in Bukhara khanate), dadkhakh (one of the supreme ranks in Bukhara khanate) and shigovul (dignitary at a khan’s courtyard).

In 1860-1865 Mullah Mukhammad Yunus was a personal adviser of military leader Alikul, and at the beginning of the 1860s by his advice ambassadors were sent to China, Afghanistan, Turkey, England and Russia.

The Mukhammad Solikhoja Toshkandy’s book “Tarihi dzhahidai Toshkand” presents information about his active participation in defense of Avliyoota and Turkestan, Chimkent and Tashkent.

At the end of 1865 Mukhammad Yunus takes a position of khokim (Mayor) of Yorkand city of “Etti shahar” state (Seven Cities), which was founded by Yokubbek Badavlat in Eastern Turkestan.

In 1877, after Yokubbek’s death, Toib comes back to Kokand and gets engaged in creativity; and approximately in 1905 he died at the age of 75 years.

Three books written by Toib reached our days. Separate autobiographical data presented in these books helped us to understand the life and world-perceptions of Toib, his role in the history and culture of Kokand khanate and the Turkestani land.

Mukhammad Yunus Toib wrote “Tarihi Alikuli amirlashkar” in the Uzbek language under Shermukhammad’s request, a son of the military leader Alimkuli. One copy of the book is kept in the funds of the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of Uzbekistan, another copy numbered 12136 is kept in professor S.Vahidov’s archive. The work is devoted to Alimkuli ibn Khasanbiy ibn shokh Mirza (1830-1865), a participant of the struggle against Russian aggressors during Sultan Saiikhon’s reign, who played important role in the history of Kokand (1863-1865), and died while defending Tashkent.

Toib presents autobiographical data on military leader Alimkuli: “He is a descendant of Kyrgyz-Kipchak family and was named as Alimkuli Khasanbiy ougly ... Till six-seven years he lived and was trained in this district, then has moved to Kurgontepa volost, studied in Andizhan madrasah Ok masjid, having arrived to Kokand, studied in sciences at Ayoj Makhдум –Mahдум khoja’s son; at that time he was approximately 18 years old.

Toib illustrated capture of Turkestan by Russia, attitudes and conflicts between various forces. The product was published by historian Temur Bejsemбиев in “Sharq yulduzi” magazine (1-2, 1995) and in English in London (Routledge Curzon, Teylor and Francis Croup, 2001). It is a historical source in illumination of questions of conquering of Turkestan in the 19th century.

Such product of Muhammad Yunus Toib as “Hakikat ul-anvor” (“Flower bed of light”) is written in Tajik language in 1887. Its copy, which was copied incompletely, is kept in manuscript # 596 which is stored in the fund of oriental studies Institute of the Academy of sciences of Uzbekistan.

Mentioned “vazoratlik tuni” specifies his post and authority in Kokand state in days of Alimkuli and during board

кулохи» – о его участии в действиях против китайского правительства и правления Ёркандом.

Мулло Мухаммад Юнус Тоиб пишет о содержании и форме книги: «... Книга состоит из трех хадика (частей), называется «Хадикат ул-анвор». Первая часть – «Фаргона султонларнинг зикри» («О правителях Ферганы»). Вторая часть – «Кошгар вокиоти хакида» («О событиях в Кашгаре»). Третья часть – «Фаргона, Туркистон, Кошгар билоди ва қасабалари хакида» («О билодах и кабаба» Ферганы, Туркестана и Кашгара»). Однако этот экземпляр до конца не переписан. Возможно, не были реализованы планы автора, так как после 1887 г. Мухаммад Юнус Тоиб написал произведения «Тарихи Алимкули амирлашкар» и «Тухфайи Тоиб». Во всяком случае выявление других копий этого произведения и рукописи автора внесли некоторые подтверждения в наши предположения. В сохранившемся экземпляре события первой главы прерываются на восшествии на престол Мухаммада Алихона (приблизительно, 1822–23 годы). Переписчик Бобохужа ибн Мир Убайдуллох добавляет, что именно на этом месте завершает работу Мулло Юнусжон и ставит дату «1332 рабий ул-аввал (январь 1914 года)». Мы предполагаем, что этот экземпляр, возможно, тоже был незавершенным. Ахмад Заки Валиди экземпляр произведения в конце 1913 г. якобы видел в одной из частных библиотек.

«Тухфайи Тоиб» – («Мулло Мухаммад Юнус ибн Мухаммад Амин) Тоибнинг тухфаси». Эту работу, как и «Тарихи Алимкули амирлашкар» Тоиб написал по просьбе сына Алимкули – Мулло Шермухаммада в середине 1903–1905 гг. Она тоже хранится в фондах Института востоковедения имени Абу Райхана Беруни под номером 4243/II.

Формат рукописи – 21,5x14, на странице 15 строк. Переписано на кокандской бумаге черными чернилами методом насталик. Красным цветом выделены отдельные слова и предложения. Обложка выполнена из плотной материи, переплет из кожи красного цвета.

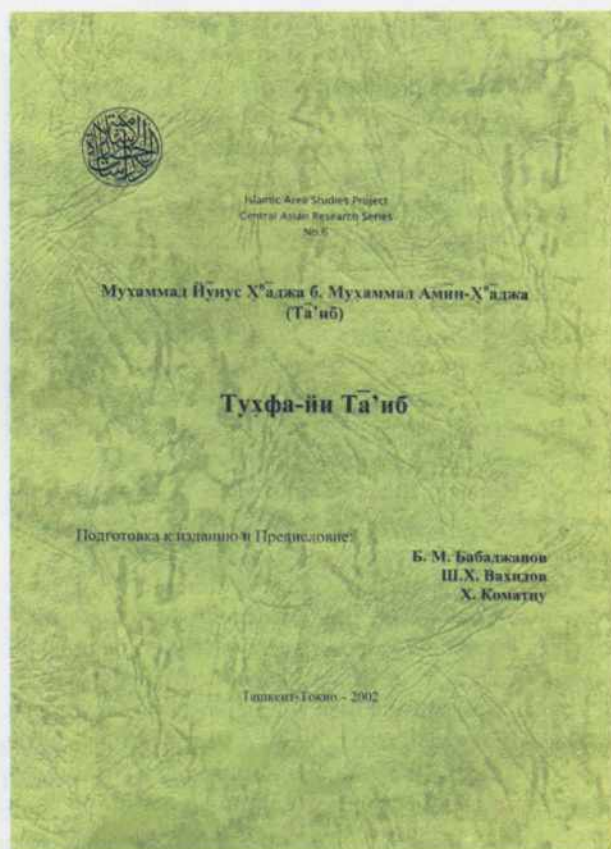
«Тухфайи Тоиб» – историко-биографическое произведение. Издание его в 2002 г. в Токио повысило интерес к творчеству Тоиба (Central Asian Recarch No 6.2002). Тоиб пытался осветить вопрос, волновавший Шермухаммада и друзей, то есть захват Туркестана царской Россией, после которого на местах стали устанавливаться другие порядки и законы. Мусульмане вынуждены были жить вплотную с христианами. Какovy при этом должны быть порядок общения, отношения? Тоиб поднимает один из основных вопросов – против завоевания нужно выступать не силой оружия (как Дукчи Эшон), а средствами просвещения и науки.

Тоиб повествует читателям о своем жизненном опыте: «Начиная с событий в Белой мечети, Тоиб принимал участие во всех сражениях между Россией и мусульманскими правителями, видел борьбу и разрозненность, народы Ферганы и Туркестана не имеют представления о многочисленности военных сил и оружия России».

«Я, – пишет Тоиб, – в те времена убедился, что с Россией нужно установить примирение. Однако к моим советам не прислушался даже господин Амир Мухаммад Ёкуббек».

Во время восстания Дукчи Эшона Россия еще раз проявила свою мощь и силу, ввергнув тем самым в пучину бедствий народ. И потому у Тоиба было отрицательное отношение к действиям Дукчи Эшона и в целом к его личности.

В историографии мусульман значительное место занимают представители школы истории Коканда Абу Убайдуллох, Мухаммад Солихужа, Мухаммад Юнус Тоиб, Мирзо Олим ибн Мирзо Рахим Тошканди. Анализ исторических произведений, созданных на территории государств Средней Азии в XIX в., изучение жизни и творчества их авторов имеет большое значение для понимания событий прошлых лет.

болалик чоғидан бу кунларгача, умр оти кеча-кундуз аблақидан эллик етти хаёт манзилдан ўтди. Баъзан вазорат тўнини кийдим ва баъзан қўлимга тиг олиб аморат (амирлик) кулоҳини бошимга кийиб, кечаю кундуз дор устунлари азобида нафас тортидим... сана 1285 (милодий 1868–69) йилида ислом давлати Кошгар ва Фарғонада охирига етди ва тақдир хомаси уларнинг фармонраволикига насх хатини чизди, аморат гулистонида таркоклик гунчаси гуллаб, вазорат дарахти самонсизлик уруғидан ҳосил берди».

Бу ерда тилга олинган “вазоратлик тўни” Тоибнинг амирлашкар Алимқули ва султон Сайидхон даврларида Қўқон давлатида эгаллаган мансаб ва мартабасидан, “амирлик кулоҳи” эса Кошгар халқларининг Хитой ҳукуматига қарши ҳаракатларида иштирок этиб, Ёрқандда ҳокимлик қилганидан маълумот беради.

Мулло Мухаммад Юнус Тоиб асарининг мазмуни ва таркиби хакида ёзади: “... Бу китоб биноси уч хадика (боғ, бўстон)дан иборат бўлиб, номи “Хадикат ул-анвор”дир. Биринчи хадика “Фарғона султонларининг зикри”. Иккинчи хадика “Кошгар вокиоти хакида”. Учинчи хадика “Фарғона, Туркистон, Кошгар билоди ва қасабалари хакида”. Лекин асарнинг шу нусхаси охиригача кўчирилмаган. Муаллифнинг режаси амалга ошганми? Бу саволга ижобий жавоб бериш мумкин. Чунки, Мухаммад Юнус Тоиб 1887 йилдан кейин “Тарихи Алимкули амирлашкар” ва “Тухфайи Тоиб”ни ёзган. Ҳар ҳолда, бу асарнинг бошқа нусхалари ва муаллиф қўлёзмасининг топилиши бизнинг тахминимизга аниқлик киритади, деб ўйлаймиз. Бизнинг нусхамизда биринчи боб воқеалари баёни Мухаммад Алихоннинг тахтга ўтириши билан (1822-23 йили чегарасида) узилиб қолган. Котиб Бобохўжа ибн Мир Убайдуллох ҳам “марҳум Мулло

Юнусжон шиғовул ушбу “Ҳадикат ул-анвор” тарихи нотамолари бу ерда итмомина етди”, деб ўз қайдларини ёзиб, “1332 рабий ул-аввал (милодий 1914 йил январь ойи)” сана ҳам кўйган. Тахминимизча, бу нусха ҳам ноқис бўлиши мумкин. Бу асарнинг нусхасини 1913 йилнинг охирида Аҳмад Заки Валидий ҳам шахсий бир кутубхонада кўрган экан.

“Тухфайи Тоиб” – “(Мулло Муҳаммад Юнус ибн Муҳаммад Амин) Тоибнинг туҳфаси” асарини ҳам “Тарихи Алимкули амрлашкар”га ўхшаб Тоиб Алимкулининг ўғли Мулло Шермуҳаммад мирзо илтимоси билан 1903-1905 йиллар ўртасида ёзган.

Тоибнинг бу асари ҳам ЎзР ФА Абу Райхон Беруний номидаги Шарқшунослик институти хазинасида 4243/II рақами остида сақланади. Матни 21,5x14, саҳифада 15 сатр. Қўқон қоғозида, настаълиқ хати билан қора сиёҳда кўчирилган. Ажратилган сўзлар ва жумлалар остига қизил ранг билан чизилган. Муқоваси қалин мағиздан, таякиси ва лабакийлари қизил чармдан.

“Тухфайи Тоиб” Муҳаммад Юнус Тоибнинг биографик-тарихий асари. Мазкур асарнинг 2002 йили Токиода нашр этилиши Тоиб ижодига қизиқишни янада орттирди (Central Asian Research No 6.2002). Тоиб бу асарида Шермуҳаммад ва дўстларини қизиқтирадиган бир муаммони ҳал қилмоқчи бўлган, яъни Туркистон чор Россияси томонидан босиб олинди. Бу ерда уларнинг тартиботи, қонунлари ўрнатили бошланди. Мусулмонлар насронийлар билан яқин алоқада, баъзи жойларда бирга бўладилар. Шунда улар билан мулоқотда бўлиш тартиби ва муносабат қандай қонунлари қандай бўлиши лозим? Энг асосий масалалардан бири – Тоибнинг ўзи “силоҳ” ва қурол билан эмас, балки маърифат ва илм воситаси билан мустамлакачиларга қарши чиқиш масаласини кўтаради.

Тоиб бошидан кечирган ҳаётини тажрибаларини ўқувчиларга маълум қилиб ёзади: “Банда Тоиб, эллик йилдан буён Окмасжид воқеасидан бошлаб, Русия билан мусулмон султонлари ўргаларида воқеъ бўлган ҳамма урушларда қатнашдим, муқотила ва тарқоқликларни кўрдим ва Русия қўшинлари қучлари, қурол-аслаҳалари кўплиги Фарғона ва Туркистон халқларининг ақли ноқисларига сиғмайди”.

“Мен, – деб ёзади Тоиб, – ўша вақтларда аниқ билдимки, Русия билан сулҳ тузиш керак. Лекин бу маслаҳатимга ҳатто жаноби Амир Муҳаммад Ёқуббек ҳам қулоқ солмади”.

Дукчи Эшон кўзғолони натижасида Россия яна бир марта ўз қуч-қудратини кўрсатди, халқ анча жафо ва зулм кўрди. Шу боис, Тоиб Дукчи Эшон ҳаракатига, унинг шахсиятига ўта салбий муносабатини билдирган.

Қўқон тарихнавислик мактабининг намоёндалари бўлган тошкентлик Абу Убайдуллоҳ, Муҳаммад Солиххўжа, Муҳаммад Юнус Тоиб, Мирзо Олим ибн Мирзо Раҳим Тошкандийлар ҳам мусулмон историографияси ва историософиясида муҳим ўрин эгаллайдилар. XIX асрда Ўрта Осиё давлатлари ҳудудида яратилган тарихий асарларни чуқур таҳлил қилиш, муаллифлар ҳаёти ва ижодини ўрганиш келажакдаги янги илмий тадқиқотлар доирасига қиради.

of Saidkhon, “amirlik kulohi” – about his participation in actions against Chinese government and board of Yorkand.

Mullo Mukhammad Yunus Toib writes about the maintenance and form of the book: “... The book consists of three khadiks (parts) and is called “Hakikat ul-anvor”. The first part is “Fargona sultonlari zikri” (“About Fergana governors”). The second part is “Koshgar vokioti hakida” (“About events in Kashgar”). The third part is “Fargona, Turkiston, Koshgar bilodi va kasabalari hakida” (“About bilods and trade of Fergana, Turkistan and Kashgar”). However this copy of the product is not copied up to the end. Probably, plans of the author were not realized because after 1887 Mukhammad Yunus Toib wrote such products as “Tarihi Alimkuli amirlashkar” and “Tuhfai Toib”. Anyway revealing of other copies of this product and the author’s manuscripts somehow confirm our assumptions. In the copy which has kept the events of the first chapter are discontinued on accession of Mukhammad Alikhon to the throne (approximately 1822-1823). Copyist Bobohuzha ibn Mir Ubaidullokh adds that exactly on this place work of Mullo Yunusjon finishes and puts the date “1332 rabiyy ul-avval (January, 1914)”. We assume, that this copy probably also was not completed. The copy of the product supposedly was seen at the end of 1913 by Akhmad Zaki Validi in one of private libraries.

The work “Tuhfai Toib” (Mullo Muhammad Yunus ibn Muhammad Amin) A gift of Toib», as well as “Tarihi Alikuli amirlashkar” Toib wrote under the request of Alikul’s son – Mullo Shermukhammad in the middle of 1903-1905. This product is also kept in the funds of Institute of oriental studies name after Abu Reikhan Beruny of the Academy of Sciences of Uzbekistan under number 4243/II.

Format of the manuscript is 21.5x14 with 15 of lines on each page. It is copied on Kokand paper by black ink by *nasta'lik* method. Some words and sentences are marked with red color. The cover is made of a dense fabric and bind is made of red leather.

“Yihfai Toib” is a historical biographic product by Mukhammad Yunus Toib. Its publication in 2002 in Tokyo has raised interest to creativity of Toib (Central Asian Research No 6.2002). Toib tried to cover a question excited Shermukhammad and friends, that is – capture of Turkestan by Russia after which other orders and laws began to be established locally. Moslems are compelled to live closely with Christians. What thus should be the order of correlation and treatment? Toib rises one of the basic matter – it is necessary to act against conquest not with the force of weapon (like Dukchi Eshon), but by means of education and science.

Toib narrates to readers about his life experience: “Since events in a White mosque, Toib took part in all battles between Russia and Muslim governors, saw struggle and fragmentation, Fergana and Turkestan people have no idea about large number of military forces and weapon of Russia”.

Toib writes: “Those days I was convinced that it is necessary to establish reconciliation with Russia. However my advices were not listened even by Mr. Amir Mukhammad Yokubbek”.

During revolt of Dukchi Eshon Russia has once again shown the power and force plunging thus the people in many disaster. That is why Toib negatively related Dukchi Eshon’s actions as a whole as well as to his personality.

In a historiography of Moslems a significant place is taken by such representatives of Kokand history school as Abu Ubaidullokh, Mukhammad Solikhoja, Mukhammad Yunus Toib, Mirzo Olim ibn Mirzo Rakhim Toshkandy. The analysis of the historical products created on the territory of Central Asia states of 19th century, studying of life and creativity of their authors has big value for understanding of events of the last years.

ТЕМИР ЙЎЛ ТАРИХИДАН

Анорой ТОҒАЕВА

Туркистон ўлкасида илк темир йўллар XIX асрнинг охири – XX аср бошларида барпо этилган.

Туркистоннинг биринчи генерал-губернатори К.П.Кауфман Туркистонни Россия империяси билан боғловчи темир йўл қурилишини амалга ошириш борасида ташаббус кўрсатиб, бу ишга 1871 йили Туркистон ўлкасига хизматга юборилган йўл инженери генерал-майор К.С.Безносиковни жалб қилади.

1873 йилнинг 11 январида олтимиш ёшли К.С.Безносиков Россия билан Туркистон ўлкаси орасидаги қулай йўналишни танлаш учун изланиш олиб боришга жўнатилган. Жанубий Сибирь, Қозоғистон ва Ўрта Осиёни жуда яхши билган К.С.Безносиков бир неча ҳарбийлар билан Тошкентдан Оренбурггача ва Троицкдан Орск орқали Тошкентгача бўлган масофани пиёда босиб ўтади. Сафар давомида К.С.Безносиков сув ресурслари, тупроқ таркиби, рельефни ўргангани, суратлар олади, мукамал карта тузади ва ўз кўрганлари асосида 180 бетли ҳисобот тайёрлайди.

Муаллиф ўз тадқиқотида Оренбург – Тошкент йўналишида темир йўл қуриш – техник жиҳатдан ҳам, географик жиҳатдан ҳам маъқул, деган хулосага келади.

Бу лойиҳа тўғрисидаги хабар Суэц каналини қурган машҳур француз инженери Фердинанд-Мари Лессепсга ҳам етиб боради.

Ф.Лессепс Петербургга куёви Котаррни жўнатади ва у орқали К.Безносиковдан 50 минг рубл эвазига лойиҳасини сотишини сўрайди, шунингдек, темир йўл қурилгач, ундан келадиган фойдага шериклик ҳам таклиф қилинади. Ўз лойиҳасининг қабул қилинишини кутиб Петербургда юрган К.Безносиков бунга жавобан ўзининг Россия фуқароси эканлигини, хизматлари ҳам фақат ўз давлатига тегишли эканлигини айтиб, лойиҳани кўрсатишдан воз кечади.

Котарр эса Безносиковнинг лойиҳасини кўриш учун ёрдам сўраб айни пайтда Петербургда бўлган

К.Кауфманга мурожаат қилади. Туркистон генерал-губернатори унинг илтимосини рад этмасдан, лойиҳани Котаррга топширади. Бу қарордан норози бўлган лойиҳа муаллифи ўша пайтдаги Алоқа йўллари вазири граф А.Бобринскийга арз қилади ва ҳужжатларни қайтариб олишга муваффақ бўлади.

Бироқ Котарр лойиҳадаги керакли асосий маълумот ва чизмаларнинг кўчирмасини қўлга киритишга эришади.

Ф.М.Лессепс ушбу маълумотлардан фойдаланиб, ўзининг Россияни Ўрта Осиё орқали Ҳиндистон билан боғлаш лойиҳасини тузади ва у 1874 йилнинг 16 ноябрида Париждаги рус консули орқали рус ҳукуматида тақдим этади. Ф.Лессепс йўл қурилишида француз акционерлик жамиятининг маблағидан фойдаланишни таклиф қилади ва ҳукуматдан тадқиқотлар ўтказиш учун 500 минг рубл маблағ, 8 млн рублли субсидия ва йўл қуриладиган ерларни текинга берилишини сўрайди.

Ф.Лессепснинг лойиҳаси 1875 йил 3 январда канцлер А.М.Горчаков раҳбарлик қилган махсус ҳукумат мажлисида кўриб чиқилади. Йиғилишда Алоқа йўллари вазири Посьет, молия вазири Рейтерн, ҳарбий вазир Д.А.Милютин, Туркистон генерал-губернатори К.Кауфман ва бошқа ҳукумат аъзолари иштирок этишади. К.Кауфмандан бошқа барча иштирокчилар Ф.Лессепс лойиҳасига қарши овоз берадилар. Улар Ф.Лессепс таклифи фақатгина Англия учун фойдали оқибатларга олиб келади, деб ҳисоблаб, Россияни Ҳиндистон билан темир йўллар орқали боғлаш мамлакат иктисодиётига фойда эмас, балки зарар етказишни бир овоздан таъкидлайдилар.

Ўша давр матбуотида Лессепс лойиҳаси жуда кенг муҳокама қилинади. Натижада А.Бобринский матбуотда расмий чиқиш қилиб, мазкур лойиҳанинг муаллифи К.Безносиков эканлигини, Фердинанд Лессепс

эса, унинг ижрочиси эканлигини маълум қилиб, бу лўттибозликка чек қўйишга мажбур бўлади.

Россия ҳукумати К.Безносиковнинг меҳнатларини самарали тақдирлади – Алоқа йўллари вазири унинг лойиҳасини тасдиқлади. Бироқ, генерал-майор К.Безносиковга Тошкент – Оренбург темир йўли қурилишини кўриш насиб этмади, у 1876 йилда вафот этади.

Орадан узок йиллар ўтди, фақат XX аср бошларидагина Туркистон ўлкасини Россия империяси билан боғлаган Тошкент – Оренбург темир йўли қуриб, ишга туширилади, унинг қурилиши ўлка иқтисодий-ижтимоий ҳаётида муҳим ўзгаришларнинг юзага келишига ҳам сабаб бўлади.

ИЗ ИСТОРИИ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ

Первые железные дороги на территории Туркестана были построены в конце XIX – начале XX веков.

В строительстве железной дороги, соединившей Туркестан с Российской империей, проявил инициативу генерал-губернатор Туркестанского края К.П.Кауфман, привлечший к созданию проекта дорожного инженера генерал-майора К.С.Безносикова направленного на службу в Туркестан в 1871 г. В январе 1873 г. ему было поручено определить выгодное направление между Россией и Туркестаном. К.С.Безносиков, хорошо знавший Южную Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию, с группой военных пешком прошел от Ташкента до Оренбурга и от Троицка – через Орск – до Ташкента. Он изучал водные ресурсы, состав почвы, рельеф, делал снимки, составлял точные карты и на основании полученных данных подготовил отчет на 180 страницах.

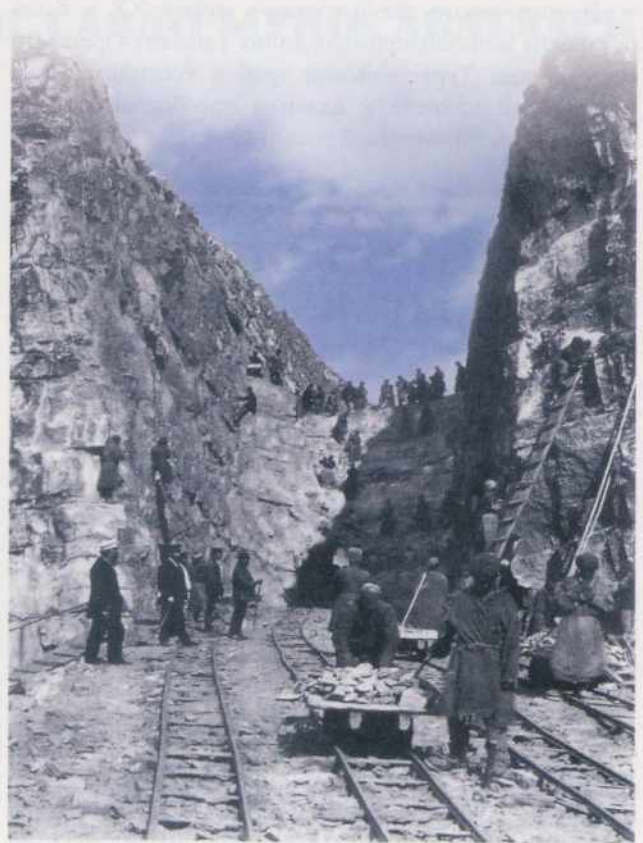
В результате исследований К.С.Безносиков приходит к выводу о том, что и в техническом, и в географическом отношении возможно строительство железной дороги в направлении Оренбург-Ташкент.

Информация о данном проекте доходит и до проектировавшего Суэцкий канал известного французского инженера Фердинанда-Мари Лессепса.

Ф.Лессепс направляет в Петербург своего зятя Котарр и через него предлагает К.Безносикову продать проект за 50 тыс. рублей, с условием партнерского раздела прибыли от эксплуатации железной дороги. К.С.Безносиков, ожидавший в Петербурге одобрения своего проекта, заявляет, что он является гражданином России, и результаты его труда принадлежат только его стране, и отказывается показать проект.

Котарр обращается к К.Кауфману, который в то время тоже находился в Петербурге с просьбой помочь ему ознакомиться с проектом К.С.Безносикова. Генерал-губернатор Туркестана удовлетворяет просьбу и вручает проект Котарру. К.С.Безносиков обращается с жалобой к графу А.Бобринскому – тогдашнему министру путей сообщения, и возвращает документы.

Но Котарр все же успевает сделать копии основных сведений и чертежей проекта.

Ф.М.Лессепс, используя данные материалы, готовит собственный проект по соединению России с Индией через Среднюю Азию и 16 ноября 1874 г. через российского консула в Париже представляет его российскому правительству. Для строительства дороги Ф.Лессепс предлагает использовать средства французского акционерного общества, и просит у правительства 500 тыс. рублей для проведения исследовательской работы, 8 млн субсидий, и безвозмездный отвод земель под строительство железной дороги.

Проект Ф.Лессепса рассматривается 3 января 1875 г. на специальном заседании правительства под руководством канцлера А.М.Горчакова. В заседании принимают участие министр путей сообщения Посъет, министр финансов Рейтерн, военный министр Д.А.Милютин, генерал-губернатор Туркестана К.Кауфман и другие члены правительства. Кроме К.Кауфмана, все участники заседания голосуют против проекта Ф.Лессепса, считая, что реализация его в конечном итоге выгодна только для Англии, и единогласно подтверждают, что соединение России и Индии железной дорогой принесет ущерб экономике страны.

В печати того времени проект Лессепса освещался очень широко. В конце концов, А.Бобринский был вынужден официально заявить, что автором проекта является К.Безносиков, а Фердинанд Лессепс – лишь исполнитель проекта, и, таким образом, положить конец этому жульничеству.

Правительство империи достойно оценило труды К.С.Безносикова - его проект был утвержден министерством путей сообщения. Однако ему не удалось построить железную дорогу Ташкент-Оренбург – в 1876 г. он умер.

Прошло много лет, и только в начале XX в. была построена железнодорожная линия Ташкент-Оренбург, соединившая Туркестанский край с Российской империей, что привело к важным преобразованиям в социально-экономической жизни края.

FROM THE HISTORY OF THE RAILROAD

The first rail-roads in the territory of Turkestan were constructed at the end of the 19th – the beginning of the 20th centuries.

K.P. Kauffmann, the first general-governor of the Turkestan land, showed initiative and undertook decisive actions in construction of the railroad that connected Turkestan with the Russian Empire. In particular, his practical actions bound with the activity of the general-mayor K.S. Beznosikov deserve special attention. K.S. Beznosikov, assistant of the general-governor of Semipalatinsk, was sent to service to Turkestan in 1871. K.S. Beznosikov's major was road engineering and he was interested in construction of the railroad that would connect this land with the center of Russia. In January, 1873, he was given an assignment to define a favorable direction between Russia and Turkestan. K.S. Beznosikov, who knew well South Siberia, Kazakhstan and Central Asia, walked on foot with a group of militaries from Tashkent to Orenburg and from Troitsk – through Orsk – to Tashkent. He studied water resources, soil composition, relief, he took pictures, made accurate maps and on the basis of these collected data he prepared a 180 pages long report.

As a result of these investigations, K.S. Beznosikov makes a conclusion that both from the technical and geographical point of view it would be quite possible to construct a railroad from Orenburg to Tashkent.

Information about this project also reached the ears of a famous French engineer Ferdinand-Mari Lesseps who designed the Suet canal.

F.Lesseps sends his son-in-law Cottarni to Petersburg and through him asks K.S. Beznosikov to sell the project for 50 thousand rubles, at the same time suggesting the partner share from the construction of the railroad. As a response to this proposal, K.S. Beznosikov, who was then expecting the approval of his project in Petersburg, reminds that he is a citizen of Russia and thus the results of his work belong to his country only. And he rejects to show the project.

Cottarni addresses to Kauffmann who then also happened to be in Petersburg with the request to help him to have a look at K.S. Beznosikov's project. The general-governor of Turkestan satisfies the request and gives the project to Cottarni. K.S. Beznosikov in turn addresses with his complain to Duke A. Bobrinsky, who was then taking a position of the Minister of Means of Communication, and successfully returns the documents.

But over this short period of time Cottarni still manages to make copies of the main documents and drawings of the project.

F.M. Lesseps, having used the data collected by his

son-in-law, prepares his own project for the connection of Russia with India through Central Asia, and on November 16, 1874 with the support of the Russian Council in Paris he submits it to the Russian government. For the construction of the road F. Lesseps offers to use the assets of the French Share-Holder Company and asks 500 thousand rubles from the government for carrying out the investigation works, the subsidy of 8 million rubles, and rendering the lands free-of-charge for the construction of the railroad.

F.Lesseps project was examined on January 3rd, 1875, at the special meeting of the government headed by chancellor A.M.Gorchakov. The Minister of Means of Communications Pos'et, Minister of Finance Reigtern, Military Minister D.A.Milutin, General-Governor of Turkestan K.Kauffmann and other members of the government took part at the meeting. All the members of the government, except K.Kauffmann, voted against F.Lesseps' project believing that F.Lesseps' project is eventually profitable only for England, and they unanimously stated that connection of Russia and India with the railroad will cause damage to the economy of the country.

The press then intensely discussed the project of F.Lesseps. At last, A. Bobrinsky had to officially announce that the author of the project was K.S. Beznosikov, while Ferdinand Lesseps is only an executor of the project, and thus putting an end to this fraud.

The government of the Empire evaluated the works of K.S. Beznosikov quite worthy – his project was approved of by the Ministry of Means of Communications. However, he could not construct this railroad Tashkent-Orenburg. He died in 1876.

Many years passed away and only at the beginning of the 20th century the railway line Tashkent – Orenburg that connected the Turkestan land with the Russian Empire was finally constructed which led to significant reformations in the social economic life of the land.

ТОШКЕНТНИНГ САВДО МУНОСАБАТЛАРИ (XIX асрнинг иккинчи ярми – XX аср боши)

Маишхура ҲАСАНОВА

Савдо йўллари чоррахасида жойлашган Тошкент қадимдан йирик савдо шаҳри сифатида машҳур бўлган. Шу сабабдан, Тошкент бозорида хорижий тожирлар (масалан, хинд, афғон, хитой, рус ва ҳоказо) ҳам савдо қилишарди. Муҳаммад Солихнинг асаридида ҳам шаҳарнинг асосий савдо маркази сифатида Регистондаги бозор кўрсатилган. “Бу жойнинг номини халқ Жўба деб атайди, китобларда эса Жўйбор битилгандир, – деб ёзади Муҳаммад Солих. Муҳаммад Солихнинг бу маълумоти ҳозирги “Эски жўва” атмасининг этимологиясини аниқлашда ёрдам бериши мумкин. – Бозорнинг дўкон-расталари Чорсудаги қандолатпазлик дўконигача давом этади. Рамазон ойида бу ерда кечаси ҳам бозор бўлади, халқ савдотик, ҳар хил ўйин-кулги қилади”.

Шу жиҳатдан, А.Хорошхиннинг Тошкентда “савдотик билан шуғулланувчилар жуда кўп. 20–30 сўм пули бўлган сарт дарров савдо-сотик билан машғул бўла бошлайди”, деган хабари эътиборлидир.

А.К.Гейнс ҳам Тошкент шаҳар бозорининг XIX асриккинчи ярмидаги ҳолати ҳақида бирмунча тўлиқ маълумот беради: ун бозор, кигиз бозор, қўй бозор, гўшт растаси, новвойлик растаси, кавуш бозор, ёғоч бозор, темирчилик растаси, мисгарлик растаси, шам бозор, чойфурушлик растаси, читфурушлик растаси, базозлик растаси, пичоқчилик растаси, пахта бозор, тамаки бозор, товок бозор, заргарлик растаси, эгар бозори ва ҳоказо. Бозордаги савдо расталарининг умумий сони эса 1500 тага етган ва бундай расталар карвонсаройларда ҳам бўлган. Ҳар бир раста ўзининг оқсоқолини сайлаган.

Тошкент бозорининг узунлиги 400, эни 100 сажан (1 сажан – 2,1336 м)га тенг. Бош бозорда 16 та карвонсарой ва 2400 кичик дўконлар бўлиб, шаҳар бўйича жами 4548 та дўкон бўлган. Уларнинг кўпчилиги бир вақтнинг ўзида устахона ҳам эди. Бозорнинг худуди махсус расталарга ажратилган (мева, нон, гўшт, гилам каби), тўлиқ бўлмаган маълумотларга кўра, уларнинг сони 26 та бўлган.

Шаҳарда, асосан, чакана савдо бўлган. Улгуржи савдонинг йўқлиги вақти-вақти билан озик-овқат танқислигини вужудга келтириб турган, натижада озик-овқат маҳсулотларининг нархи кўтарилган. Ғалла маҳсулотларининг захираси бўлмаганлиги туфайли бугдойнинг нархи ошиб борган.

Туркистон ўлкаси Умумроссия товар муомаласига тортила бориши натижасида кишлок хўжалигининг

бир қанча тармоклари (пахтачилик, чорвачилик, боғдорчилик ва ҳоказо) ҳам озми-кўпми даражада товар муомаласига тортилган эди. Натижада, Туркистоннинг йирик шаҳарлари айрим воҳаларнинг иқтисодий марказларига айлана бошлади. Чунончи, Тошкент шаҳри нафақат Чирчиқ воҳаси, балки бутун Туркистоннинг иқтисодий марказига айланган. Илгари шаҳарда, асосан, кишлок хўжалик маҳсулотлари ва ҳунармандчилик саноати ишлаб чиқарган буюмлар билан савдо қилинган бўлса, эндиликда Тошкент Россиянинг саноат моллари билан кўпроқ савдо қиладиган марказ бўлиб қолди. 1870 йилдан Тошкентда кузги ва баҳорги ярмарка ташкил этиладиган бўлди.

Тошкент қўшни вилоятлар билан бугдой ва шоли билан улгуржи савдо олиб борган. Масалан, шоли, асосан, Бухорога, шунингдек, Еттисув, Тўрғай ва Окмўла вилоятларига сотилган.

Сирдарё вилоятининг шаҳар ва уездлари вилоят маркази Тошкентни ғалла, гўшт, пахта каби маҳсулотлар билан таъминлаб турганлар. XIX асрнинг 70-йиллари ўрталарига (1875) келиб, бу маҳсулотлар билан савдо обороти 1,5 млн сўмга етган. Тошкент ҳам ўз навбатида, Сирдарё вилоятига рус мануфактуралари, шунингдек, маҳаллий ишлаб чиқариш саноати маҳсулотларини етказиб беради.

Чорва моллари ва маҳсулотлари билан савдо қилиш Сирдарё вилоятида XX аср бошида кенг тараккий этган. Чорва савдосида салмоқли ўринни қўй савдоси эгаллаган. Тошкентда чорва савдоси, аксинча, йилдан-йилга камайиб борган, бу, айниқса, 1894 йилда кўзга яққол ташланади. Агар 1894 йили Тошкентда 2,9 млн бош қорамол сотилган бўлса, 1895 йили эса ҳаммаси бўлиб 358.400 бош қорамол сотилган. 1994 йили ундан ҳам кам – 9.665 бош, 1913 йили эса 5794 бош қорамол сотилган.

Боғдорчилик маҳсулотлари билан ички савдо қилишдан ташқари, уни четга ҳам сотилган.

Хулоса қилиб айтганда, XIX асрнинг охирида шаҳарда ички, чакана савдо ривожланган. Чорсу бозори – савдо маркази бўлган.

Туркистон ўлкасида товар муносабатларининг ўсиши, Россия билан темир йўл алоқаси ўрнатилиши натижасида шаҳар ўлканинг энг йирик савдо-иқтисодий марказига айланган.

ТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ТАШКЕНТЕ

(2-я пол. XIX – нач. XX вв.)

Ташкент, возникший на перекрестке торговых путей, издревле известен как крупный торговый город. На Ташкентском базаре торговали купцы из многих стран (индийцы, афганцы, китайцы, русские и т.д.). В книге Мухаммада Салиха главным торговым центром города назван базар на Регистане. «Народ эту местность называет «Джуба», в книгах же написано «Джуйбар», – пишет Мухаммад Салих. – Это сообщение может помочь в определении, уточнении этимологии термина «Эски Джува». Торговые ряды базара Чорсу доходили до ларьков, торговавших сладостями. В месяц Рамазан базар даже ночью функционирует, народ торгует и веселится».

А.Хорошхин отмечает, в Ташкенте «очень много людей, занимающихся торговлей. Сарт, имея даже 20–30 рублей, немедленно начинает заниматься торговлей».

А.К.Гейнс подробно характеризует Ташкентские базары и торговые ряды: мучной, войлочный, бараний, мясной ряд, хлебный ряд, галошный базар, базар деревоматериалов, кузнечный ряд, медный ряд, базар светильников, ряды торгующих чаем, хлопкобумажными изделиями, изготовляющих ножи, хлопковой базар, табачный базар, посудный базар, ювелирный ряд, седельный ряд и т.д. Общее количество торговых рядов доходило до 1500. Каждый торговый ряд избирал своего старосту – аксакала.

Длина Ташкентского базара была равна 400, а ширина 100 сажен (2,1336 м). На главном базаре Ташкента было 16 караван-сараев и 2400 магазинов, а всего в городе было 4548 магазинов. Большинство из них служили одновременно и мастерскими.

В городе в основном велась розничная торговля. Отсутствие оптовой торговли временами приводило к нехватке продовольственных товаров, в результате цены на них повышались. Из-за отсутствия запаса хлебных изделий цена на пшеницу возрастала.

С развитием товарных отношений Туркестанского

края и России многие отрасли сельского хозяйства (хлопководство, скотоводство и т.д.) более или менее втягивались в этот процесс. В результате крупные города Туркестана становились экономическими центрами отдельных регионов. Например, Ташкент стал не только экономическим центром Чирчикского оазиса, но и всего Туркестана. Если раньше в городе торговали сельскохозяйственными продуктами и товарами ремесленников, то теперь большинство составляли промышленные товары. С 1870 г. в Ташкенте организовывались осенняя и весенняя ярмарки.

Ташкентский земледельческий район вёл со всеми областями оптовую торговлю пшеницей и рисом. Например, рис продавался в основном в Бухару, а также в Семиреченскую, Тургайскую и Акмолинскую области.

Города и уезды Сырдарьинской области снабжали Ташкент хлебными продуктами, мясом, хлопком. В 1875 г. торговый оборот этими товарами достиг 1,5 млн. рублей. В свою очередь Ташкент вывозил в Сырдарьинскую область товары российской мануфактуры, промышленные изделия местного производства.

Торговля скотом и его производными в Сырдарьинской области в начале XX в. была широко развита, особенно торговля овцами. В Ташкенте же наоборот торговля скотом из года в год уменьшалась, особенно в 1894 г. Если в 1894 г. в городе продано 2,9 млн. голов скота, в 1895 г. всего продано 358.400 голов. А в 1904 г. продано еще меньше – 9,665 голов, а в 1913 г. всего продано 5794 голов.

Наряду с внутренней торговлей продукты садоводства вывозили за пределы города.

Таким образом, в конце XIX в. в городе развивалась внутренняя, розничная торговля. Главный стагородской базар – Чорсу – был торговым центром города. С развитием товарных отношений, установлением железнодорожной связи с Россией, Ташкент к началу XX в. стал торгово-экономическим центром края.

TRADE RELATIONS OF TASHKENT (later 19th – early 20th century)

Tashkent that generated on the crossroads of trade lines since olden days is known as a large trade city. In Tashkent markets there traded merchants from many different states (the Indians, Afghans, Chinese, Russians, etc.). In Mukhammad Salikh's book the market on the square Registan is named as the main trading center of the city. "People call this district "Juba" while in books it is referred as "Djuibar", – writes Mukhammad Salikh. – "This information can help in defining and specifying the etymology of the term "Eski Juva". Shopping area of the market Chorsu reached the stalls with sweets. During the month of Ramazan the market functions even at night and people trade and have fun".

A.Khoroshkhina marks in Tashkent "there are lots of people engaged in commerce. *Sart*, having even 20–30 rubles, immediately starts to deal with trade".

A.K.Geins in detail characterizes Tashkent markets and shopping areas: flour, felt, mutton, meat area, grain area, galosh market, wood market, smith area, copper area, fixtures market, tea area, cotton products area, knife-makers area, cotton market, tobacco market, dish market, jeweler area, saddle area, etc. Total number of shopping areas reached 1500. Each shopping area selected its manager – *aksakal*.

The length of the Tashkent market reached 400 and the width was equal to 100 sazhen (1 sazhen = 2.1336m). The main market of Tashkent had 16 caravanserais and 2400 shops, and in entire city there were 4548 shops. Most of them at the same time served as workshops.

The city basically conducted retail commerce. Absence of wholesale commerce from time to time led to shortage of foodstuffs, as a result their prices would raise dramatically. Because of absence of a stock of grain products the price for wheat increased, too.

With development of trade relations between the Turkestan land and Russia many branches of agriculture (cotton-growing, cattle breeding, and others) more or less were involved into this process. As a result, large cities of Turkestan became economic centers of separate regions. For example, Tashkent became economic center of not only the Chirchik oasis but of the entire Turkestan. If earlier the city traded agricultural products and goods of handicraftsmen, now most of the goods were industrial goods. Since 1870 in Tashkent there were organized the autumn and spring trade fairs.

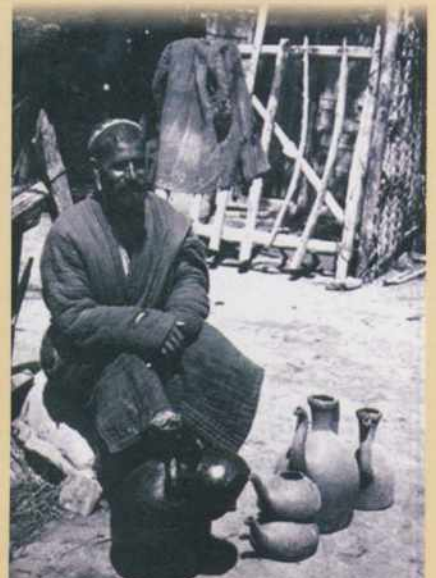
The Tashkent agricultural region kept trading relations with all the regions for wholesale commerce of wheat and rice. For example, rice was sold basically to Bukhara, as well as to the Semirechensk, Turgai and Akmolin regions.

Towns and districts of the Syr-Darya region supplied Tashkent with grain products, meat, and cotton. In 1875 the trade turnover of these goods reached 1.5 million rubles. In turn, Tashkent exported to the Syr-Darya region the goods of the Russian manufactory and industrial products of local manufacture.

Cattle and the derivatives trade got widely developed in the Syr-Darya region at the beginning of the 20th century, especially the sheep trade. In Tashkent, on the contrary, cattle trade decreased from year to year, especially in 1894. If in 1894 the city sold 2.9 million heads of cattle, in 1865 altogether 358.400 heads were sold. And in 1904 there were sold even less – 9.665 heads, and in 1913 – total 5794 heads were sold.

Alongside with domestic trade, the products of gardening were exported out of the limits of the city.

Thus, national retail commerce in the city developed at the end of the 19th century. The main old-city market Chorsu was the shopping center of the city. Due to development of trade relations, establishing the railway communication with Russia, Tashkent became the trade and economic center of the region by the beginning of the 20th century.

ТОШКЕНТГА ҚАСИДА

Зайиуддин ВОСИФИЙ

Тошканд мулкин букун таърифин этай,
Нукталар шодасин назмга битай.

Топ-тоза зилолдек Парак дарёси,
Салсабил наҳрига монанд қиёси.

Бир диёрки, анда сунбулу раъно,
Халқин жаҳон айтар мардуми доно.

Остидаги тошлар дурдан қолишмас,
Дурлар бозорида нархи ҳеч тушмас.

Андоқ бир шаҳарки жаннатмакандир,
Хижолатдин жаннат сийнаси қондир.

Насими гўёки Исонафасдир.
Анга етмоқ Масихога ҳавасдир.

Бу кентни ким кўрса асло жилмагай,
Жаннат неъматларин орзу қилмагай.

Хушбўй сабосини этсанг ихтиёр,
Рухпарвар дилбарлар нафасича бор.

Бўлак юртларда гар бўлгунг бахтиёр,
Бунда гадолик беҳ, этгил ихтиёр.

Ҳавоси малҳамдир хаста жон учун,
“Қонун”и шифодир бағри қон учун.

Муборак тупроғи мисли тўтиё,
Суйи раҳмат суйидин хўброқ гўё.

Олови дилбарнинг феълидек саркаш,
На дилкаш! Оташин, воҳ, лаъли маҳваш!

Тупроғин гардлари етса фалакка,
Бўлгудек тўтиё чаими малакка.

Фитна кўзгаилари жонга балодир,
Шуъласи серафшон ўтлар солодир.

Шунинг-чун ел уни элтиб осмона
Атру уна қилур хуру гилмона.

Ҳар бир нур ўрнидан туриб қолса гар,
Тасаввур қилакўр – шиша тўла зар.

Суйи қаришисида оби ҳаёт ҳеч,
Зулмат сари кетсин, шармандадан кеч.

Дуди оловидан гар кўтарса бош,
Дейсиз лолазорда сарви қаламқош.

Хизр гар суйидан хабар топсами,
Зулматни тарк этур, ҳам қолмас гами.

Теграсин қуршаган гўзал чорбоғлар,
Алардин Эрамнинг кўксидо доғлар.

Балки аввал излаб топган бўлса ул,
Оби ҳаёт таркин айлаган буткул.

Богларин васфина агар киришсам,
Ёддан кўтарилур беҳишту Эрам.

Тераклар саф тортиб турарлар қатор,
Ҳар бирин дегайсан сарвиқомат ёр.

Тераклар қоматин кўрганда қизлар,
Шармдан қизарур, ҳаёдан гизлар.

Ясанган қизлардек қадди санавбар,
Виқор-ла туради саф тортиб аръар.

Ёраб, тол баргининг сувдаги акси –
Қармоққа илинган балиқлар рақси.

Заминга инади соя билан нур –
Гўё мушқу анбар ерга сочилур.

Чаман узра атир гулнинг болқизи,
Айман водийсининг оловкор ниши.

Анҳор тарафинда кўринган гулбун,
Ўша яшил дарахт, гули эса – хун.

Қара, гулбунидин гунча кўрингай,
Сабзаранг хум мисол, ичи тўла май.

Ё доғли сийнаси маҳзун булбулнинг,
Ичи қонга тўлмиш дардида гулнинг.

Йўқ, галат сўзладим – бу бир боғ гули,
Шундан доғли эрур булбулнинг дили.

Гулнинг шавқида доимо нолон,
Шул гулнинг жабридан чекадир афгон.

Анвойи бинафша ариқ четинда,
Титратма бор каби тану этинда.

Ё йўқлик мулкидин қаторма-қатор,
Яшиллик келтурур карвонда баҳор.

Савсан гунчалардин кўрсатур бармоқ,
Олуда этибди нийлу рангга, боқ.

– Мендандир, – деди у, – боғнинг чиройи,
Бўёқчига келур кўк ранг киройи.

Наргис кўзи тегди унга азалдан,
Кўкариб бўй чўзди сарв касалдан.

Шунданми юз минглаб гунча чўзиб тил,
Дам солур сарвга бир-бир мустақил.

Ҳамиша баҳор гули деганича бор,
Ундан чорбоғ ичи ҳамиша баҳор.

Ёинки пойига қирмизи гулни,
Чаман сочди ашрафийлар сочқини.

Ёки Қорун ганжи ер остидайдди,
Баҳор анинг сиррин фош этиб қўйди!

Гулхайри гулларин қалқон айламиш,
Устида забаржад маржон айламиш.

Шунданми ҳамма ёқ ганжега ўхшайди,
Қалқон тутган баҳор ганжени ўлчайди...

Лолазорда маскан қурган андалиб,
Гул мадҳин тарк этмас тани ўт олиб.

Боди сабо лола ҳовончасида
Ғолия туяди гул боғчасида.

Аргувон гуноҳкор бир ҳиндумикин,
Тани чўб зарбидан қорайдимикин?

Таёқ зарбидандир танда яралар,
Баданида юз минг қонли қатралар.

Занбақ гули гунчаси ёнар чаманда,
Шу важ кофур нархи тушган экан-да?!

Анинг шу жилваси шишаи зарми?
Ёрнинг бармоқларин аён этарми?

Боғнинг янги келинчаги настаран –
Оҳорли рўмолин бошга боғлаган.

Қариликдан нишонами – боши оқ!
Ёки жондин умид уздимми ёш чоқ,

Чаманга маст қумри нолон кирибди,
Зебо сарв кўксини ошиён дебди.

Ул ҳам гул хабарин эшитибди-ку,
“Қани!” деб аламда зорланди “ку-ку?”

Қумрилар чинорда, маснад юқори,
Ҳар бири минора узра бир қори.

Бадроқдек ҳаммаси шавқу завқда, ҳур,
Ҳаммаси тангрига сано айтадур.

Оғиз шу маҳали лаззатга тўлар,
Мевалар сифатин сўзласам агар.

Узумин васфидан айтайин бир қур,
Лаълу дурлар билан гаровда энгур.

Назарга келтиринг соҳиби навъин,
Эслатур чиккабел дилбарлар лабин.

Ҳусайний узумин ҳар бир донаси—
Гўзаллар лаълининг ол дурдонаси.

Ишкомлар осмонин кузатсанг агар,
Бобаки кўринур мисоли Хулкар.

Кузаки қанд билан гаровда банддай,
Новвотнинг устидан шакар тортгандай.

Шаккари навъининг узумидан энг,
Нарҳини сўрсангиз новвот билан тенг.

Бир кезиб чиқсангиз тарвуз пайкалин,
Ҳавас ҳам қилмайсиз беҳишт асалин.

Чарх бу экинни омонда сақлар,
Балки осмон уни тумор-ла ёқлар.

Қовуни наввотнинг таъмини берар,
Мазаси танингга жон бўлиб кирар.

Айшу ишрат рукни эрур ҳар боли,
Шу бинонинг ҳеч ҳам бўлмас заволи.

Араблар ҳалвога чўп ўрнатурлар,
Ширинлик қасдига на чуст қилурлар?

Ковуннинг ҳар бири каллақандча бор,
Одамлар шунинг-чун бошини ёрар.

Майсалари кўзга ташиланган ҳамон,
Гўзаллар хаттининг ҳечлиги аён.

Нозик сабзалари—барра, ўлтиринг,
Нозикқадлар эҳсонига тенг кўринг.

Ширинлиги ўтқир — тилни тилади,
Алишер таъбидан — буни билади.

Меваларга тўлиқ бу рангин бўстон,
Арзийди ёзолсам шаънига достон.

Ҳар анори гўё чўгдек санжоний,
Лаъл каби товланур ёқут румоний.

Хўққа тўла ҳам қизил ёқут,
Жонингга бағишлар қувват билан қут.

Наивотисин қилай таъриф, сифотин,
Сув олади оғзинг, зикр этсам отин.

Гўё ишишачалар тўла наввотдир,
Дема наввот, унда оби ҳаётдир.

Ўн оғоч, ёйинки ўн тош наридин,
Мушкин ҳид таралар олмаларидан!

Ўхшайди дилбарлар занахдонига,
Кўрганлар илингай унинг домига.

Ё тавба, беҳисин обу рангидан,
Боз кўрки ортади янги-янгидан.

Шираси беҳиштнинг сувими десам,
Жаннатнинг лаззати унда мужассам.

Таърифда ягона Тошканд анжири,
Бунда жамулжамдир сирларнинг сир.

Булардан ҳаммиша жонга ҳаловат,
Шираси асални қилур маломат.

П.ЗАХИДОВ
ТАШКЕНТ ВЕЛИКИЙ

P.ZAKHIDOV
GREAT TASHKENT

2

А.ЗИЯЕВ
ФОРТИФИКАЦИЯ
ТАШКЕНТА XIX ВЕКА

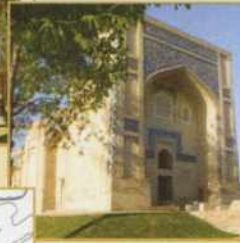
A.ZIYAEV
FORTIFICATION OF TASHKENT
OF THE 19th CENTURY

8

Ж.ИСМОИЛОВА
ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО ТАШКЕНТА
(в кон.XIX — нач.XX вв.)

J.ISMOILOVA
CONSTRUCTION OF TASHKENT
(later 19th — early 20th centuries)

10

Х.СОДИКОВ
ВЕЛИКИЙ УРОЖЕНЕЦ ТАШКЕНТА

KH.SODIKOV
A GREAT NATIVE OF TASHKENT

14

Ш.КАМОЛИДДИН
О ПРОИСХОЖДЕНИИ
ТОПОНИМА ЧАЧ (ШАШ)

SH.KAMOLIDDIN
ABOUT ORIGIN OF THE
TOPONYM SHASH (SHASH)

18

А.ХАКИМОВ
ТРАДИЦИОННОЕ РЕМЕСЛО
ТАШКЕНТА

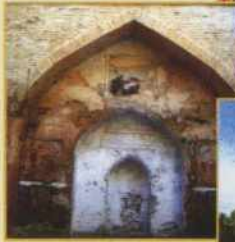
A.KHAKIMOV
TRADITIONAL ART CRAFTS
OF TASHKENT

24

У.СУЛТОНОВ
МЕЧЕТЬ АЗИЗЛАРХОН ЭШОН

U.SULTONOV
THE AZIZLARKHON ESHON
MOSQUE

28

Р.НОСИРОВ,
Б.ЙУЛДОШЕВ, Х.ТУЙЧИЕВА
ПРАВИТЕЛЬ ТАШКЕНТА

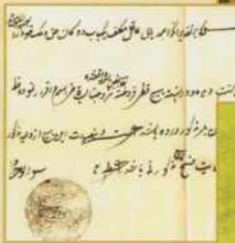
R.NOSIROV,
B.YULDOSHEV, KH.TUICHIEVA
GOVERNOR OF TASHKENT

31

Ш.ВАХИДОВ, Р.ХАЛИКОВА
АБУ УБАЙДУЛЛАХ ТОШКАНДИ.
«ХУЛОСАТ УЛ-АХВАЛ»

SH.VOKHIDOV, R.KHOLIKOVA
ABU UBAYDULLAKH TOSHKANDY.
"KHULOSAT UL-AKHVAL"
("CIRCUMSTANCES OF LIFE")

34

Д.ЧОРИЕВА
НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ
ТОИБА ТОШКАНДИ

D.CHORIEVA
SCIENTIFIC HERITAGE OF
TOIB TOSHKANDY

36

А.ТОГАЕВА
ИЗ ИСТОРИИ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ

A.TOGAEVA
FROM THE HISTORY OF
THE RAILROAD

41

М.ХАСАНОВА
ТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ТАШКЕНТЕ
(2-я пол.XIX — нач.XX вв.)

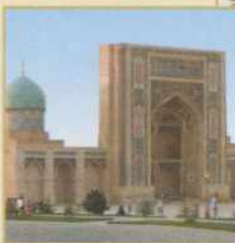
M.KHASANOVA
TRADE RELATIONS OF TASHKENT
(later 19th — early 20th century)

44

З.ВАСИФИ
ОДА ТАШКЕНТУ

Z.VASIFY
AN ODE TO TASHKENT

46

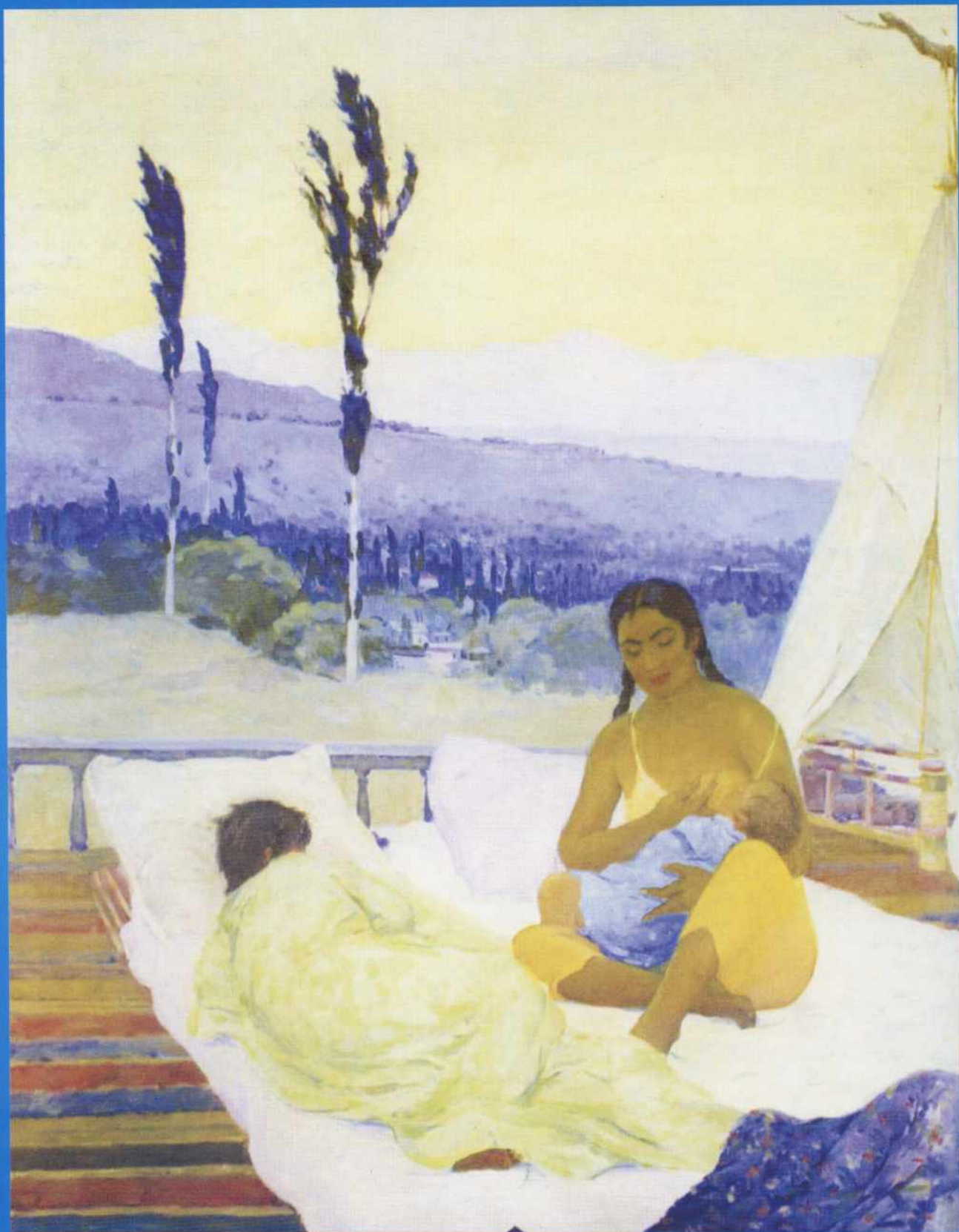

2 (42) 2009

MOZIYDAN
SADO ECHO OF HISTORY
ЭХО ИСТОРИИ

**ЎЗБЕКИСТОН МУЗЕЙЛАРИ ДУРДОНАЛАРИ
ШЕДЕВРЫ МУЗЕЕВ УЗБЕКИСТАНА
MASTERPIECES FROM MUSEUMS OF UZBEKISTAN**

**ЎЗБЕКИСТОН ДАВЛАТ САНЪАТ МУЗЕЙИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ИСКУССТВ УЗБЕКИСТАНА
THE STATE MUSEUM OF ARTS OF UZBEKISTAN**

**Р.Ахмедов. Тонг. Оналик. 1962.
Р.Ахмедов. Утро. Материнство. 1962.
R.Akhmedov. Morning. Maternity. 1962.**